

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Материалы Международной
научно-практической конференции
Москва, Центральный Дом журналиста,
26 июня 2012 г.**

**ЦЕНТР РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ «РЕЛИГИОНОЛОС»**

**КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ
АКАДЕМИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Материалы Международной
научно-практической конференции
Москва, Центральный Дом журналиста,
26 июня 2012 г.**

**Издательство «Древо жизни»
Москва
2012**

УДК 348
ББК 86.3

Редколлегия:

доктор философских наук, профессор Е.С. Элбакян (ответственный редактор), доктор философских наук С.И. Иваненко, член Союза журналистов России М.Н. Ситников

Новые вызовы свободе совести в современной России. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 г. – Москва, 2012. – 168 с.

ISBN 978-5-91470-036-9

В книге, подготовленной на основе докладов и выступлений ученых на Международной научно-практической конференции «Новые вызовы свободе совести в современной России», состоявшейся 26 июня 2012 года в Москве, рассматриваются феномен антикультизма, его происхождение, идейные истоки, отличие от контркультизма. Антикультизм определяется как одно из явных проявлений нарушения принципов свободы совести. В ряду подобных нарушений находится также и использование так называемого «антиэкстремистского законодательства» для ограничения законных прав верующих ряда религиозных объединений, зарегистрированных Министерством юстиции России. Участники конференции также рассмотрели принципы независимой религиозно-экспертной, необходимой для подготовки объективных, свободных от конъюнктурных оценок экспертных заключений. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся местом религии в современном обществе, отношением государства с религиозными организациями, нравственно-практической практикой в отношении религиозных меньшинств.

ISBN 978-5-91470-036-9

© Коллектив авторов, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Звание свободного человека дороже всего»	5
---	---

ФЕНОМЕИ АНТИКУЛЬТИЗМА

<i>Себенцов А.Е.</i> Государственно-церковные отношения в современной России и антикультизм	7
<i>Жеребятьев М.А.</i> Доктрина и практика антикультизма в свете задач формирования российской гражданской нации.	12
<i>Хруль В.М.</i> Маргинализация религиозных меньшинств в российских СМИ	19
<i>Лецинский А.Н.</i> Альтернативное православие: содержание понятия, история и современное состояние	29
<i>Иванеев С.В.</i> Актуальные проблемы реализации свободы совести в Вооруженных Силах Российской Федерации	38
<i>Перссон Б.</i> История и идейные истоки антикультивого движения	47
<i>Погасий А.К.</i> Антикультизм: генетическая патология или духовная нищета?	52
<i>Иваненко С.И.</i> Антикультивое и контркультивое движения с религиозведческой точки зрения	57
<i>Смирнов М.Ю.</i> «Антикультизм» – понятие и практика	63

АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НЕОБХОДИМОСТЬ НЕЗАВИСИМОЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Еленский В.Е.</i> Религиозная свобода в посткоммунистическом обществе: случай Украины	69
<i>Артемов А.И.</i> Новый закон о религиях в Казахстане: «за» и «против»	76
<i>Кантеров И.Я.</i> Сноска экстремистских материалов Минюста РФ: замыслы и результаты	83

<i>Фролов М.А.</i> Ноиск экстремизма в религиозных текстах: цели и результаты	93
<i>Султанов А.Р.</i> Современная цензура религиозных учений	98
<i>Кульчицкий А.Е.</i> Воспитание толерантности – актуальная проблема современного общества	105
<i>Аринин Е.И.</i> Религиоведение как школа толерантности в системе образования (региональный материал)	114
<i>Гончаров О.Ю.</i> Итоги Всероссийской научно-практической конференции «Практика применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности и гарантии свободы совести в современной России»	124
<i>Синицын М.В.</i> Специфика применения антиэкстремистского законодательства к последователям Фалуньгун в России	128
<i>Элбакян Е.С.</i> Научность религиозведческой экспертизы: возможность и необходимость	139

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

<i>Итоговый документ</i> Международной научно-практической конференции «Новые вызовы свободе совести в современной России»	151
<i>Заявление участников</i> Международной научно-практической конференции « Новые вызовы свободе совести в современной России»	153
АННОТАЦИИ /ABSTRACTS.	155
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.	166

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Звание свободного человека дороже всего»¹

Жизни годы прошли иедаром,
Ясеи предо мной коиечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый деиь за них идет на бой!
И.-В. Гёте. Фауст

26 июня 2012 в Мрамориом зале Центрального Дома журналиста в Москве состоялась Междуиародия иаучио-практическая коифереиция «Новые вызовы свободе совести в современной России». В задачи коифереиции входило религиоведческое исследование феиомеиа антикультизма, влияния антикультистских мифов на вероисповедную политику, а также аиализ состояния государствеиио-коифессиоиальных и межрелигиозных отиошений в современной России.

В процессе коифереиции специалисты в области религиоведения и права рассмотрели различные аспекты заявленииой темы, в том числе:

- История и идейиые осииовы антикультизма. В рамках даииой темы состоялась презентация книги шведского автора Бертила Перссона «Борьба против сект: идейиые осииовы и их иесостоятельность». (М., 2012);

- Антикультизм и результаты его воздействия на вероисповедную политику в современной России. В рамках даииой темы была проведена презентация брошюры С.И. Иваиенко «Вторжение антикультизма в государствеиио-коифессиоиальные отиошения в современной России». (СПб.: Древо жизни, 2012);

- Междуиародиые и российские иормы права, регулирующие деятельность религиозных объединений. В рамках даииой темы состоялась презентация монографии А. Р. Султанова «Европейские правовые стаидарты, уроки истории и правоприменительная практика». (М., Статут, 2012);

- Антиэкстремистское законодательство и вероучительная литература (с исследованием иа примерах, связаиных с различными иаправ-

¹ Еврипид (также Эврипид, лат. Euripides, 480–406 до п. э.) – древнегреческий драматург.

лениями ислама, религиозными организациями Свидетелей Иеговы, Церкви Сасентологии, Общества сознания Кришны, Фалуиш Дафа и др.);

- Проблемы проведения квалифицированной экспертизы по делам о признании религиозной литературы экстремистскими материалами;

- Актуальность вопроса о создании и правовом статусе Совета по проведению независимой научно-религиоведческой экспертизы религиозной литературы, вероучения и деятельности религиозных объединений;

- Религиоведение и право в воспитании толерантности (от учащихся школ и учителей до сотрудников правоохранительных органов).

Участниками научно-практического мероприятия были приняты Заявление и Итоговый документ, которые, как и сделанные учебными доклады, предлагаются вниманию читателя в данной сборнике.

Издание рекомендуется специалистам: религиоведам и юристам – студентам, аспирантам, преподавателям, а также тем читателям, в круг интересов которых входят проблематика взаимоотношений государства с религиозными организациями и дальнейшая судьба демократических прав и свобод граждан России.

ФЕНОМЕИ АНТИКУЛЬТИЗМА

А.Е. Себеицов

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И АНТИКУЛЬТИЗМ

Прежде всего, хочу поблагодарить организаторов за их труды и поздравить участников сегодняшней конференции – она свидетельствует, что религиозное живое и теология его не вытесняет. Это же подтверждается целым рядом вышедших печатных изданий, часть из которых сегодня будет презентована.

Российское государство в начале 21 века в очередной раз оказалось в поисках своей идентичности и путей дальнейшего развития. Конечно, есть Конституция, созданная по западному образцу, есть демократические институты – например, выборы главы государства, законодательных собраний. Но, перенесенные на российскую почву, они работают не «по-западному» – достаточно сравнить проходившие недавно выборы президентов России и Франции. Представительные органы в каких-то отношениях утрачивают важные содержательные характеристики и нуждаются в дополнениях, как Государственная Дума Российской Федерации в Общественной палате.

Некоторые конституционные нормы не находят понимания в самых широких кругах общества. Так, едва только была принята в 1993 году Конституция Российской Федерации, провозгласившая: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»², как начались массовые поиски идеи, которая должна была объединить всю страну. Приходится признать, что ничего нового найдено не было, но общественный запрос получил отклик от Русской православной церкви, который был, по сути, поддержан значительной частью общества, хотя в следующей статье Конституции написано: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязатель-

² Конституция Российской Федерации. Ст. 13. Ч. 2.

ной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»³.

Интересно, что ведущие специалисты в области конституционного права оценивают признание идеологического разнообразия в качестве сужения сферы государственной власти. В Комментарий к Конституции РФ под редакцией В.Д.Зорькина и Л.В.Лазарева отмечается: «Признание идеологического многообразия (наряду с признанием политического многообразия и многопартийности) в качестве одной из основ конституционного строя РФ есть рефлекс на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, закреплявшийся в советских конституциях и поддерживавшийся всеми институтами государственной власти. Оно означает существенное сужение пределов государственной власти, поскольку из-под контроля государства выводится сфера идеологии, под которой обычно понимается система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности»⁴.

Вместе с тем существование доктрины управляемой демократии, суверенной демократии, особого русского (российского) исторического пути заставляет задуматься, в какой мере государство готово сузить свою власть. Очевидно, что пресловутый монизм, только в других формах, сохраняется и в менталитете населения, и во властных государственных институтах – государственная власть не желает сужаться, и не особенно стремится выполнять свою конституционную обязанность – признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина⁵, по-прежнему считая, что государство – сначала, а граждане – потом.

Хорошо это или плохо – оставляю в стороне; воплощение в жизнь заманчивых постулатов, как известно, может приводить и к нежелательным результатам. Государственная власть должна решать массу сегодняшних проблем, опираясь на имеющийся уровень собственной и принимаемой народом управленческой культуры. А этот уровень по-прежнему описывается формулами В.С. Черномырдина – «что бы мы ни строили, получается КПСС» и «хотели как лучше, а получается как всегда».

³ Конституция Российской Федерации. Ст. 14. Ч.1 и 2.

⁴ Комментарий к Конституции РФ / Под ред. Зорькина В.Д., Лазарева Л.В. М., 2010.

⁵ «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». (См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 2.)

В духе этих же формул находится деятельность государственного стража законности – прокуратуры, и третьей ветви власти – судебной, в отношении к анакомыслию. И хотя масштабы явления и степень его далеки до классических советских образцов, но явление живо.

Немалое влияние на государственно-конфессиональные отношения (или вероисповедную политику государства) оказывают классические принципы, лежащие в основе власти. За последнее столетие значительно возросли информационно-коммуникационные возможности людей, роль массмедиа, но основной характер отношений приобретения власти и ее удержания сохранился со Средних веков, и заветы Николло Макиавелли по-прежнему актуальны.

Борьба за власть на международном уровне проявляется то в прямых военных акциях межгосударственного уровня (Балканы, Ирак), то выливается в создание управляемого беспорядка (цветные революции, Ливия и др.). Стремление удержать власть в этих условиях приводит к увеличению внимания руководства стран, ощущающих возможность стать театром такого сценария, к силовым структурам. Интересны в этом отношении сведения, сопоставляющие объем структур МВД СССР и современной России. При сокращении населения и площади страны, численный состав органов внутренних дел России вырос до 1106 тыс. человек с 628 тыс. человек в СССР. Один милиционер в СССР приходился на 427 человек и 35 кв. км, а в России один полицейский приходится на 129 человек и 15 кв. км. Это притом что из МВД выведены пожарные (в МЧС) и тюремщики (в Минюст)⁶. Но очевидно, что удержание власти не определяется численностью правоохранителей. Нужны разнообразные связи и системы отношений, обеспечивающие определенность поведения и масс, сил поддержания порядка. Нужны коалиции политических сил, укрепляющие властную систему. Когда немцы захватывали территорию России, то не из любви к свободе совести, а из необходимости удерживать власть, на оккупированных территориях они начали открывать церкви, развивать контролируемую систему церковного управления. И.В. Сталин с верным помощником Л.П. Берия, со своей стороны, сумели перехватить инициативу, создали РПЦ как необходимого члена коалиции против врагов страны – и это немало способствовало победе. Когда надобность отпала, то Церкви

⁶ См. указы Президента РФ, опубликованные в “Российской газете” №5419 (43) от 2 марта 2011 г.; Медведев: Численность МВД с 2012 года составит 1,1 млн человек// Режим доступа: http://alstep3541.ya.ru/replies.xml?item_no=1181

пришлось трудно, однако она никогда не отделяла себя от государства (в отличие от государства), молилась о властях и воинстве. На переломе конца 1900-х гг. Церковь оказалась единственной исторически легитимной фигурой, представляющей народ по тем вопросам, которые не выносятся на всеобщее голосование. Став в силу обстоятельств самостоятельным политическим игроком, Церковь поддержала новую форму российской государственности, вошла в коалицию с властями, помогла укрепить легитимность светской власти – и вполне оправдано потребовала платы.

Надо отметить еще одну особенность наших традиционных коалиций: дружить надо обязательно против кого-то. Нет фигуры противника – нет живительного движения, поддерживающего дружбу. И тут – если бы не было иных конфессий, на которых можно повесить жупел «нетрадиционных – тоталитарных – деструктивных», их пришлось бы выдумывать (если внимательно изучить практику противодействия экстремизму, то найдутся и примеры выдумывания). Одновременно создаются и другие варианты коалиций, уже в самой религиозной сфере: сначала в круге «традиционных» религий, без чего вряд ли удалось бы продвинуть в школу основы православной культуры, и далее в отношении некоторых конфессий ведется игра в «свой-чужой». Например, выступая по телевидению о Дмитрии Смирнове, (грубо до экстремизма) оценив мормонов и Свидетелей Иеговы, о баптистах высказался как о «почти наших»⁷.

Важным фактором, определяющим отношение к некоторым религиозным меньшинствам, очевидно, является сохранившееся с советских времен в государственных правоохранительных службах, да и в народном менталитете, органическое недоверие к религиозным объединениям, имеющим руководящие структуры за рубежом. Причем, чем строже в них правила религиозного поведения, членская дисциплина, тем большую потенциальную опасность видят в них бдительные граждане и люди в погонах, полагая (и возможно, не без оснований), что в кризисный момент религиозная составляющая единства может превратиться в политическую. И здесь привычное понимание интересов государства и Церкви совпадает – уже отразившееся в Федеральном

⁷ После эфира передача размещена на сайте телеканала //Режим доступа: <http://tv-soyuz.ru/programms/tv/religious/besedy-s-batyushkoy/at25065>

Также передача доступна в мультимедийном блоге протоиерея Димитрия Смирнова по адресу: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/otvet-10994/?stt=21>

закоие «Об общественных объединеиях» различие требований по представлению отчетности от религиозных организаций, получающих и не получающих финансирования из-за границы, предполагается по-полнить, вводя еще более строгие нормы против политизированных объединений.

Одновременно идет формирование религиозной (православной) системы организации воспитания в армии и других силовых структурах, продолжается и развивается знакомство с элементами религии в школе, стало повсеместным преподавание теологии в светских, в том числе государственных вузах – все это составляющие государственной политики. Главный недостаток этой политики – непродуманность и отсутствие четко сформулированной позиции. И антикультизм – одна из ее составляющих, хотя явно ущербная, поскольку в этой сфере функции и допустимые методы действий государства и религиозных организаций не должны смешиваться, а не основанное на Конституции давление государства на религиозные меньшинства не способствует решению задачи по укреплению государственной власти.

ДОКТРИНА И ПРАКТИКА АНТИКУЛЬТИЗМА В СВЕТЕ ЗАДАЧ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

Действующая Конституция РФ 1993 г. зафиксировала свободу совести¹ и многонациональность (полиэтничность) в качестве фундаментальных принципов постсоветского общественного устройства. В современном мире столь разнонаправленные векторы индивидуальных и групповых прав уравниваются, прежде всего, за счет включения их в формат единой гражданской нации. В ее создании на конвенционных началах участвуют и общественные группы, и разные по своей природе корпоративные союзы, и государство. Соответственно, юридическое утверждение права на свободу совести, как и права на свободное развитие этносов, требует проведения государственной политики, направленной на реализацию положений Основного закона.

Вместе с тем возникновение и становление как российской государственности в 1990-е гг., так и рождение постсоветского общества в пределах бывшей РСФСР, происходило в условиях кризиса советского полиэтнического социума и распада прежнего, проводившего собственную этническую политику большого и сложносоставного государства. С одной стороны, оно имело идеологическое оформление (социалистический общественный строй, государственное устройство советского типа, «новая историческая общность людей»), с другой – сложившуюся к тому времени иерархию различных институционализированных статусов с представительством в них титульных этносов. В свою очередь, статусы играли определяющую роль в системе теневых «административных рынков». Процесс распада советского государства сопровождался кровопролитными межэтническими и межгосударственными конфликтами вкупе с «парадом суверенитетов» национально-государственных образований (автономий бывшей РСФСР), которые, в свою очередь, создавались в формате государственно-политического строительства советского образца. В результате, место общей советской

¹ Понимаемую как свободу выбора вероисповедных форм самим гражданином, отсутствие обязательного для граждан мировоззрения и соответствующих ему практик, исповедание религии как в коллективных, так и в индивидуальных формах, а также равенство вероисповеданий и религиозных организаций.

идеитичности стали занимать идеитичности более низкого порядка – этническая и конфессиональная. По факту, они опередили появление российской общегражданской нации.

Электоральный принцип «большинства», игравший определяющую роль в сложных политических процессах рубежа 1980–1990-х гг., обеспечил легитимность новой власти. Но он же был вскоре механически перенесен властью на сферу гражданских отношений. Легитимность в гражданской сфере, также как и в политике, стало обеспечивать исключительно волеизъявление большинства (реального, а зачастую и воображаемого/гипотетического ²).

Уже в первые постсоветские годы Российское государство в целом и власти субъектов Федерации, de-facto, стали следовать «уличным» настроениям, господствующим в этнических сообществах, и относиться с вниманием к пожеланиям, зачастую граничащим с требованиями, организованных групп влияния. Постсоветская власть самостоятельно не продуцирует новых смыслов, но следует в фарватере господствующих общественных настроений, выборочно укрепляет те из них, которые работают на ее собственный имидж (и при этом проводит самостоятельную от влияния общественного мнения политику). Весьма показательна история происхождения характеристики В. Путина как «эффективного менеджера»: оно перекочевало из конкурсной работы школьницы на страницы учебного пособия, где и было замечено журналистами и аналитиками.

В числе организованных групп влияния оказались и не имеющие фиксированного членства религиозные организации, которые в условиях отказа власти от политики атеизации населения стремились в выстраивании собственного диалога с властью опереться на всеобщую

² Воображаемым/гипотетическим большинством в современной России являются такие группы, как «верующие», «православные». Основу религиозной и конфессиональной самоидентификации составляет не реальное исповедание религии (паличие у людей соответствующего мировоззрения, следование определенным законам, использование соответствующих практик, постоянная связь людей с организацией-посителем религиозности и ее представителями), а в достаточной степени произвольное мировоззренческое самоопределение по отношению к миру сакрального и жесткое отождествление этничности с конкретной вероисповедной традицией. Согласно последним данным Левада-центра, «более 70% населения страны называют себя православными, а число крещенных перевалило за 90%». Одновременно только 40 % признающих себя православными верят в Бога. Треть же участников опроса не просто не верят, «но и религиозными людьми себя не считают». (См.: Фаликов Б. Православие для галочки. Несмотря на все свои усилия, РПЦ МП не сумела обеспечить Кремль падежной идеологической поддержкой // Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2012/06/18_a_4630085.shtml/)

поддержку, апеллировать к живой традиции народа — т.е. к обществу в целом и/или отдельным этническим группам, выступать от имени (опять же) всего общества и/или этнических сообществ. М. Вебер такого рода традиционалистские религиозные организации относил к типу «церквей», соответствующему принципам структурирования сословного общества. На сегодня Русская православная церковь Московского патриархата (РПЦ МП) является самой крупной и влиятельной корпорацией, представляющей в современной России данный тип религиозных организаций.

С наибольшей силой принцип поддержки легитимирующим большинством проявился в области этнической политики и в религиозной сфере (имеющих минимальное юридическое регулирование)³.

Таким образом, религия с опорой на блокирующее альтернативные варианты общественного развития «большинство», несмотря на признание властями консолидирующей роли так называемых «традиционных» религий/конфессий, превратилась в сегрегирующий фактор, который объективно тормозит процессы формирования единой российской гражданской нации и создание общего гражданского пространства. Причем этот процесс год от года только усиливается.

Нам представляется весьма показательными иллюстрациями состояния «электоральной» управленческой тенденции двух постсоветских десятилетий обсуждение в рамках президентской кампании 2012 года: а) темы придания русскому этносу статуса государствообразующего; б) роли традиционных ценностей и традиционных религиозных организаций.

В обсуждении вопроса о государствообразующем народе, по версии В. Путина, должен быть признаный всем российским обществом и не требующий обсуждения постулат, который фиксирует историческую роль русского народа. Постоянно апеллирующий именно к русским (этническим русским) избирателям лидер ЛДПР В. Жириновский пошел дальше, предложив закрепить такое положение на законодательном уровне. При этом существующие прогнозы резкого сокращения численности этнических русских в стране уже в ближайшие десятилетия

³ Действующий российский закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», как и предшествующий ему документ, принимавшийся еще в условиях РСФСР (1990), регулируют главным образом порядок приобретения и утраты религиозными организациями статуса юридического лица. Этническая сфера законодательно регулируется лишь в части положения коренных малочисленных народов Севера и (опять же) получения юридических прав культурно-национальными автономиями.

совершению не принимаются во внимание. Идея юридического закрепления государствообразующего статуса русского народа пользуется поддержкой руководства РПЦ МП, которая совершенно открыто позиционирует себя (в условиях светского государства!) в качестве культуры и даже государствообразующей религии России.

В вопросе о ценностях набросок путинской предвыборной программы позволяет уяснить смысл систематических апелляций власти постсоветской России к так называемым «традиционным» конфессиям, как и прочие традиционалистские упования: они компенсируют отсутствие реально сложившихся ценностей в российском обществе. Но этого мало, сама такая парадоксальная ситуация объявляется «традиционной», и в этом заключается еще большая ее опасность⁴.

Однако, параллельно этому, российская власть практически в моно-субъектном режиме ведет поиск основ для построения российской гражданской нации (разумеется, в пределах доступных пониманию власти). Федеральная власть признает неудовлетворительным существующее состояние гражданской идентичности (при котором этническая и конфессиональная идентичности доминируют над гражданской/общенациональной) и декларирует необходимость в ближайшие годы изменить ситуацию⁵, связывая надежды с принятием и реализацией Концепции государственной миграционной политики, которая среди прочего предусматривает интеграцию прибывающих в российское общество.

При этом основной упор делается на интеграцию мусульман (как российских, так и иностранцев), оказавшихся на территориях, населенных преимущественно русскими.

⁴ В реальности мы имеем дело с коллизией: на фоне деклараций о традиционности, высоких (якобы почти прирожденных) идеалах праведности, духовности, реальное общество живет совершенно другими ценностями, и разрыв между официальными декларациями и фактическим положением дел только усиливается. Подробный анализ документов см.: Жеребятнев М. Набросок путинской предвыборной программы: апелляции к «традиционным» конфессиям компенсируют отсутствие ценностей // Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=89339&type=view/>; Жеребятнев М. Забытая свобода. В тексте Путина, посвященном «национальному вопросу», свобода совести вообще не упоминается // Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=89486&type=view/>

⁵ При разбросе мнений относительно существования в России единой гражданской нации до диаметрально противоположных, фактом остается отсутствие внятно сформулированной стратегии и практических действий построения гражданской нации. При этом данные социологических исследований, которыми оперирует в 2012 году Миграционный комитет, свидетельствуют о том, что «в ряде субъектов РФ, прежде всего в национальных республиках, преобладает этническая и религиозная идентичность. А к «российской гражданской нации» в таких регионах себя относят менее 50% опрошенных» // Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1868125?stamp=634751491453990416>

В современной России распространено мнение, что «традиционные» религии сосуществуют «параллельно» с этничностью, тогда как «нетрадиционные» находятся в «перпендикулярном» измерении по отношению к миру этносов, более того, размывают национальную культуру, а, значит, представляют общественную угрозу. Впрочем, тема интеграции мусульман в русское общественное пространство имеет свои неожиданные повороты. Так, негласные запреты властей на строительство мечетей в российских городах нередко основываются на соображениях, что легально действующее культовое здание, построенное с санкции местных властей, станет «якорем» для натурализации мусульман. То есть интеграция и натурализация одновременно и желаемы властями, и воспринимаются ими в качестве угрозы существующим элитам, как и всем обитателям «русских» регионов. Впрочем, при акценте на традиционализме, на так называемом «традиционном исламе» и на систематических аннексиях нынешней российской власти исключительно к российскому имперскому опыту XVIII–XIX вв., сегодняшние интеграционные интенции выглядят не столь убедительно в плане своей инструментальности. Традиции (в широком смысле) оставались регулятором жизни общества принципиально иного типа, и вряд ли они могут быть настолько же актуальными для современного общества.

Однако в наметившемся в России интеграционном подходе, адресной группой которого оказываются, в первую очередь, мусульмане, остались без внимания последователи так называемых «нетрадиционных религий». Это те группы, которые не могут так же просто, как православные, мусульмане, буддисты, продемонстрировать связь между этносом и религией. Российские чиновники, кажется, ни разу даже не поставили вопрос об их возможной интеграции (если такие группы, насчитывающие порой до нескольких сотен тысяч, как полагают во власти, представляют некую общественную угрозу): надо ли им интегрироваться или не надо, если да, то на каких условиях, готовы ли «нетрадиционные» верующие становиться частью гражданской нации и какие гражданские качества они могут продемонстрировать обществу?⁶ А между тем, сами так на-

⁶ Еще в 2006 году видный представитель российской власти и, по существу, ее идеолог на этапе 2000-х гг. Владислав Сурков определил новый для того времени термин «суверенная демократия» как режим, «при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности». (См.: Иноземцев Владислав. Приглашение к дискуссии: Превентивная демократия // Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/282194/preventivnaya_demokratiya).

зываемые «нетрадиционные» религиозные организации демонстрируют неплохие возможности адаптации к российским условиям. Свидетели Иеговы активно апеллируют к отечественной традиции библейских переводов, протестанты осмысливают богатую религиозную и социальную практику русских религиозных диссидентов – «духовных христиан», с одной стороны, старообрядцев, с другой. Общество Сознания Кришны и Рериховское движение активно подчеркивают наличие многовековых культурных связей между Россией и Индией, даже шире – с Востоком. Последователи Виссарнона возродили артельный коллективный труд, широко распространенный в дореволюционной России, а протестанты из числа «титulyных» кавказских этносов в местах своего проживания в социально-ролевом плане замещают уехавших отсюда русских.

Если зарубежный (европейский) антикультулизм нацелен на фиксацию девиантного поведения последователей как сложившихся конфессий, например, разных групп в Римско-католической церкви, так и новых религиозных движений, то доморощенный (российский) антикультулизм прочно завязан на считающемся «эталонным» доктрину и практику РПЦ МП – религиозной организации, не только находящейся в условиях жесткой религиозной конкуренции с остальными участниками религиозного рынка и вследствие этого имеющей внутренние, специфически-конфессиональные, – далеко не, как от норм гражданского права, так и от представлений светского религиоведения, – оценки конкурентов, но еще и обладающей специфическими представлениями об особых правах «титulyной церкви» России.

Довольно любопытно, что и критики нынешнего российского политического режима из лагеря на языке власти «внесистемной» оппозиции, например, журналист Анна Политковская и писатель Дмитрий Быков, неоднократно демонстрировали антикультулистские воззрения, и такого рода декларации не вызывали негативной реакции со стороны представителей гражданского общества.

Перед внеконфессиональными экспертами-религиоведами и гражданскими организациями России сегодня стоит задача совместить оба измерения: «параллельное» и «перпендикулярное» – этничность с принципом свободы совести в рамках выработки подходов к проблеме формирования единой российской гражданской нации с включением в этот процесс представителей общества. Если речь идет об адаптации мигрантов, то необходимо найти механизм социализации для мн-

норитарных религиозных групп, созданных российскими гражданами, которые кто-то во власти находит лишь потенциально (!) общественно-опасными. В противном случае Российское государство ждет перспектива бесконечно реагировать на вызовы внешней политики, независимо от того, откуда они будут исходить: из Делл, Вашингтона, Пекина, Тель-Авива...

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИЙСКИХ СМИ

При различных оценках степени влияния средств массовой информации на общественное сознание трудно отрицать тот факт, что в ряде случаев они остаются главным, если не единственным фактором, влияющим на массовые установки в области принятия/непринятия людьми того или иного вероисповедания.

Степень воздействия СМИ на формирование отношения к различным вероисповеданиям возрастает в тех регионах, где степень интенсивности непосредственного общения людей разных религий недостаточна для формирования устойчивой установки по отношению к людям других исповеданий (откуда черпают информацию жители Бурятии об иудеях или жители Пензенской области – о католиках?). В таком контексте информация СМИ оказывается практически неверифицируемой, и им приходится буквально верить на слово.

Конфликт форматов

Отношения верующих людей со СМИ становятся напряженными в ситуациях «конфликта форматов», когда светские журналисты пытаются померить малопонятную для них ткань религиозной жизни на свой аршин (инструмент зачастую безразличный к трансцендентному и даже ценничному). В то же время СМИ приходят в религиозные организации со своим уставом не случайно – они стремятся удовлетворить интересы и потребности аудитории (разумеется, в своем понимании), выполнить объективную социальную функцию. Однако потребность конвертировать свой устав в иную форму, «медиацентризовать» его, осознается в религиозных организациях далеко не всегда.

На наш взгляд, трудно найти другую сферу внимания СМИ, где их выступление было бы столь дисфункциональным. В частности, проблемы освещения религиозной деятельности в СМИ широко обсуждались во время круглого стола «Церковь и СМИ. Где источник противоречий?»¹.

¹ Церковь и СМИ. Где источник противоречий? / Портал «Религия и СМИ». 2006. 6 октября // Режим доступа: http://religare.ru/2_33330.html

Значительная часть так называемых «меднаскандалов» возникает в последнее время по религиозным поводам – от «Аум Синрикё» и «Белого братства» в 1990-е гг. до «карнактурного скандала» в Дании и позже в остальном мире, кинга и фильма «Код да Вничи» Дэна Брауна, фильма «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе, концертов Мадонны с «распятнем» на кресте, реакции мусульман на «Регенбургскую лекцию» Папы Бенедикта XVI в начале нынешнего века².

Нам представляется, что состояние общественного сознания дает достаточные основания для того, чтобы рассмотреть вопрос о роли СМИ в создании (формировании) или разрушении (потере) религиозной толерантности в обществе и – шире – об оптимизации взаимодействия религиозных организаций, государственных структур и массмедиа.

Анализ развития нескольких «меднаскандалов» последних лет показывает, что именно СМИ стали активными «катализаторами» негативных общественных процессов. Так случилось с «карнактурным скандалом», возникшим через несколько месяцев после публикации карикатур, и с реакцией мусульман на «Регенбургскую лекцию» Папы Бенедикта XVI, когда после двух дней молчания вырванная из контекста цитата, опубликованная одним из агентств, инициировала образование/нарастание «снежного кома» протестов исламского мира. В последнем случае российские СМИ, надо признать, продемонстрировали свою профессиональную зрелость, показав в прямом эфире диалог лидеров католиков и мусульман России, которые публично объявили конфликт исчерпанным.

Подобные примеры можно было бы множить, но следует учесть то обстоятельство, что далеко не всегда журналисты в состоянии осознать все возможные последствия своих публикаций, касающихся такой тонкой и деликатной сферы, как религиозная.

На наш взгляд, существенным индикатором состояния отношений «религия–СМИ» является язык, с одной стороны, как средство их об-

² Подробнее см.: Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль Церкви. М., 1999; Дзялошинский И.М. Образ вражды в российских СМИ / Теория и социология СМИ. М., 2006; Религия в современной информационной политике. 20 бесед Филиппа Щинкова с российскими редакторами и политическими обозревателями о том, кто и как пишет о религии на страницах современных СМИ. М., 2005; Хруль В.М. СМИ как источник и канал распространения мифов о религиях в Интернете / Журналистика–2008: стан, проблемы і перспективи. Минск, 2008; Язык вражды против общества. М., 2007; Khroul V. And every person shall have the right? / Post-Soviet perspective on censorship and freedom of media by Andrei Richter. Moscow, 2007.

щения и взаимопонимания, а с другой – как инструмент моделирования действительности, создания образа религиозных групп и индивидов в массовом сознании.

Религиозная сфера – одна из наиболее трудных для адекватного отражения в СМИ. Здесь особенно чувствуется разность знаковых систем и на уровне лексики, и на уровне семантики.

Трудности перевода с церковнославянского на русский, с религиозного на светский замечены давно³, и подробное их рассмотрение не представляется возможным в рамках данной статьи.

Однако здесь в контексте взаимодействия журналистов и религиозных лидеров принципиально важно отметить, что начиная с разработки словарей и «синхронизации» языков исходит преимущественно от последних. Российские католики еще в середине 1990-х гг. несколькими изданиями выпустили в свет «Словарь литургических терминов» с латинскими эквивалентами⁴, их примеру последовали лютеране⁵.

Подобные примеры преодоления трудностей перевода известны и в зарубежной практике. В частности, в Италии в 2010 г. издан небольшой «церковно-итальянский» словарь для журналистов. В предисловии к изданию корреспондент ведущего итальянского информационного агентства ANSA Габриэле Такчини признал, что большинство светских журналистов испытывает проблемы с интерпретацией лексики, которая бытует в церковной среде. Сам Такчини неоднократно обращался за разъяснениями к пресс-секретарю Миланской архиепархии священнику Давиду Милани. После очередного обращения, по словам журналиста, стороны пришли к мнению о том, что «пригодился бы специальный словарь для перевода с церковного итальянского на светский»⁶.

Семантическая неадекватность и ее социальные последствия

Важность семантического аспекта проявляется прежде всего в том, что семантическая неадекватность СМИ ведет к неадекватности прагматической – маргинализации религиозных меньшинств уже не в ин-

³ См.: Религия в информационном поле российских СМИ. М., 2002.

⁴ Словарь литургических терминов. М., 1997.

⁵ Лютеранский словарь литургических терминов // Режим доступа: <http://pharisai.boom.ru/diction.htm>

⁶ Wlochy: mały słownik «kościelno-włoski» dla dziennikarzy // Режим доступа: <http://system.ekai.pl/kair/Gabriele+Tacchini>

формационном, но в политическом пространстве, особенно во время принятия решений «на местах», где массмедиа изобразили их не только как ненадежных, но и просто как чужеродных российскому обществу⁷. С другой стороны, если СМИ успешно справляются с «трудностями перевода» с религиозного языка на светский и не рассматривают их в рамках оппозиции «свой–чужой», то в прагматическом аспекте это ведет к адекватному восприятию и созданию благоприятного социального климата.

Весьма показательной в данном случае является ситуация с освещением деятельности российских католиков некоторыми информационными агентствами.

Несмотря на то что в целом отношение средств массовой информации к католикам в России достаточно объективное и доброжелательное, есть некоторые обстоятельства, вносящие принципиальные искажения в представления аудитории о социальном составе и формах деятельности Римско-католической церкви в России.

Обратимся к примерам. Семантический анализ текстов агентства «Интерфакс» обнаруживает систематическое употребление в новостных лентах заимствованных слов из польского (*ксьёндз*, *костёл*), немецкого (*патер*, *кирха*), итальянского (*падре*) и других иностранных языков и игнорирование их полных смысловых эквивалентов – более понятных русскоязычной аудитории слов «священник», «храм», «церковь». Хотя именно эти слова используются в католической прессе на русском языке, в «Катехизисе Католической Церкви», в «Католической энциклопедии»⁸.

По запросу «*костёл*» на сайте «Интерфакс-Религия» в июле 2010 г. обнаружено 130 текстов в новостях и еще 152 – в архиве. Это слово довольно часто встречается и в заголовках:

- «Калининградской епархии передано 15 лютеранских кирх, костёл и ряд других религиозных объектов». 01 июня 2010 г., 12:22.
- «Здание костёла в Литве передадут православным». 30 декабря 2009 г., 11:32.
- «Митрополит Кондрусевич сетует на нехватку костёлов в Белоруссии». 10 апреля 2009 г., 11:17.

⁷ Кантеров И.Я. Религиозные меньшинства как объект серьезного изучения, а не стигматизации // Независимый психиатрический журнал. 2004. № 4.

⁸ Хруль В. М. СМИ как фактор маргинализации Католической Церкви в России. Портал «Религия и СМИ» // Режим доступа: http://www.religare.ru/2_21235.html

- «Архнепнскоп Пецн счел нецелесообразным строительство костёла в Архангельске». 13 января 2009 г., 15:46.

С употреблением слова «*кирха*» ситуация примерно такая же, с тем лишь отличием, что «*кирхой*» СМИ чаще называют лютеранский храм, чем католический (но и это встречается нередко):

- «Русской церкви переданы в собственность две старинные кирхи». 28 мая 2010 г., 13:25.
- «Лютеранскую кирху и палаты Мазепы в центре Москвы передадут в федеральную собственность». 10 октября 2007 г., 11:36.
- «Руководство “Воронежгорэлектросети” не пускает лютеран в кирху». 14 марта 2007 г., 15:54.

Такое словоупотребление наблюдается не только в «Интерфаксе», но и в других СМИ, куда попадают новости этого агентства. Вообще говоря, «законодателями мод» в словоупотреблении в рамках семантического освоения новых реалий (прежде всего – зарубежных) являются, на наш взгляд, информационные агентства, которые первыми облачают в слова русского языка неизвестные ранее явления, предметы, процессы. По отношению к другим СМИ – прессе, радио, телевидению и даже Интернет-СМИ (с определенными оговорками) – информационные агентства являются, по нашему представлению, главными «фабриками» семантического моделирования мира.

Поэтому неудивительно, что вслед за словом «*костёл*» употребляют и «Известия», и «Независимая газета», и «Коммерсантъ» и «Комсомольская правда», и «Время новостей», не говоря уже о региональной прессе. Слово «*костёл*» звучит на радио и телевидении («Эхо Москвы», «Русская служба “Бн-Бн-Сн”» (ВВС), НТВ, «Первый канал» и др.), формируя по факту употребления «кузус», который считается нормой.

Поиск в сети Интернет подтверждает широкий ареал распространения «*костёла*» и «*кирхи*». Вот какие результаты выдает поисковая система «Яндекс» в разделе «Новости» по запросу «*костёл*» в июне 2012 года: сообщений – 20253, статей – 6128, интервью – 630. Кроме того, около 21000 употреблений слова «*костёл*» обнаруживается в блогах. У «*кирхи*» результаты пос скромнее: сообщений – 5884, статей – 2228, интервью – 166 и примерно 6400 текстов в блогах.

Подобная ситуация наблюдается и со словами «*ксёндз*», «*папер*», «*падре*». Является ли она нормальной? Если нормой считать сложившееся словоупотребление – да, несомненно. Но если нормой считать

адекватное отражение действительности – то вряд ли. Потому что подавляющее большинство российских католиков называют «костёл» храмом, а «ксёндз» для них – священник.

Иногда в новостях обнаруживается еще более странное сочетание: «Глава службы печати Святого престола патер Федерико Ломбарди»⁹. Если уж называть итальянского священника на иностранный лад – то не «патером», а «падре», но лучше, как нам кажется (и понятнее для аудитории), все-таки назвать его священником.

Тем не менее попытка семантического редуцирования католицизма до «польской веры» (реже – немецкой, еще реже – итальянской) в массовом сознании является вполне успешным проектом. И стереотип о том, что католицизм – это вера иностранцев, подпитывается регулярно и основательно: в прошлом веке в известном романе известных соавторов «ксёндзы» охмурили Козлевича, а теперь в материалах СМИ они вовсю охмуряют Ивановых, Петровых, Сидоровых и коварно заманивают их в «костёлы»... С точки зрения мифологии здесь все логично и все на месте.

Не удивительно, что «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» на рубеже XIX–XX вв. соотносит «костёл» с верой поляков: «Костёл (от лат. castellum — небольшая крепость) — польское название римско-католического храма. Различаются костёлы кафедральные, монастырские, парафальные (приходские), филиальные (приписные) и каплицы»¹⁰ (заметьте в скобках, что и классификация «костёлов» дана с польскими заимствованиями).

Но в начале XXI века, когда радикально изменился этнический состав верующих (большинство из них уже русские по происхождению) и язык богослужения (русский вместо латыни и польского), семантическая поддержка мифа о «вере иностранцев» является очевидной дисфункцией российской журналистики.

Учитывая это обстоятельство, возникают вопросы по поводу соблюдения российскими журналистами принципов правдивости и объективности.

Семантические особенности отражения жизни религиозных меньшинств с их этнической редукцией в российской прессе можно было бы считать внутренним делом СМИ: журналисты имеют право

⁹ Ватикан обескуражен убийством католического священника в Турции. 2010. 4 июня // Режим доступа: <http://www.panarmenian.net/rus/world/news/49549/>

¹⁰ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

употреблять именно такие слова, как те, которые они считают нужными, тем более, если это совпадает с внутренними убеждениями авторов.

Митрополит Кондрусевич в свою бытность архиепископом в Москве выразил удивление в связи с тем, что в прессе российские католические храмы до сих пор называют «*костёлами*», а католицизм изображается как «*польская вера*». «Родной язык подавляющего большинства российских католиков – русский, они называют место богослужения “церковь” или “храм”, а не “костёл”, не “кирха”, не “кьеца”, – подчеркнул митрополит. – Вероятно, кому-то до сих пор хочется изображать российских католиков как маргинальную группу иностранцев, поэтому они и связывают освящение католического храма в Петрозаводске с Днем культуры Польши, о проведении которых ни я, ни настоятель, ни многие прихожане даже и не слышали»¹¹.

Если обратиться к опыту СМИ в других странах, то трудно себе представить, чтобы англоязычная пресса, освещающая, к примеру, деятельность Русской православной церкви, в информационных (не литературно-публицистических, где, конечно, допустима более богатая палитра словоупотребления) материалах систематически использовала слова *sviashchennik* и *tserkov* вместо нормальных английских *priest* и *church*. Образцом аккуратного словоупотребления английских журналистов служат, например, новость о строительстве православного храма в Манчестере: *priest Fr.Nikolai Popov* – об основателе общины, *the Church of the Intercession of the Holy Virgin* – о новопостроенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Тот же «Интерфакс» в своей англоязычной ленте использует английские эквиваленты «храму» и «священнику»: «*Moscow, May 21, Interfax – Renowned Moscow priest, rector of the Annunciation Church in the Petrovsky Park Archpriest Dimitry Smirnov believes the Church lacks resources for educative work*»¹².

Более осторожны зарубежные коллеги и с употреблением слова *sect* (секта), хотя в английском языке оно является оценочно нейтральным и даже используется и по отношению к традиционным направлениям многих религий (например, ислама или христианства).

В русском же языке «секта» имеет отрицательную коннотацию. Это подтверждают и словари. Д.Н. Ушаков определил слово «секта»

¹¹ Хруль В. М. СМИ как фактор маргинализации Католической Церкви в России. Портал «Религия и СМИ» // Режим доступа: http://www.religare.ru/2_21235.html

¹² Renowned Moscow priest regrets the Church doesn't have such possibilities as pop artists. Interfax. 2010. May, 21 // Режим доступа: <http://www.interfax-religion.com/?act=news&div=7281>

как «1) религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей Церкви и принявших новое вероучение; 2) перен. отгородившаяся от общения с другими, замкнувшаяся в себе группа лиц (неодобр.)»¹³.

У С.И. Ожегова секта – это «1) религиозное объединение, отделившееся от какого-нибудь вероучения и ему противостоящее; 2) группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах (книжн. неодобр.)»¹⁴.

Как правило, «сектам» в России называют не сами учения, а организации, их исповедующие. Эти организации предпочитают именоваться церковью, конфессией, деноминацией или религией и выражают протест против употребления слова «секта». Судя по количеству публикаций, журналисты этот призыв не слышат или, если слышат, считают необоснованным или несостоятельным.

Понсковая система «Яндекс» на запрос «секта» в июне 2012 года выдает 51755 опубликованных в СМИ и содержащих это слово сообщений, 18361 статей, 2219 интервью. В блогах насчитывается около 30000 сообщений со словом «секта».

В качестве примера приведем список заголовков в массовой прессе (по результатам анализа, произведенного в 2010 году):

- «Комсомольская правда»: «Московских школьников зомбируют сектанты». 19 марта 2010 г.
- «Комсомольская правда»: «Анна Большова зарабатывает деньги для тоталитарной секты?» 26 февраля 2010 г.
- «Русский Newsweek»: «За душу берут. В России объявлена война сектам. Первый удар нанесут по миссионерам». 18 января 2010 г.
- «Труд»: «Расправа за принцип. Убийца священника ищет среди сектантов, националистов и исламских радикалов». 23 ноября 2009 г.
- «Время новостей»: «В какой-то мере пятая колонна. В Нижегородской области религиозную секту сочли антиправительственной организацией». 30 сентября 2009 г.

Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации в одном из своих решений в 1998 г. указала, что «в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как “секта”, в то же время данный термин в силу сложившихся в

¹³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н., издание 1935–1940 гг. // Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>

¹⁴ Ожегов.ру // Режим доступа: <http://www.ozhegov.ru/slovo/47585.html>

обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку» (Решение № 4 (138) от 12.02.1998 г.). Палата не рекомендовала употребление в СМИ слова «секта», поскольку оно может оскорбить чувства верующих. Производные от «сектант», «сектантство» и «сектаитский» также вызывают негативные ассоциации и обычно используются полемически или уничижительно.

Еще одним подтверждением маргинализации религиозных меньшинств со стороны СМИ является география журналистских текстов. Мы провели контент-аналитическое исследование освещения сферы религиозной жизни российскими информационными агентствами.

Объектом исследования стали сообщения трех информационных агентств – «РИА Новости», «Интерфакс», News.Ru – в сплошной выборке за период с января по октябрь 2007 г.¹⁵

В результате обработки данных мы пришли к следующим выводам:

- В географии, источнике информации и окрашенности ярко выражена оппозиция «свои–чужие» (выделение «своей веры», детерминированной этнически и географически).
- Наблюдается «маргинализация» чужих (в частности, практически незаметны протестанты и мало заметны католики, хотя у многих из них – русские корни).

Результаты контент-анализа свидетельствуют о системном сдвиге, смещении внимания информационных агентств (а, следовательно, и других СМИ, для которых агентства рисуют информационную картину мира).

Соучастие в процессах маргинализации и мифологизации свидетельствует о необходимости более глубокой рефлексии руководства агентств для выработки сбалансированной информационной политики в области освещения религиозной жизни.

Становясь сознательными или невольными участниками маргинализации религиозных меньшинств в России, СМИ формируют образ той или иной легитимной российской организации с российскими гражданами как «иностранной» не только у аудитории, но и у принимающих решения госслужащих различного уровня. В таком междоусобии, даже при всем желании, гораздо труднее понять, что граждане России много вероисповедания имеют такие же права, как и все россияне. И тогда самым верующим становится труднее обрести

¹⁵ Хруль В.М. Религия в информационном поле российских агентств // Информационное поле современной России: практика и эффекты. Казань, 2008.

возведенный прадедам и конфискованный властями храм, получить участок под строительство нового, зарегистрировать общину.

Безуспешные попытки католиков и протестантов вернуть принадлежащие католическим и протестантским общинам культовые здания в Калининградской области осенью 2010 года стали уже результатом маргинализации этих меньшинств.

Вот как эту ситуацию описал религиовед Борис Фалков: «Митрополит архиепархии Божией Матери в Москве Павел Печен выступил с сердитым заявлением – его паства уже двадцать лет никуда не просит о возвращении храма, и вот, когда забрезжил свет в конце туннеля, здание непостижимым образом оказалось в руках у православных»¹⁶.

С похожими трудностями сталкиваются и протестанты, и иные религиозные меньшинства в России, образ которых в сознании россиян создается в основном средствами массовой информации.

Однако осознание ответственности за социальные последствия своей деятельности в рефлексии журналистского сообщества, к сожалению, практически не обнаруживается.

¹⁶ Фалков Б. Испытание реституцией // Газета.Ru. 2010. 22 ноября // Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/11/22_a_3442461.shtml

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В Священных писании и предании были заложены основы христианского учения о единстве Церкви, а на семи Вселенских соборах (325–787 гг.) утверждены правила и каноны, в соответствии с которыми должна существовать единая Церковь, не допускающая «отпаденный».

Однако уже в практически с самого начала существования христианства, в нем появляются «разделения», доходящие до расколов. Именно это время положило начало двухтысячелетней истории «разделенных» в христианстве.

В итоге образовалось несколько направлений или конфессий с входящими в них крупными юрисдикциями: Древневосточные церкви, церкви Вселенского православия, Римско-католическая церковь и в ее составе – греко-католические структуры, протестантские формирования (церкви, деноминации, общины).

Между ними существуют расхождения вероучительного и канонического характера. Мотивы расхождений можно разделить на две группы: внутренние и внешние. Как те, так и другие чаще всего имеют социальную обусловленность.

Разделения в христианстве имеют несколько основных аспектов: историко-догматический, канонический, культурологический, государственно- и общественно-правовой. Наиболее пристальное внимание их изучению уделяют такие отрасли знаний, как конфессиональная дисциплина «расколоведение» и светская наука – религиоведение.

В настоящее время в мировом православии существует множество юрисдикций, которых объединяет самый главный вероучительный критерий: все они признают Никео-Константинопольский Символ веры¹.

Пятнадцать поместных автокефальных православных церквей, приверженцы которых находятся в евхаристическом и молитвенном общении между собой, составляют основу Вселенского православия.

¹ На Первом Вселенском соборе в Никее в 325 году был составлен Никейский Символ веры. В 381 году он был расширен и дополнен Вторым Вселенским собором в Константинополе, после чего стал называться Никео-Константинопольским.

Их перечень приводится в Диптихе². В церковной среде под терминном «диптих» чаще всего понимается упорядоченный список поместных автокефальных православных церквей³. На основании диптиха распределяются места при сослужении глав и представителей Церквей, а также во время их присутствия на соборах, всеправославных форумах и других совместных мероприятиях. Русская православная церковь в Диптихе – на пятом месте.

Определенное влияние имеют объединения «альтернативного православия». Само понятие альтернативного православия, употребляемое в религиозно-научной литературе и средствах массовой информации, введено в отечественное религиозное пространство в последние двадцать лет⁴.

В православном богословии понятие «альтернативное православие» не используется. Юрисдикции, отделившиеся (отпавшие) от поместной церкви богословы называют расколами, а порой их именуют и сектами.

Со времен священномучеников Игнатия Богоносца, Киприана Карфагенского, Епифания Кипрского, святителя Василия Великого и до настоящего времени в богословии тех, кто отделяется («отпадает») от Церкви, принято называть еретиками, раскольниками, а образованные отделившимися от Церкви структуры называются «расколами» или «самостоятельными сборищами». Одно из последних появившихся в богословии понятий – «расколообразующий конфликт».

В религиозном отношении к альтернативному православию относят не только те структуры, которые в далеком прошлом отделились от поместной церкви, но и те, которые сравнительно недавно вновь были созданы в православной среде. Нередко все такие альтернативные образования обозначают как «свободные православные церкви».

² Первоначально диптихами (от греч. δι – «дважды» и πτυχο – «складываю») назывались две продолговатые дощечки из дерева, кости или металла, складывающиеся вместе, но, подобно книжному переплету. Такие изделия известны были у греков и римлян издревле, но название «диптих» они получили только во времена святого Константина Великого. Поверхности дощечек диптиха покрывались воском, и на них удобно было писать или царапать стальной заостренной палочкой – стилем.

³ В Диптих входят: Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская, Албанская, Польская православные церкви, Православная церковь Чешских земель и Словакии, Православная церковь в Америке.

⁴ По некоторым сведениям, одним из первых этот термин использовал исследователь религии Марк Смирнов, который в начале 1990-х гг. в выступлении на одной из религиозно-научных конференций в Российской государственной гуманитарной университете (РГГУ) впервые отнес к альтернативному православию церковные структуры, объявляющие себя православными, но не входящие в юрисдикцию какой-либо поместной автокефальной православной церкви.

Одной из важных проблем, существовавшей издавна и не решенной до настоящего времени, является отношение к альтернативному православию со стороны Вселенского православия.

В церковной и богословской среде утвердилось понятие «уврачевание раскола». Оно происходит посредством различных форм и способов: от осуждения раскольников на церковном соборе или суде, отлучения от церкви и до присоединения их к поместной церкви.

Определения или правила, на основе которых выражалось отношение Церкви к отпадающим от нее структурам и верующим, утверждались на Вселенских соборах⁵.

Термин «уврачевание раскола» звучит мирно, однако история показывает, что стремление покончить с тем или иным «расколом» приводило в ряде случаев к самым настоящим религиозным войнам с его приверженцами.

Один из знаменитых немецких писателей Стефан Цвейг некогда изрек афористическую фразу, наполненную устрашающим трагизмом: «Если в одно место сложить останки всех погибших в ходе религиозных войн в Европе, то образовалась бы гора выше Монблана». Среди жертв религиозной нетерпимости по отношению к «раскольников» необходимо помнить загубленных в России строгольников, древлеправославных (старообрядцев), приверженцев истинно-православного христианства (ИПХ), истинно-православной церкви (ИПЦ) и многих других, причисляемых к раскольников, верующим, вынужденным скрываться в советское время в катакомбах, репрессированных и расстрелянных за свои религиозные убеждения.

В клерикальном государстве, одним из ярких примеров которого являлась дореволюционная Россия, сам подход к решению проблемы существования, как тогда говорили и писали в официальных документах, раскола или сектантства, был церковно-полицейским. Этот подход соответствовал законодательству Российской империи.

Царское правительство стремилось не допускать появления религиозных конфликтов и разделений. Давление на неофициальные, неканонические структуры было узаконено, и они имели статус «гонимых».

В Российской империи большинство подданных были православными, и существовала государственная церковь, которой являлась Православная Кафолическая Греко-Российская Церковь.

⁵ Цыпин В. Капопическое право. М., 2009. С.123–178, 736–753.

В законы Российской империи были включены статьи, касающиеся людей, которые выступали с осуждением церковного института, показывали свое неуважение и пренебрежение к священноначалию. Что же касается расколов и сект, то против большей части работал репрессивный аппарат. «Отступники» от Церкви получали статус государственных преступников и были вынуждены нести уголовную ответственность.

Император Александр II задумывался о необходимости коррекции государственной политики в отношении «раскольников». Так, при рассмотрении представленных ему дел о раскольниках Александр II заметил, «что, несмотря на обилие у нас печатных книг и рукописных записок, история, статистика и законодательство расколов еще весьма мало обработаны, а это затрудняет правительство не только при решении частных случаев о раскольниках, но и при избрании правильной и твердой системы действия в отношении к расколам вообще; по тому же предмету существует притом большое различие во взгляде православного духовенства и некоторых светских чинов, в следствие этого тем более становятся нужными полные систематические и основательно обработанные сведения о расколе»⁶.

Вплоть до середины XIX века в общественно-политической полемике и в публицистике почти не упоминалось понятие «свобода совести». И только в период правления императора Александра II, который прослыл реформатором, понятие «свобода совести» стало употребляться все чаще, правда, в среде либеральных философов, историков, общественно-политических деятелей. Представители консервативных кругов, в том числе церковных, стремились противостоять утверждению свободы слова и свободы совести.

В условиях нараставшего религиозного разномыслия и появления в дополнение к уже существующим расколам и сектам множества других, в правительственных кругах предпринимается попытка разобраться во всем этом многообразии. В середине XIX в. утверждается типология церковных расколов, в соответствии с которой раскольники были разделены на шесть групп, в которые включались секты «менее и особенно вредные».

Министерство внутренних дел обратилось в Святейший Синод с просьбой указать, какие именно из раскольниковых сект и толков наиболее противоречат, по мнению священноначалия, учению Церкви, в

⁶ Н. В. Раскол // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон; СПб., 1899. Т. XXVI. С. 285.

каком порядке следуют одна за другой по степени вреда для православной веры. Именно по такому критерию все «отпавшие» от господствующей церкви религиозные объединения были классифицированы, причем каждое из них заняло место в одной из шести групп.

В начале XX века была предпринята попытка сделать законодательство более либеральным, «укрепить начала веротерпимости». Указом 17 апреля 1905 года было Высочайше повелено: 1) установить в законе различие между вероучениями, обвинявшимися наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектаитство, и в) последователи изуверских учений, самая принадлежность к которым наказуема в уголовном порядке⁷. В этом же указе император Николай II повелевал «подвергнуть обсуждению действующие законоположения о ламантах, возбранявшие впредь наименование их в официальных актах и долопоклонникам и язычникам»⁸.

После февральской революции 1917 года в России начинается формирование светского государства. Наиболее активно этот процесс набирает силу после прихода к власти большевиков в октябре 1917 года. В январе 1918 г. большевистское правительство утвердило Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. В перспективе, согласно принципам коммунистической идеологии, предполагалось создать абсолютно светское, свободное от влияния религии, государство.

В результате развязанных против духовенства и верующих репрессий страдали приверженцы всех религий и церквей, но особенно – наибольшей по числу прихожан Русской православной церкви. Одной из особенностей религиозной ситуации стало увеличение альтернативных объединений в православии.

В советском обществе на несколько десятилетий утвердилась очень простая типология православных юрисдикций. Критерий был один, социально-политический, то есть отношение данной конфессии к советской власти и социалистическому государству. Согласно данному критерию, существовало два типа религиозных объединений: лояльные и нелояльные.

Первые – лояльные – признавали советскую власть, регистрировались в ее органах и получали ограниченную возможность легально удовлетворять свои религиозные потребности.

⁷ Императорский Высочайший указ, данный Св. Синоду, «Об укреплении начал веротерпимости». 17 апреля 1905 года. Пункт 5.

⁸ Там же. Пункт 16.

Вторые – нелояльные (также «контрреволюционные», а впоследствии – «антисоветские»), вынуждены были уходить в катакомбы – церковное подполье – и вести свою религиозную практику тайно от гражданской власти, а иногда и от официально признанной власти церковной. Уход в катакомбы – это было, во-первых, выражение стремления части православных верующих сохранить прежние мировоззренческие позиции, во-вторых, противостояние атеистической власти, наконец, в-третьих, протест против начавшихся преследований за религиозные убеждения.

Большевистская власть поставила задачу ликвидировать церковное подполье. Проводились обыски домов и квартир, разгромы тайно существовавших храмов, аресты, расстрелы священнослужителей и мня, многие православные верующие были брошены в тюрьмы и лагеря, отправлены в ссылку⁹.

Социально-политические перемены в стране, произошедшие на рубеже 1980–1990-х гг., повлияли на религиозную ситуацию. Государственная власть отказалась от навязывания обществу атеистического мировоззрения. Началась разработка нового законодательства о свободе совести. Религиозные организации и верующие получили реальные возможности исповедовать различные религии.

В 1990-е гг. процесс юрисдикционных дифференциаций в православии не был приостановлен. Напротив, многие прежние альтернативные православные юрисдикции укрепили свои позиции, появилось много новых альтернативных структур, стремящихся по самым разным причинам быть самостоятельными в юрисдикционном отношении, независимыми от Русской православной церкви.

В XIX в. произошло укрепление сотрудничества государства и Русской православной церкви, а положение различных структур альтернативного православия значительно осложнилось.

Остановимся на некоторых примерах.

Можно с уверенностью сказать, что события в древнерусском городе Суздаль стали одним из индикаторов современного состояния свободы совести в стране и реального положения альтернативного православия.

⁹ См.: Шкаровский М.В. Религиозные практики и пелегальные церковные структуры 1920–1960-х гг. // Доклад, прочитанный на конференции «Религиозные практики в СССР» (16 февраля 2012 г., Москва, РГГУ). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2080>; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С.241–263.

В Суздале находится центр не подчиняющейся Московскому Патриархату Российской православной автономной церкви (РПАЦ)¹⁰. Первая община РПАЦ появилась в апреле 1990 года, непосредственной причиной ее выхода из юрисдикции Русской православной церкви стал конфликт между настоятелем Царевоконстантиновского храма в Суздале архимандритом Валентином (Русанцовым) и епархиальным руководством.

Вначале структура, состоявшая из нескольких приходов, объявила себя Российской православной свободной церковью. Затем она вошла в юрисдикцию Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), позже из нее вышла, объявив себя Российской православной автономной церковью. Валентин (Русанцов) стал митрополитом и ее руководителем.

В течение ряда лет наблюдался рост числа общин церкви. Ряд общин переходили в нее после конфликта с епископатами Русской православной церкви, кто-то — из катакомбных церквей, некоторые зарубежные православные общины Европы и США тоже приняли юрисдикцию РПАЦ.

В отдельных городах, например в Суздале, верующие оставались в прежних храмах, разрешение на бессрочную аренду которых было дано государственными органами. Отдельным общинам РПАЦ были переданы и полуразрушенные храмы, в которых царил «мерзость запустения». На средства верующих РПАЦ они были восстановлены. Также строились новые храмы.

Однако начиная с 1992 года в ряде регионов органы власти стали отбирать храмы, которые принадлежали Российской православной автономной церкви (даже те, которые были восстановлены РПАЦ на средства верующих). Такие случаи имели место в г. Трубчевске Брянской обл., Волгограде, Белгороде, Нижнем Новгороде, Уссурийске, Кинешме Ивановской обл., Воткинске Удмуртской Республики, Санкт-Петербурге, некоторых городах Новосибирской и Московской областей, п. Санно Владимирской обл., Железноводске и Курсавке Ставропольского края.

В 2009–2010 гг. такая участь постигла и суздальские приходы. У РПАЦ было изъято в пользу государства 14 церквей в Суздале и несколько храмов в селах. Православные верующие оказались без храмов, в которых они совершали богослужения на протяжении двух десяти-

¹⁰ До 1998 года — Российская православная свободная церковь.

тилетний. 4 декабря 2009 года РПАЦ был подан иск в Европейский суд по правам человека.

В Суздале, впервые в новейшей истории России, государство возобновило практику реквизиции у верующих св. мощей. Правда, не явочным порядком, как это имело место в 1920–1930-е гг., а через суд. В качестве истца выступила областная структура Роснмущества, не имеющая никакого отношения к святыне. Речь идет о мощах преподобных Евфимия и Евфросиния Суздальских. В годы «безбожных пятилеток» они попали из разоряемого монастыря в местный музей, а в 1988 г. были сняты с учета и переданы общине РПАЦ.

В открытом письме православных жителей Суздаля от 26 февраля 2012 г. говорится о том, что попытку изъять у них мощи святых они считают кощунственной и оскорбляющей их религиозные чувства¹¹. К тому же, согласно канонам православного вероисповедания, передача святыни такого рода нецерковным структурам – в данном случае Роснмуществу – запрещена.

По моему мнению, данное дело отнюдь не может быть предметом разбирательства в гражданском суде – оно внутрнецерковное. По аналогии с отобранными у РПАЦ храмами можно предположить, что за ним стоит Московский патриархат, который хотел бы иметь мощи широко почитаемых святых в одном из своих храмов. Этот очередной конфликт целесообразно решать не посредством светского суда, но с помощью диалога между двумя церковными юрисдикциями.

Негативное отношение у представителей гражданских властей, особенно региональных, проявляется и к так называемым «осколкам» Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ)¹².

Многим приходским и монашеским общинам отказывают в регистрации, они испытывают большие трудности в приобретении земли для строительства храмов, некоторых их клириков и мряян объявляют нелегальными по отношению к государству.

Священнослужители, не согласные с курсом Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, стремятся в ряде случаев найти поддержку в структурах альтернативного православия.

¹¹ Рассмотрение по существу иска Территориального управления Роснмущества по Владимирской области. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://www.portal-credo.ru/site/?act=press&type=list&press_id=1554.

¹² Речь идет о тех структурах РПЦЗ, которые не признали Акт о каноническом общении Русской Зарубежной Церкви и Московского Патриархата (2007 г.) и сохранили независимость от Русской православной церкви.

Так, после обыска 20 октября 2011 года в помещениях храма одного из течений РПЦЗ во главе с митрополитом Агафангелом (Пашковским) в деревне Дудачкино Ленинградской обл. три священника из Удмуртии, «отпавшие» от Московского патриархата, в Обращении к архиепископу Санкт-Петербургскому и Северо-Русскому РПЦЗ (митрополиту Агафангелу) Софронию писали: «К сожалению, спустя двадцать лет после крушения коммунизма в России мы вынуждены констатировать, что эпоха гонений и дискриминации верующих в Российской Федерации отнюдь не закончилась. Наши оппоненты готовы, как и прежде, использовать любые грязные провокации, чтобы уничтожить истинное Православие на Русской земле»¹³.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что альтернативное православие остается заметным явлением религиозной жизни современной России. История Российской империи и СССР свидетельствует, что структуры альтернативного православия достаточно стойко переносят преследования и могут в течение длительного времени продолжать деятельность в подполье (в катакомбах).

Актуальной задачей является всестороннее научное изучение альтернативного православия в качестве одного из аспектов религиозной ситуации в мире и в Российской Федерации, а также активизация усилий по обеспечению законных прав последователей этого религиозного течения на гарантированные Конституцией России права и свободы.

¹³ Обращение трех ижевских священников к архиепископу РПЦЗ(А) Софронию в связи с гонениями на общину в Ленинградской области. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87257&topic=767>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лишь правильное мышление есть знание
и познание предмета, и поэтому наше по-
знание должно быть научным.

Г.В. Гегель. Философия права

Будучи доцентом кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия ВС РФ» – правопреемника легендарных Военной академии имени М. В. Фрунзе, Военной академии бронетанковых войск имени Р. Я. Малиновского, Высших офицерских курсов «Выстрел» имени Б.М. Шапошникова, и многих других прославленных военных вузов, я могу свидетельствовать, что заявленная тема конференции для Вооруженных Сил Российской Федерации является очень актуальной. Прежде всего потому, что учреждение института военных священников очевидным образом нарушает принципы светскости государства, свободы совести и вероисповедания, которые, как известно, лежат в основе конституционного устройства России.

По роду своей деятельности я отвечаю за подготовку слушателей из России и стран ближнего и дальнего зарубежья по всем правовым дисциплинам ведущего военного центра Сухопутных войск. В том числе и высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, то есть тех, которые обладают всеми практическими навыками, необходимыми для эффективного применения правовых норм и воспитания у военнослужащих глубокого уважения к праву, понимания ими необходимости строгого соблюдения и исполнения правовых предписаний, формируя и развивая у всех категорий военнослужащих высокие личностные качества и воспитывая их в духе дружбы ко всем представителям народов Российской Федерации, уважения их истории, традиций и обычаев.

Казалось бы, причем здесь священнослужители?

К сожалению, проблема внедрения в армию этого контингента создаст очень серьезные проблемы для перспектив позитивного развития общества и государства. Главная опасность введения в штаты воинских частей священнослужителей в том, что клерикализация армии и флота нарушает основополагающие принципы самой концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. Согласно этим принципам в процессе информационно-воспитательной работы требуется установить, в какой степени удастся сформировать у обучаемых научное мировоззрение, убеждения, представления, моральные нормы и принципы поведения (приложение № 3 к приказу министра обороны РФ 2004 года № 70).

Вероятно, здесь излишне разъяснять, что научное мировоззрение в процессе воспитания военнослужащих и является тем универсальным концептом, которому отвечают и на котором базируются все проявления общественной, политической, экономической и культурной жизни нашего светского конституционного государства.

Тем не менее показательный в своей реакционности священнослужитель, глава одного из Синодальных отделов РПЦ МП Всеволод Чаплин рекомендует прямо противоположное: «Надо, наконец, развенчать химеру так называемого научного мировоззрения»¹. Насколько известно, священнослужители его ранга являются в церковных кругах своеобразным эталоном, на который следует равняться остальным. Надо полагать, что это касается и тех священнослужителей, которые направляются в Вооруженные Силы.

Поэтому мне бы хотелось именно этой квалифицированной аудитории высказать некоторые собственные мысли по поводу того, что могло привести к такому абсурду, что способствовало клерикализации армии и флота.

Прошу не считать мое выступление попыткой «сведения счетов» с церковниками «атенста-нехрнста». В данном случае я отталкиваюсь не от своего отношения к религии, а от конкретных фактов – деятельности общественной организации, образованной в отличие от многих других на религиозной основе. Проблема, на мой взгляд, гораздо глубже, чем кажется это многим нашим соотечественникам. Поэтому считаю себя не вправе не привлечь внимание общественности к тем деструктивным

¹ См.: Прот. Всеволод Чаплин прокомментировал заявление В.Глазычева и академиком РАН о «бурном вмешательстве» Церкви в общественную жизнь // Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/23262.htm>

процессам, которые захватили сегодня Вооруженные Силы РФ. К той беде, которая пришла в наш общий для верующих и неверующих дом.

Имя этой беды – клерикализация.

Для сегодняшнего этапа военного строительства в нашей стране характерно возрастание роли гуманизации, сущность которой состоит в заботе об обеспечении жизни человека как главного субъекта возможной вооруженной борьбы. В заботе о воспроизводстве его природно-биологических и духовных сил, о создании благоприятных условий для жизни человека в системе военно-социальных отношений². Социальные процессы, происходящие в военной организации государства, как объект государственного воздействия требуют новых способов – и институтов управления, и правового регулирования, и совершенствования организации воспитательной работы.

Совершенно естественно, что мы все любим нашу Родину и хотим видеть ее благополучной и, в том числе, сильной и защищенной. У нас, военнослужащих, тоже другой Родины нет. Поэтому, когда политики с помощью клерикалов под предлогом «реформ» пытаются превратить армию, стоящую на ее защите, в духовно-мпрвоозреическое «средневековое болото», мы отдаем себе отчет в том, что происходит и чем это чревато.

В последние годы об опасениях такого рода очень много говорилось и писалось в СМИ, поэтому нет необходимости повторяться. Сегодня беда пришла, и требуется уже диагностировать «заболевание» Российской армии. То, что мне неоднократно приходилось определять это «заболевание» клерикализацией, неизменно вызывало нескрываемое негодование, как со стороны представителей религиозных структур, так и сотрудничающих с ними генералов. При этом очень интересно, что весь набор аргументов тех и других сводится к тому, что наш «народбогоносец нуждается в пастырях», что «русский – значит православный» и т.п. Очевидно, что подобного рода кликушеством, основанным на хорошо известных мифах, такие «аргументы» и исчерпываются. В то время как свидетельства истории России не оставляют от них ничего, кроме пустых слов.

Итак, что же было изначальным источником клерикализации армии и флота, что явилось основой этого процесса?

Как мне представляется, все началось с того, что в Концепцию воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации,

² См.: Гуманитарные аспекты строительства Вооруженных Сил. М., 1997. С. 21–28.

утвержденную приказом министра обороны РФ от 11 марта 2004 г. № 70, мощное клерикально-черносотенное лобби в партии власти продавило, в виде приоритетного направления государственно-патриотического воспитания военнослужащих, пункт о творческом использовании воспитательного потенциала различных религиозных конфессий. Тогда как пункт о совершенствовании интернационального воспитания военнослужащих в духе дружбы народов РФ поставило на следующее за ним место. Это и стало началом «заболевания», так как именно религиозные, чаще всего – православные, представления обычно связаны с проявлениями националистических предрассудков, с негативным отношением к людям другой национальности и другой веры.

Считать продавленный приоритет позитивным достижением просто абсурдно, так как все выглядит наоборот. Поэтому приоритетом в Вооруженных Силах многонационального и полноконфессионального государства должна быть никак не религия, а интернационализм, с которым не совместимы тенденции религиозной исключительности, шовинизма и национализма. В противовес вероисповедным истинам, только этот принцип способен защищать идеалы действительной свободы и братства всех военнослужащих, реального гуманизма. Соответственно, только такая армия способна защитить общество и страну.

Нельзя не отметить, что руководство РПЦ умудряется нарушить даже ту Концепцию воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, в которую клерикализация внедрена в форме приоритета.

Дело в том, что в Концепции справедливо отмечено, что «...изменилась направленность жизненных приоритетов. Принижено чувство коллективизма и общественная активность». Но, в противовес тому, предстоятель Церкви открыто призывает к индивидуализму, антитезе коллективизма:

31 мая 2011 года, во время посещения патриархом Кириллом Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, в конференц-зале Академии состоялась его встреча с высшим командованием и генералитетом Вооруженных Сил. На встрече присутствовали министр обороны РФ, руководящий состав Генерального штаба и центральных органов военного управления, главнокомандующие видов и родов войск, командующие округов и флотов Министерства обороны РФ, а также профессорско-преподавательский состав, слушатели и выпускники

многих военных учебных заведений. После речн, с которой обратнлся патриарх к присутствующим, возникло много вопросов. Собственно, все это парадоксальное шоу, которое нарушило учебный процесс, отвлекло командованне и профессорско-преподавательскнй состав Академии, т.к. было посвящено убеждению патриархом Кпрнллом офицерского состава в необходимости скорейшего введения штатных должностей армейских православных священников в Вооруженных Силах России. Основной аргумент такой «необходимости» патриарх сформулировал в тезисе: «Самым главным приоритетом является страх Божнй, страх как нравственная категория»³.

Несомненно, страх смерти имеет свою основу в биологическом чувстве самосохранения. Человек больше всего боится смерти, когда его собственное «Я» для него становится центром мира. Индивидуалистически настроенный военнотружущий в идеале не имеет другого объекта, кроме самого себя, и поэтому чувствует непреодолимую потребность вернуть в свое бессмертье. Чем глубже проникает в человеческую душу индивидуализм, тем прочнее укрепляется в ней страх смерти. Доведенный до самой крайности, он побуждает индивидуума считать свое личное бессмертье главным приоритетом. К чему может привести такое «воспитание» военнотружущих, предположить нетрудно. Недаром еще Г.В. Плеханов замечал, что «свойственный новейшему человечеству страх смерти, обуславливающий собою современное религиозное учение о бессмертии души, есть продукт индивидуализма»⁴.

В армии светской полнконфессиональной России служат воины разных национальностей и верований. Законы РФ гарантируют всем своим гражданам – как верующим, так и неверующим, равные права. При этом они обеспечивают гражданам право открыто и беспрепятственно говорить о своих религиозных или нерелигиозных убеждениях, пропагандировать их или защищать. Но сложилась такая ситуация, что Московская патриархия в целях подавления своих конкурентов на религиозном рынке – или в борьбе за души верующих, как еще говорят, добивается того, чтобы открытое исповедание других религиозных мировоззрений, например, католического, протестантских, старообрядческого, неговинского и прочих, было запрещено.

³ См.: Выступление Святейшего Патриарха Кирилла в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ // Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1501407.html>

⁴ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1958. Т. V. С. 633.

Так, например, РПЦ МП чуть ли не требует от Католической церкви, чтобы она не занималась миссионерской работой в нашей стране. Такие же требования она предъявляет и к независимым от нее православным направлениям. К таким, например, как Богородичный центр или Киевский патриархат, который к тому же и вовсе является церковью зарубежного государства, к православным Автономной и Апостольской церквям. Не говоря о многочисленных протестантских организациях христиан, новых религиозных движениях. Но при этом сама Московская патриархия поддерживает целую сеть миссионерских центров, которые занимаются активной пропагандой своей конфессиональной концепции и преследованием любых других религиозных доктрин, организаций и верующих.

В интенсивном проникновении РПЦ в армию, как и в другие государственные структуры, эта религиозная организация пользуется государственной поддержкой. Попытка фактического огосударствления одной из конфессий в многонациональной и поликонфессиональной стране представляется недальновидной, создающей предпосылки для усиления и обострения скрытой межконфессиональной и межнациональной борьбы, способной выразиться в последующих опасных проявлениях национальной и религиозной розни, нарушающей статью 13 Конституции Российской Федерации.

Как отдельные чиновники РПЦ, так и различные ее представители, ссылаясь на православие, ведут планомерную работу по формированию неприязни и нетерпимости по религиозному признаку. То есть у всех на глазах при лояльности к тому властей и «органов», на средства государства в виде идеологической кампании совершается очевидное преступление, направленное против блага государства и общества. Поэтому, представляется целесообразным пересмотреть сложившуюся практику несерьезного в своей лояльности отношения к подобной деятельности. Думаю, и специалистам понятно, что необходимо законодательное и административно-правовое регулирование, с учетом современных реалий, интересов противодействия межнациональным и межконфессиональным конфликтам. Без такого пересмотра нам бессмысленно говорить о формировании реальных условий признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина, согласно общепринятым принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

В качестве одного из примеров того, что делает правовое внимание к сложившейся ситуации в армии безотлагательным, могу предложить фильм «Батюшки особого назначения» Алексея Деннисова, который распространяется Управлением по работе с верующими военнослужащими ВС РФ. Это совместный проект Данилова монастыря, телеканала «Россия» и благотворительного фонда «Крейсер “Варяг”», в котором заместитель председателя отдела РПЦ по взаимодействию с Вооруженными Силами игумен Савва (Молчанов), в нарушение статей 28 и 29 Конституции РФ, например, изрекает следующее: «То, что касается конфликтов межрелигиозных в воинских коллективах, то это догадки несведущих людей, либо просто ложь, ложь атеистов. Потому что человек, когда он верит, он с особым уважением относится к тому, кто исповедует другую религию. Поверьте мне, что мусульманин к офицеру, который не верит ни во что, он никак относиться не будет, но к офицеру, который носит в своей душе веру православную, мусульманин будет относиться с высочайшим уважением»⁵. Кроме того, что подобные уверения просто смешны, такая антиконституционная пропаганда не может и не возмущать. По какому праву этот священник в фильме, который смотрят военнослужащие, формирует неприязнь к неверующим или атеистам? Получается, что член религиозного сообщества, вокруг которого сегодня кипят скандалы, связанные с падением нравов, коррупцией и лицемерием относит все эти и другие пороки на счет как раз безверия, которое отождествляется с атеизмом?

Использование подобного «научно-методического материала» со стороны структурного подразделения МО РФ, с моей точки зрения, как специалиста, занимающегося подготовкой элиты Вооруженных Сил – офицеров для выдвижения на воинскую должность командира бригады, представляется абсурдным и антиконституционным. Собственно, и вся остальная деятельность сегодняшнего Управления по работе с верующими военнослужащими ВС РФ напоминает, по словам М. Горького, «христианское стремление дать людям вместо хлеба насущного мыльные пузыри»⁶.

Все это происходит в то время, когда в штатах бригад нового облика упразднены должности помощников командира по правовой работе и некому проводить правовую экспертизу проектов приказов командира (начальника). Когда некому проводить весь комплекс юридических ме-

⁵ См.: «Батюшки особого назначения» // Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/33182.htm>

⁶ Горький М. Заметки о мещанстве // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1949. Т. 23. С. 5.

роприятий, включая организацию правового обеспечения договорной, претензионной и исковой работы в частн, а также обобщать и анализировать результаты рассмотрения в арбитражных судах дел по искам органов военного управления в частн.

На сегодняшний день военнослужащих МО РФ лишнли даже права на ознакомленне с единственным ежемесячным журналом «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение», включенным в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в котором публикуются основные научные результаты диссертаций на соисканне ученой степени докторов и кандидатов наук, утвержденный решением Президнума ВАК № 6/6 от 19 февраля 2010 года, отменив на него бесплатную подписку.

И вот, на фоне этого правового хаоса, в армию в противовес Конституции РФ внедряют еще и невежественных православных священников? Это ли не преступление против интересов наших соотечественников? Неужели «батьюшки особого назначения» важнее в войсках, чем офицеры-юристы?

Согласно современным требованиям к армии, каждый командир и начальник должен обладать минимумом правовых знаний, определяемых Директивой министра обороны Российской Федерации 1999 г. № Д-6 «О правовых минимумах» и другими нормативными правовыми Актами министра обороны Российской Федерации, и требовать того же от подчиненных. В соответствии с пунктом 8 Инструкции о правовом обучении в Вооруженных Силах Российской Федерации (приложение к Приказу министра обороны Российской Федерации 1999 г. № 333) офицеры и прапорщики (мичманы), не сдавшие зачеты по правовому минимуму, не могут быть представлены к назначению на вышестоящие должности. При дефиците юристов в ВС РФ правовой беспредел с фактической подменой их православными священнослужителями происходит в то время, когда в соответствии со ст.11 «Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» (утверждено министром обороны РФ 08.08.2001): «В период вооруженного конфликта для решения вопросов, касающихся применения норм международного гуманитарного права, командиры (начальники) в случае необходимости привлекают юридических советников, обязанности которых возложены в соединении (частн) на помощника командира по правовой работе».

Европейский суд по правам человека в Страсбурге в 2005 году удовлетворил жалобы шести граждан России, проживающих на территории Чеченской Республики. Все рассмотренные дела связаны с проведением контртеррористической операции на Северном Кавказе, причем два случая имеют непосредственное отношение к боевому применению Федеральной группировки войск и сил в этом регионе. Помимо крайне негативного политического эффекта и экономических последствий (Россию обязали выплатить крупные денежные компенсации), создан прецедент, имеющий ярко выраженные правовые аспекты. Суд установил, что командованием Федеральной группировки были нарушены ряд положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. По мнению суда, были нарушены право на жизнь, право на эффективные средства правовой защиты, право на защиту частной собственности. Как видим, актуальность присутствия в войсках юристов, а не клерикалов, являющаяся.

В заключение мне бы хотелось представить еще одно печально-курьезное доказательство того абсурда, к которому уже привел процесс клерикализации нашей армии:

23 ноября 2011 года на презентации новой книги «Православная церковь при новом патриархе»⁷ в Московском центре Карнеги я был выпущен публично обратиться к игумену Московской патриархии Петру (Валентину Андреевичу Мещеринову) с просьбой довести по своей церковной линии через председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями протоиерея Димитрия Смирнова информацию о катастрофическом состоянии правовой работы в Вооруженных Силах до министра обороны РФ Сердюкова А.Э. Иного способа достучаться до министра обороны доценту военного вуза в нашем «правовом» государстве, оказывается, нет.

Можно ли представить аналогичное обращение к представителям духовенства ведущих военных юристов в Военной академии США (United States Military Academy), известной также как Вест-Пойнт (West Point), или в Командно-штабной академии Буидесвера, расположенной в Гамбурге?!

Это ли не позор армии и государства Российского XIX века?!

⁷ Филатов С., Малащенко А. Православная церковь при новом патриархе // Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3481>

ИСТОРИЯ И ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ АНТИКУЛЬТОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Уважаемые участники симпозиума, уважаемые организаторы, уважаемые коллеги-лекторы!

Меня очень радует то, что моя книга «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность» привлекла столь пристальное внимание читателей в Москве. Теперь у нас есть русский перевод этой книги. Это мой дар тем учреждениям и организациям, которые находят, что данную информацию необходимо распространять. В книге приводятся данные об исторических и идейных причинах, стоящих за антикультистским движением, исследованием которых я занимался с начала 1970-х гг. В 1972 году я получил звание Национального канцлера Швеции Международной ассоциации педагогов при органе ООН, ЮНЕСКО. В этом качестве я читал лекции на всех континентах, за исключением Австралии. По мере чтения этих лекций и проведения встреч мое желание обобщить опыт и знания о том, что кроется за отдельными происходящими в мире вещами, становилось все сильнее и сильнее.

Факторы, которые вызывают те или иные события в мире, многогранны. Здесь, в соответствии с предметом моей книги и данной встречи, речь пойдет о религии. У каждой религии есть жизнеутверждающий, жизнепомогающий аспект. Мы могли бы назвать это «хорошей религией». Но в ней же есть также и жизнеотрицающая, жизнеразрушающая сторона. Назовем это «плохой религией».

Абсолютно необходимо проводить различие между религией и религиозной практикой. Я продемонстрирую вам важность этого, приведя примеры жизнеутверждающих и жизнепомогающих сторон в противовес жизнеотрицающим и жизнеразрушающим аспектам. Информация, которую мы получаем из СМИ, почти всегда касается жизнеотрицающей, жизнеразрушающей религиозной практики. Это автоматически ассоциируется с такими словами, как «экстремизм», «культ», «секта». Их можно услышать повсеместно. Но давайте подумаем. «Экстремизм» – против чего он направлен? «Культ» – вокруг чего он построен? «Секта» – на каком идеологическом основании она зиждется? Слова очень-очень опасные! Они зачастую используются, исходя из фиксированных

роваииой идеи или убеждения, иными словами, из того определения, которое есть у самого человека. Наблюдаемое вокруг функциональное неустройство мира во многом вызвано этим нагромождением личных интерпретаций. В чем же причина подобного поведения?

Я убежден, что одним из существенных моментов является недостаток знаний, неведение относительно основополагающих идей конкретной религии. Существуют сотни интерпретаций ислама, и последователи каждой заявляют, что они обладают истинным пониманием послания Мухаммада, которое они отстаивают. Существуют тысячи христианских деноминаций, общин, отделившихся в секты от материнских деноминаций, так как их последователи убеждены, что они обладают правильным знанием относительно Иисуса и учения Иисуса, и они отстаивают свое видение. По моему опыту, специальные комиссии должны изучать, что происходит в каждой религии. В борьбе за свои интересы невежество используется как инструмент и как оружие. Это происходит как на индивидуальном, так и на общенациональном уровнях.

Так как исторически христианство – это самая старая из официально существующих религий в России, приведу нелицеприятный пример того, как идеологические основоположники Церкви устроили все для собственного удобства. Это связано с вопросом «Что такое христианство?». Разве мы слышим ответ на этот вопрос из Ватикана или от Патриарха Московского? Если не вдаваться в детали, то на самом деле ответ один: Соборы в 4 веке решили, что Иисус Бог, и это было положено в основание христианской религии. Принятию такого решения способствовали политические моменты, однако об этом умалчивают. Под влиянием позиции императора было подано 218 голосов «за», а под влиянием позиции евреев было подано 4 голоса «против». В результате такого решения Иисус был лишен своей еврейской идентичности, а его учение было задвинуто в глухой угол забвения, хотя именно оно прославило его. Книги Библии были пересмотрены под влиянием тех или иных интересов. Те, кто не принимал решения Соборов, объявлялись еретиками. Так зародилось христианство, постбиблейский антисемитизм, и появились различные христианские течения.

В действительности «плохая» религия распространяется вследствие искаженных восприятий, именно они лежат в основе некоторых неприятных событий, происходящих в мире. В своей книге я попытался показать, как религиозная практика видоизменялась на протяжении

веков, отходя от своих осиев. Сегодншние мировые религии имеют дело с «Тем, что мы иазываем Богом», но имеют местечковые одежды. Попросту говоря, местная обстановка, обычаи и традиции определили характер религии.

В конце 1980-х гг. было проведено международное исследование по поводу «Того, что мы иазываем Богом». Само выражение принадлежит церковному авторитету XIII в. Фоме Аквинскому. В ходе этого исследования осуществлялись контакты с представителями всех религий, всех этнических, культурных и языковых групп во всех странах мира. Когда девятьсот полученных ответов были изучены в свете различных академических дисциплин, был выявлен один общий момент: «То, что мы иазываем Богом» – это Жизнь, то есть космическая причинная и дающая жизнь энергия, которая формирует жизнь, включая человека, на планете Земля и во Вселенной. Этот результат подтверждается богословами: Бог есть Жизнь. Теперь вы можете понять, почему я говорю о жизнеутверждающей и жизнепомогающей религии в противовес жизнеотрицающей и жизнеразрушающей религии.

Один из героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» говорит: «Если Бога нет, то все дозволено». Иными словами, если нет требования к человеку осознать существование Жизни, то все позволено. Та же мысль присутствует в формулировке Всеобщей декларации прав человека ООН: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». В некоторых переводах были произведены манипуляции: «должны» было заменено на «следует», а «братство» было заменено на «солидарность». Было дегуманизировано глубинное значение слова «братство». «Братство» подразумевает, что все люди на планете Земля – плоды одной и той же Жизни, и поэтому они обладают равной ценностью, правами и обязанностями.

На протяжении истории «То, что мы иазываем Богом», мифологизировалось, обрастало легендами, корыстными интересами и полтизировалось. Все эти процессы отдаляют от Настоящей Жизни. Разрушительные фиксированные идеи, которые служат причиной негативных событий в мире, являются результатом:

1. Отсутствия понимания относительно «Того, что мы иазываем Богом»;

2. Неспособности воспринимать человечество как единую семью;
3. Отсутствия понимания сути каждой религии.

У всего есть причина. Общая реакция на происходящие бесчеловечные вещи часто характеризуется поверхностностью. С одной стороны, есть законы и резолюции, с другой – войны и акты террора. Однако изложенные меры не помогают справиться с дискриминацией, уничтожением окружающего мира и насилием. Мой опыт подсказывает, что с любыми антикультистскими, расистскими и террористическими движениями следует справляться, показывая лежащие в их основе идеи и взгляды и воздействуя на них. Поэтому в конце книги я привожу «Дидактическое пособие», которое я разрабатывал на протяжении десяти лет. Это простая программа терапевтических бесед с бескомпромиссными (убежденными) антикультистами, нацистами и расистами.

Вторая мировая война завершилась более 65 лет тому назад, но идеология, которая вызвала ее, продолжает жить! Я часто называю свою книгу «черной книгой». Один из лейтмотивов книги – демонстрация того, как черное, жизнеотрицающее и жизнеразрушающее влияние нацизма до сих пор цветет буйным цветом. «Протоколы сионских мудрецов» являются эффективным инструментом в исламском мире для возбуждения ненависти к иудеям, каковыми они были также для Гитлера и Ленина. В Европе и США возникли антикультистские движения, лидеры которых воодушевлены националистической религией нацизма и пытаются добиться своих целей путем вступления в тайные сговоры и составления лжных кляуз. Те же силы успешно обеспечили доминирование определенного рода данных в энциклопедиях, журналистских материалах, учебниках, политических документах и в общественном мнении. Нам необходимы знания, чтобы распознавать, идентифицировать подобные сведения и информировать общественность о том, «откуда уши растут». Я повторюсь: нацизм и ему подобные течения снабдили идеологическим инструментарием сегодняшние антидемократические, антикультистские и антисемитские движения. Хотел бы подчеркнуть следующее: знание – сила! Посему самый важный проект века, направленный на выживание человечества, – это сохранение истинного знания во всех областях. Для достижения этого человечество должно слить воедино свои усилия. Исторические исследования в области идей и междисциплинарные знания могут позволить докопаться до самой сути и выявить глубинные причины мировых событий. С по-

мощью них можно пролить свет на определенные вещи, скорректировать их и получить руководство к действию. Поэтому я рад инициативе, которая привела не только к публикации данной книги, но и позволила состояться этой конференции. Я хотел бы выразить свою сердечную признательность и напоследок процитировать изречение Будды: «Любим следует иметь правильные идеи о вещах, идеи, основанные на тщательных наблюдениях, и правильно понимать причины, следствия и их значение... Мир может быть только в том случае, если разум избавился от мирских страстей».

АНТИКУЛЬТИЗМ: ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГИЯ ИЛИ ДУХОВНАЯ НИЩЕТА?

Наркомаания иачинается с малейшкй дозы легкого наркотика, а затем доза становится все больше, а наркотики – все сильнее. Примерно так же действует человеческий разум – чем больше знает, тем больше хочется. Что в этом плохого? Да иичего. Жажда знаний вполне закономерна. Вопрос в другом: можно ли разумом познать ВСЁ? Здесь как раз и проходит демаркационная линия между материализмом и идеализмом, атеистами и верующими.

Интеллект как инструмент познания работает по причинно-следственному принципу – логике. На этой же основе устроен физический мир. Поскольку они друг другу соответствуют, интеллект есть инструмент познания именно физического, материального мира.

Мир духовный, если его понимать в изначальном смысле¹ и, конечно, признавать его объективное существование, живет несколько по иным законам, не укладывающимся в рамки физических, поэтому использовать интеллект для познания духовного мира нелогично. Еще И. Кант говорил об ограниченных возможностях разума и о полной его неспособности познать внутреннюю сущность предметов. Духовный мир – это и есть «вещь в себе», которая познается верой, духом, сердцем. Всякая попытка подвести под него логическое обоснование приводит к мыслительным спекуляциям, результатом которых становятся искаженные психологические конструкции, не имеющими ничего общего с истиной.

Религиозная вера, которая целиком и полностью нелогична (как бы не пытались подвести ее под некие психологические законы), открывает истину лично тем, кто к ней пришел и «использует» ее для познания Бога. Отсюда множественность теологических взглядов, и как следствие – поликонфессиональность.

Отсутствие объективных данных о происхождении Вселенной и человека делает религиозное мировоззрение даже более приемлемым для индивида, нежели те космогонические и антропологические гипотезы,

¹ Духовный – бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий, все, относящееся к Богу, Церкви, вере (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М., 2003. Т. 3. С. 221).

которые предлагает и наука, вернее – ее деятели, в своем полемическом раже объявляющие эти гипотезы доказанными фактами.

Различные мировоззрения же редко уживаются мирно, поэтому неудивителен антагонизм между научным и религиозным взглядами на основополагающие проблемы мира и человечества.

Не менее противоречивы и мировоззренческие позиции внутри религиозных систем. Как говорилось выше, теологические разногласия вызывают внутрисистемные изменения, появление конкурирующих религиозных дискурсов, которые в конечном итоге приводят к конфессиональным разделениям. Множество религиозных течений, крупных и мелких, ведут непрекращающуюся полемику, проявляющуюся в проповедях, публикациях в конфессиональной литературе, иногда в устных дискуссиях. В некоторых случаях эта полемика выплескивается в СМИ. Все это – нормальные процессы в демократическом обществе. Однако, когда оно (общество) еще не до конца понимает, что такое демократия и не осознает ответственность, налагаемую на него правом пользоваться этой самой «властью народа», начинаются сбои в социальных процессах. Понятие «демократия», т.е. фактически – власть большинства, неправомерно распространяют на духовную сферу и очень скоро в сознании религиозного большинства (в России – православного) выстраивается стройная концепция неизбежной непогрешимости и превосходства над другими, неправославными, учениями (неважно, христианскими или других религий).

В основе этого феномена лежат подсознательный страх утраты духовной власти, по сути – *ксенофобия*, которая, по мнению этолога² В.Р. Дольника, имеет биологическую детерминированность. У животных существует явление этологической изоляции – агрессии и неприязни, проявляемой ими по отношению к близким видам и подвидам. Биологическая целесообразность такого поведения – заирет на образование смешанных пар. Ксенофобия, как считает этот ученый, является сбоем генетического механизма, что объясняет ее иррациональность и неподверженность рациональным доводам³. И действительно, редко кто может внятно объяснить, почему он испытывает неприязнь к представителям другой религии, а чаще даже не религии, а конфессии в рамках одной религиозной системы, например, отношение православного христианина к католикам или протестантам.

² Этология – наука о жизни животных в естественной среде.

³ Дольник В. Р. Пенослушное дитя биосферы. СПб., 2003. С. 72–75.

С точки же зрения биосоциологии, ксеиофобия является общественной проекцией инстинкта самосохранения определением национально-экономической, либо религиозно-культурной формации.

Этот тезис подтверждается, например, системой распределения вероисповеданий по иерархическим уровням в имперской России. Свод законов Российской империи все исповедания делил на четыре иерархических уровня: 1. «Первостепенная и господствующая» – Православная Российская церковь. 2. «Признанные терпимые» исповедания – католики, протестанты, армяно-григорианская и армяно-католическая церкви, христианские секты (мелкиты, баптисты, адвентисты), а также нехристианские религии – буддисты, мусульмане, буддисты и язычники. 3. «Терпимые непризнанные» религиозные сообщества – раскольники (старообрядцы) и сектанты, когда-то отделившиеся от Православной церкви (хлысты, духоборы, молокане). 4. К «непризнанным нетерпимым» вероисповеданиям относились т.н. изуверские секты (скопцы) и те исповедания, которые само государство в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств квалифицировало как враждебные (например, в 1860–1870 гг. так квалифицировали русский шугидо-баптизм). Исходя из этого, законом преследовалась сама принадлежность к таким исповеданиям⁴.

Существование системы распределения исповеданий по иерархическим уровням обуславливалось, в первую очередь, идеологическими соображениями, поскольку православие являлось официальной идеологией Российского государства. Немаловажную роль играл также и национально-политический фактор: территориальная экспансия XVIII–XIX вв. (лютеранская Прибалтика и Финляндия, католическая Польша, мусульманское Закавказье, буддистская и языческая Сибирь) к концу XIX в. привела к тому, что православие уже не составляло в Российской империи *подавляющего* большинства и необходимо было политическими методами сохранить *господствующее* положение как титульной нации, так и Православной церкви.

Существующее сегодня законодательство о свободе совести не позволяет выделять или поддерживать какую-либо конфессию в качестве «государственной или обязательной» (ст. 14 Конституции РФ). Однако фактически в России «первостепенной и господствующей» яв-

⁴ Пинкевич В.К. Вероисповедная система Российской империи // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. М., 2001. № 4. С. 15–26.

ляется Русская православная церковь, причем, не вся, а только та ее часть, которая находится под юрисдикцией Московского Патриархата⁵. К этому подталкивает и некая «гениетическая память» (см. выше), и законодатель, который под влиянием проправославного лобби ввел в преамбулу ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» откровенно провокационную формулировку «призывая особую роль православия... уважая христианство...». Такая формулировка, с одной стороны, выделяет православие в своеобразную идеологическую основу государства (Президент и премьер подчеркивают это, присутствуя на праздничных богослужениях; руководитель «отделения от государства» религиозной организации занимает 9-е место (между Генеральным прокурором и руководителем Администрации Президента) в списке протокольного старшинства при проведении в Российской Федерации официальных мероприятий; также он обеспечивается государственной охраной ФСБ). С другой – отделяет православие от мирового христианства, предлагая ему статус какой-то самостоятельной, собственно российской, религии.

Как скоро религиозное большинство заняло свою нишу, оно сразу начинает ее защищать от реальных, а чаще – мнимых «захватчиков». Для этого используются любые методы – от конфессиональной апологии до государственных СМИ и прямого насилия с использованием силовых структур (например, привлечение ОМОН при захвате храмов, принадлежащих иным православным юрисдикциям, в Суздале, Татарстане и др.).

Естественно появляются люди – профессиональные функционеры и просто энтузиасты, осуществляющие «защиту» этого большинства. Имеют они и именуются *антикультистами*. Наибольшую опасность для общества представляют не столько защитники по должности (сотрудники соответствующих отделов Патриархии и епархий – в конце концов они получают за это зарплату), а именно *энтузиасты*, поскольку ими движут *идейные* соображения (сразу почему-то вспоминается Великий инквизитор Томмазо Торквемада).

Возвращаясь к исследованиям В.Р. Дольникова и его коллег по этнологии, у таких энтузиастов, вероятно, «сбой гениетического механизма» произошел глубже и сильнее, чем у других людей, а проявление – бо-

⁵ В России существует еще от 15 до 30 иных юрисдикций РПЦ (См.: Лещинский А.П. Альтернативное православие в религиозной ситуации // Свобода совести, нравственность и ответственность в Российском обществе // Заокский, 2006. С. 220–237.).

лее ярко выражено, иногда до патологии. В христианстве это называют одержимостью⁶.

Таким образом, антикультизм, как и всякое проявление ксенофобии, не может быть объяснен рационально; в его основе лежат либо генетическая патология, либо духовно-нравственная ущербность. Лечить такие патологии еще не научились, так что данное явление еще будет иметь место в жизни общества. Что касается второго, то этот недуг врачуются длительным воспитанием взаимной терпимости и очень осторожным религиозным просвещением. Только не в рамках «Основ православной культуры», а в рамках Федеральной программы «Культура», которой еще не существует.

На сегодняшний день, когда мы еще не достигли должного уровня терпимости к «инаковерующим», вследствие чего повсеместно вспыхивают конфликты – либо спонтанные, либо спровоцированные, – положительную роль могут сыграть конфликтологи, и не столько психологи, сколько юристы с религиозной специализацией. Как уже много лет говорилось, таковых в России наберется не больше десятка, а юридические вузы их не готовят, хотя необходимость в таких специалистах, учитывая складывающуюся в государственно-религиозных отношениях ситуацию, все возрастает.

Говоря об идее создания независимого совета по проведению религиозной экспертизы, нужно помнить, что он не может быть образован и эффективно работать без участия специалистов в области юридического религиоведения.

⁶ Согласно представлениям некоторых религий (в том числе христианства), **одержимость** – состояние, в котором человек подчинен одному или нескольким духам, демонам, бесам или дьяволу. Подразумевается, что подобные сверхъестественные существа зачастую враждебны человеку и действуют обычно с целью причинения зла. Подобные представления появились как попытка объяснить различные заболевания человека (См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Одержимость>).

АНТИКУЛЬТОВОЕ И КОНТРКУЛЬТОВОЕ ДВИЖЕНИЯ С РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Стремительное распространение на Западе новых религиозных движений в период 1960–1970-х гг. вызвало активное противодействие различных религиозных и общественно-политических сил. Движения и организации, противостоящие новым религиозным движениям, в западной науке принято разделять на антикультовое и контркультовое движение¹.

Оба направления, как антикультовое, так и контркультовое, первоначально сформировались в США. Присутствующее в названиях этих движений слово «культ» (cult) в обиходной речи жителей США имеет оскорбительный оттенок и используется для обозначения неодобряемых религиозных групп. В европейских странах и в России в обиходной речи схожий смысл имеет слово «секта»².

Невозможно провести четкую границу между антикультовым и контркультовым движением, так как зачастую, особенно в России, противники новых религиозных движений применяют аргументацию, почерпнутую и у антикультистов, и у контркультистов. Однако с точки зрения религиоведения антикультизм и контркультизм имеют существенные различия.

Антикультовое движение – это общее наименование объединений, групп, отдельных энтузиастов, выступающих против новых религиозных движений, пренебрежительно именуемых культами³. Важная специфическая черта антикультового движения – его светский характер.

Основной адресат, целевая аудитория антикультового движения – органы государственной власти, правоохранительные структуры, средства массовой информации. Антикультисты стремятся представить культы общественно опасными, криминальными по своей природе образованиями, против которых государство и общество обязаны вести решительную борьбу.

¹ См.: Эгильский Е.Э.. Контркультовое движение за рубежом и в России // Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. С. 28–31.

² В научном языке религиоведческие термины «культ» и «секта» используются для обозначения типов религиозных организаций и имеют нейтральный смысл.

³ См.: Кантеров И.Я. Антикультовое движение // Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. Забияко А.П., Красникова А.П., Элбакян Е.С. М., 2006. С. 48.

Цель антикультового движения – возбудить в обществе нетерпимость по отношению к новым религиозным движениям (культам), побудить органы законодательной власти принять «антикультовые» законы, выпудить правоохранительные и судебные органы «пресечь» деятельность культов.

Антикультовое движение изначально носит конфронтационный характер. Оно направлено на мобилизацию государства и общества против новых религиозных движений, добивается ограничения их распространения или полного запрета.

В США, по оценке М.М. Гордуса, «несомненным успехом» антикультового движения можно считать создание стереотипа зловещего «культа», занимающегося «промыванием мозгов». Несмотря на то, что научное сообщество отвергает теорию «промывания мозгов», массовое сознание американцев восприняло этот миф. Что касается сферы государственно-конфессиональных отношений, то здесь антикультовое движение потерпело в США полное поражение. «Американские антикультисты неоднократно предпринимали попытки добиться принятия законов, ограничивающих или ставящих под контроль деятельность новых религий. Иногда им удавалось заручиться поддержкой кого-либо из американских политиков, например, сенатора Роберта Доула, но ни разу за всю историю США ни в одном штате или на федеральном уровне не было принято ни единого закона, направленного против “культов”»⁴.

В Западной Европе наиболее значительных результатов антикультовое движение добилось во Франции, где в 2001 году был принят специальный закон («Закон Абу-Пикар») о «предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека». Впрочем, этот закон оказался неприменим на практике и остался своего рода иллюстрацией к известному выражению «гора родила мышь»⁵. В данном случае, впрочем, гора родила «дохлую» мышь.

В Российской Федерации антикультизм приобрел весьма значительное влияние⁶. Вместе с тем можно предположить, что воздействие

⁴ Гордус М.М. Антикультовое движение: исторический обзор // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 1–5.

⁵ Выражение «Гора родила мышь» употребляется, когда говорят о больших надеждах, но малых результатах. Выражение восходит к басне Эзопа (6 век до н.э.), известной в переработке римского баснописца Федра (ок. 20–ок. 50 гг. н.э.), «Mons parturiens» («Рожаящая гора»).

⁶ См. подробнее: Иваненко С.И. Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. СПб., 2012.

антикультизма на выработку государственной конфессиональной политики в обозримом будущем будет уменьшаться.

Среди факторов, подрывающих позиции антикультизма, можно выделить: прекращение стремительного роста новых религиозных движений; утопичность целей, которые ставят антикультисты; громкие провалы таких инициативных ими акций, как судебный процесс в г. Томске о признании книги «Бхагават-гита как она есть» экстремистским материалом.

Усиление внимания к религиозному изучению антикультового движения, одним из проявлений которого явилось проведение 26 июня 2012 года в Москве Международной научно-практической конференции «Новые вызовы свободе совести в современной России», будет способствовать более глубокому исследованию этого явления и его воздействия на российское общество.

Предварительные результаты обсуждения этой проблемы говорят о том, что усиление роли антикультизма может рассматриваться в качестве симптома невнимания органов государственной власти к научному религиозоведению и пренебрежения к религиозному знанию при выработке управленческих решений в области взаимоотношений государства и религиозных объединений.

Контркультовое движение, которое также нередко именуется «противокультурное движение» (англ. countercult movement), имеет конфессиональную природу. Это критика и иные виды противодействия религиозным объединениям, рассматриваемым в качестве «культов» (новых религиозных движений или сект, в зависимости от используемой терминологии), исходящая от тех или иных религиозных организаций, миссионеров или богословов.

Контркультовое движение защищает основы своего вероучения и разоблачает культы (новые религиозные движения, секты) с позиций их несоответствия «истинной религии» и вредности для духовного развития человека. Главная цель представителей этого движения состоит в «предохранении» последователей своей религиозной организации от ухода в иные религиозные группы, либо в переубеждении участников «культов» и их обращении в «истинную веру».

Как правило, контркультовое движение носит миссионерский характер и может рассматриваться в качестве нормального явления, характерного для большинства религиозных организаций, стремящихся укрепить свои позиции.

Особенностью России можно считать то обстоятельство, что, как верно подметил Е.Э. Эгильский, «контркультизм был и остается локальным внутрипротестантским движением. Российские протестанты, несмотря на сравнительную многочисленность, все же не занимают видного места в общественной жизни и очень часто сами третируются как «сектанты», т.е. «культисты»»⁷.

Основным «рупором» протестантского контркультизма можно считать «Центр апологетических исследований» (действует с 1993 года, зарегистрирован Управлением юстиции г. Санкт-Петербурга 7 июля 2000 года в качестве Санкт-Петербургской общественной организации «Центр апологетических исследований»)⁸.

Значительный интерес представляет соотношение антикультизма и контркультизма в рамках Русской православной церкви⁹.

В Русской православной церкви конфессиональная критика иных религий и конфессий осуществляется в различных формах. В наиболее профессиональном виде она выражена в богословской дисциплине «сектоведение», которую можно считать аналогом контркультизма.

В России сектоведение имеет давние традиции. Согласно Уставу духовных академий, сектоведение как самостоятельная академическая дисциплина появилась в 1912 году, однако первая попытка учреждения кафедры сектоведения в Московской духовной академии была предпринята еще в 1905 году¹⁰.

Религиоведческий анализ позиций некоторых православных сектоведов показывает, что они критически относятся к антикультизму (называя его «теорией тоталитарного сектантства») и считают его несовместимым с православным подходом к критике сект.

Наиболее четко и аргументировано эту позицию излагает в своих работах доцент Московской духовной академии Р.М. Конь¹¹. Так, на Втором миссионерском съезде (1999 г.) он выступил с докладом, в котором показал, что «теория тоталитарного сектантства... не согла-

⁷ Эгильский Е.Э. Контркультовое движение за рубежом и в России // Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. С. 31.

⁸ <http://www.apologetika.ru/win/index.php3?razd=2&id1=14>

⁹ Анализ данной проблемы см.: И.Я. Кантеров. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). М., 2006.

¹⁰ См.: Конь Р.М. Введение в сектоведение. Пижний Новгород, 2008.

¹¹ Роман Михайлович Конь, кандидат богословия, доцент (с 2005 г.) Московской духовной академии, преподаватель сектоведения, является также преподавателем в Коломенской и Пижгородской духовных семинариях // Официальный сайт Московской духовной академии // Режим доступа: <http://www.mpda.ru/persons/27761/index.html>

суется со святоотеческим подходом к антицерковным учениям ни в области изучения и опровержения, ни в области пастырской работы с сектантами»¹².

Негативно относится к антикультизму протонерей Олег Стеняев, известный миссионер, священнослужитель Патриаршего подворья – Храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках¹³. «Переболев духовной лихорадкой», состоявшей в сведении антисектантской работы исключительно к одному обличению сектантов в антиобщественных деяниях и криминальных преступлениях, понесу компромата, о. Олег Стеняев пришел к выводу, что успешная миссионерская работа должна опираться на свидетельство о православии.

«Миссионер, который отодвигает в сторону Слово Божие и берет в руки Уголовный кодекс, должен задуматься, своим ли он занимается делом и имеет ли он право называть свою деятельность религиозной... В своей деятельности православный миссионер не должен слепо копировать инославных христиан», – заявил протонерей Олег Стеняев. Являясь миссионером-практиком, он убедился в несостоятельности теории о «промывании мозгов» и существенно большей эффективности миссионерской деятельности, опирающейся на проповедь православных духовных ценностей.

В 2007 году в Нижнем Новгороде состоялся семинар Учебного комитета Русской православной церкви, посвященный актуальным вопросам преподавания сектоведения. В нем приняли участие представители двух духовных академий и тринадцати духовных семинарий. Участники семинара пришли к выводу, что «теория тоталитарного сектантства и одноименный термин являются не богословскими, так как не опираются на эмпирическую базу и не соответствуют святоотеческим критериям сектантства»¹⁴.

Вместе с тем в среде православного духовенства, богословов и миссионеров нет однозначного отношения к антикультизму.

В ряде случаев авторитетные священнослужители переходят на позиции антикультизма. Так, среди тех, кто активно использует термин «тоталитарные секты», можно упомянуть протонерея Алексея Уминского, настоятеля храма Живоначальной Троицы в Хохлах (Москва) и

¹² Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008. С. 332.

¹³ См.: Патриаршее подворье Храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках // Режим доступа: <http://www.podvorie-sokolniki.ru/патриаршее-подворье/духовенство.html>

¹⁴ Конь Р.М. Введение в сектоведение. Нижний Новгород, 2008. С. 340–341.

ведущего телевизионной программы «Православная энциклопедия», а также протоиерея Дмитрия Смирнова, председателя Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами.

Использование православными миссионерами антикультнистской риторики, имеющей ярко выраженный конфронтационный характер, задает религиозные чувства последователей новых религиозных движений, протестантских религиозных объединений, других религиозных меньшинств¹⁵.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что религиозоведческое изучение соотношения антикультнизма и контркультнизма в теологии и миссионерской деятельности российских религиозных объединений, в том числе Русской православной церкви, представляет значительный теоретический интерес и практическую значимость.

¹⁵ В частности, большой резонанс получило выступление протоиерея Дмитрия Смирнова 6 мая 2012 года в эфире Православной телекомпании «Союз».

М. Ю. Смирнов

«АНТИКУЛЬТИЗМ» – ПОНЯТИЕ И ПРАКТИКА

Надо признать, что слова «антикультизм» и «антикультисты», имеющие определенное лексическое хождение и за рубежом и в России¹, в терминологическом плане представляются столь же неудачными, как и сопряженная с ними маркировка некоторых явлений современной религиозной жизни общества туманным фразеологизмом «новые религиозные движения» (НРД). Неудачными, прежде всего потому, что они ничего толком не объясняют, а лишь своим экспрессивным звучанием запутывают понимание предмета.

В то же время словам этим приходится пользоваться – и в профессиональном звучании, относительно позывов, обуревающих некоторых бескомпромиссных борцов за «правильную духовность», и в более серьезном плане – для обозначения вполне реальных субъектов (индивидуальных и коллективных) и практики конфронтации по поводу религиозных новообразований.

Известно, что «антикультизмом» (или в развернутом виде – «антикультовой деятельностью») принято называть противодействие распространению как раз тех самых новообразований по прозвищу НРД. Более общим понятием, указывающим на социальное явление, свойством которого выступает «антикультизм», принято считать «антикультовое движение»². По характеристике современных российских религиоведов И.Я. Кантерова и С.И. Иваненко, это движение включает в себя объединения, группы, отдельных лиц, выступающих против НРД, которых их противники пренебрежительно называют культами (или сектами). Указываются отличительные особенности «антикультового движения» – «демонизация» оппонентов, фанатичная вера в вредность (деструктивность) НРД, их криминальную природу, а также убежденность в необходимости запретительных мер в отношении сект

¹ См.: Bromley D., Shupe A. The New Vigilantes: Anti-Cultists, Deprogrammers and the New Religions. London; Newbury Park (CA): Sage, 1980; Иваненко С.И. Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. СПб., 2012.

² Anti-Cult Movements in Cross-Cultural Perspective / Ed. by A. Shupe and D. G. Bromley. – New York: Garland, 1994.

и культов³. Как мне представляется, оперируя данной терминологией, важно выяснить и возможное содержание этого странноватого то ли понятия, то ли клички – «антикультизм», и почву произрастания самых явлений, вызвавших его к жизни.

О понятии «антикультизм»

В-первых, если «анти» в этом слове прямо указывает на противоположное, то что такое «культизм» вряд ли кто-то сумеет внятно объяснить. Допустим, речь идет об объединениях людей, увлеченных почитанием чего или кого-либо, именуемых «культами».

Но, и это во-вторых, с так называемыми «культами» дело обстоит весьма непросто, поскольку это понятие обладает широкой семантикой и может вообще вывестись за пределы религиозного поля – сознание и поведение, ориентированные на культовое отношение к чему/кому-либо встречаются где угодно, от моды до политики.

В-третьих, если локализовать область применения феноменом НРД, то, как знает любой осведомленный, никакого общеразделяемого установившегося определения НРД не существует; при множестве частных интерпретаций, пусть даже бывающих близкими друг к другу, нельзя сказать, что все идентично понимают, что такое НРД.

Из всего этого следует, что слово «антикультизм» не имеет четко очерченной предметной сферы приложения и потому не обладает статусом научного термина.

То есть, произнося слова «антикультизм» и «антикультовое движение» или НРД и «культы», приходится исходить более из интуитивного понимания и неких неартикулированных конвенций о допустимых значениях этих слов, нежели чем из фиксированного содержания и адекватного объяснения.

В этой терминологической сумятице вязнут все – и исследователи, кто видит в религиозных новообразованиях нормальную эволюцию духовной жизни и реализацию свободы совести; и преследователи, кто враждебно встречает любое, с их точки зрения, деструктивное для личности и общества явление в религиозной сфере; и последователи, кто подразумевается в качестве участников НРД и «культов».

³ Кантеров И. Я. Антикультовое движение // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2008. С. 82–83; Иваненко С.И. Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России. СПб., 2012. С. 10.

Для исследователей, по крайней мере – какой-то их части, разделяющей идею религиозной свободы, очевидна условность понятия «антикультизм» и пользоваться им приходится за неимением чего-то более точного.

Для преследователей, по крайней мере – увлекающихся этим делом в России, не свойственно называть себя «антикультистами». Понятным дублером «культу» стало пресловутое словечко «секты» (в русском варианте – с непременно довеском «тоталитарные»). Поэтому, в зависимости от «специализации», преследователи охотнее именуют себя сектоведами, а свою деятельность антисектантской; любят они представляться и религиозоведами, и во всех случаях объявляют себя защитниками государства, общества, семьи и личности от вредоносного влияния НРД и «культистов».

Последователям, по крайней мере – тем, кому важно как их называют со стороны, вряд ли присуща готовность именовать самих себя, скажем «культистами», и соглашаться, что они занимаются «культизмом».

Однако, при всей эфемерности понятия, оказывается, что «антикультизм» как практика вполне себе существует и имеет стабильную почву.

О практике «антикультизма».

Мой собственный опыт, так сказать, полевого религиозоведения постоянно пополняется впечатлениями от общения с различными по активности и умонастроениям представителями антикультовой среды. Это случается в разных ситуациях – от дискуссий в больших и малых аудиториях, до личных встреч и обсуждений в камерной обстановке. У меня, например, периодически происходят контакты с православными служащими миссионерского отдела Санкт-Петербургской епархии, чья прямая обязанность – противодействовать так называемым «деструктивным культам», с некоторыми антикультистски настроенными протестантскими пасторами, и со светскими активистами петербургского Межрегионального комитета спасения от тоталитарных сект. Про обычных сограждан, нервно реагирующих на слово «секта», и говорить особо не надо – всем, причастным к рассматриваемой проблематике, хорошо знаком спектр обиденных рассуждений, возникающих на эту тему.

Конечно, в России главными оппонентами «культистов и сект» являются представители доминирующих религиозных сообществ страны, претендующих на исключительную легитимность в силу исторических

и этнокультурных обстоятельств. Но тут все совершенно закономерно. Их отрицательное отношение вполне адекватно принятому в этих сообществах пониманию истины, смысла жизни и религиозной веры. Неприятие и противодействие НРД в этой среде естественны, странно было бы ожидать чего-то иного.

Другое дело – светская среда. Здесь, по моим представлениям, первенствующая роль в активизации антикультовых настроений принадлежит органам, специализированным на защите конституционного строя и охране безопасности государства. Можно полагать, что у отдельных представителей этих органов имеются какие-то личные мировоззренческие претензии к НРД и «культам» и это, вопреки ряду норм действующего законодательства, воплощается в репрессивных актах. Но в целом, очевидно, что эти государственные органы мало озабочены вероучительным содержанием, доктринами и мистико-сoterиологическими смыслами воззрений своих «подопечных». Они решают задачи по противодействию тем проявлениям, которые в данный момент могут быть восприняты как экстремистские, подрывные, несущие какую-либо угрозу охраняемому порядку. Поэтому «антикультизм» таких органов – избирательный, ориентируемый в зависимости от указаний вышестоящих инстанций.

К таковым инстанциям относится политическое и административное руководство страны. Независимо от личных симпатий или антипатий к каким-то формам религии, этот совокупный субъект инициирует «антикультизм» вовсе не по мировоззренческим основаниям, но из соображений, так сказать, государственных. Религиозные новообразования состоят из граждан государства, объединяющихся в трудно контролируемые и потому трудно управляемые сообщества; их поведение сложно предсказывать и еще сложнее на него влиять. Собственно, именно ускользание от контроля и есть главный момент «деструктивности», вменяемой НРД и «культам». Как правило, негативное отношение к ним экпнируется заботой о безопасности общества, о его нравственном состоянии и другими благими объяснениями. Но суть остается – репрессивное отношение вызвано не столько претензиями к собственно религиозному содержанию НРД, сколько их реальным или кажущимся выпадением из зоны государственного надзора.

Свою лепту, стимулирующую «антикультизм», вносят и представители обширного аппарата разных уровней власти, служащие госу-

дарственных и муниципальных органов управления, так называемое чиновничество. В этой среде ориентация относительно причин и содержания НРД определяется в значительной мере обыденными представлениями и личными религиозными предпочтениями. Формально эти факторы не должны влиять, в силу действующих законодательных ограничений.

Но в реальности законоположения либо плохо известны, либо игнорируются. Если речь идет о гражданском персонале, относящемся к федеральным государственным служащим, то неизбежно нарушение норм Федерального Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». А именно:

1) ст. 17, п. 13 и п. 14, по которым гражданскому служащему «запрещается... использовать должностные полномочия в интересах... религиозных объединений, а также публично выражать отношение к указанным объединениям... в качестве гражданского служащего, если это не входит в его должностные обязанности; создавать в государственных органах структуры... религиозных объединений или способствовать созданию указанных структур»;

2) ст. 18, п. 4 и п. 7, по которым гражданский служащий «обязан... не оказывать предпочтения каким-либо... религиозным объединениям; соблюдать нейтральность, исключающую возможность влияния на свою профессиональную служебную деятельность... религиозных объединений».

Если же подразумевается гражданский персонал, не относящийся к федеральным государственным служащим, то и тогда возникнет нарушение, ведь согласно п. 4 ст. 4 Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» установлено: «Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии».

Чаще всего «антикультизм» государственных служащих, скорее, бытовой, возбуждаемый усвоенными (кем-то с советских лет, а кем-то и в недавние времена) «антисектантскими» стереотипами и/или конъюнктурными соображениями.

Ну и, в конце концов, в любом обществе есть немалая категория людей, готовых бороться с так называемыми «отклонениями», выискивать

«враждебные проноски», «ставить на место» и т. п. Всегда комфортно быть, что называется, носителем правильной нормы, иметь репутацию защитника «истинной веры», самоутверждаться за счет поощряемого властью подавления всяких там «несогласных».

Я не готов категорически осуждать всех тех сограждан, кто резко отрицательно реагирует на явления «новой религиозности». Любому, даже очень терпимому настроенному человеку бывает неуютно в житейском плане, когда приходится иметь дело с демонстративными проявлениями какой-то непривычной, а то и вызывающей манеры поведения. Участникам НРД и «культов» нередко свойственна такая манера. Поэтому настороженность, неприязнь, апелляция к неким само собой разумеющимся нормам и вызывания к властям с требованием «дать по рукам» всяким там «сектантам» – бывают вовсе не надуманными и коренятся в расхождении базовых паттернов общественной психологии с локальными устоями того или иного НРД.

Эта социально-психологическая обусловленность «антикультизма» и свидетельствует о том, что его практика есть явление чего-то более глубокого, нежели находящиеся на поверхности перечисленные обстоятельства.

Главное основание, порождающее «антикультизм», по моему убеждению, образовано архетипическим пластом общественного сознания, присущим этому уровню сознания членением социального окружения на «свое» и «чужое», «мы» и «они». Это мифотворческое состояние, в котором идентификация со «своим» и осознание себя как «мы» обязательно предполагает полярный член бинарной оппозиции. То есть собственная идентичность ищется не на пути саморефлексии, а через противопоставление себя чему-то «иному».

И вывод, следующий из этой констатации, парадоксален. НРД и «культы» оказываются просто необходимы российскому социуму, во всяком случае той его немалой части, которая не приемлет риска свободной и ответственной духовной самореализации, а находит свою идентичность в некой стабильности и удерживает подразумеваемый образ этой стабильности культивированием социальных страхов, в том числе – перед якобы деструктивным влиянием «псевдо-» и «лжеучений».

АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НЕОБХОДИМОСТЬ НЕЗАВИСИМОЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В.Е. Елеиский

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СЛУЧАЙ УКРАИНЫ

I

Последнее советское десятилетие засвидетельствовало нескороенность религии в СССР в целом и в Украине в частности. Закрытые отчеты тех лет свидетельствуют об активизации народной религиозности, увеличении числа религиозных обрядов, о несокрушимости религиозного подполья, усилении связи между религией и национальными движениями и растущую заинтересованность религией со стороны интеллигенции. Партийные и советские функционеры начинают выражать сомнение в необходимости строгого соблюдения ленинских принципов в борьбе с религией; очевидной становится готовность встроить Церковь (конечно, Русскую православную церковь) во внешнеполитическую и идеологическую систему.

«Система атеистического воспитания трудящихся» разваливается еще раньше, чем СССР. Общество надеется, что Церковь – единственный из незапрещенных институтов, который не разделял официальную идеологию и не был непосредственно связан с режимом, – способна указать к решению проблем, оказавшимся власти не по силам. Общество предоставляет Церкви огромный аванс, наделяет ее высоким доверием и болезненно реагирует на откровения и разоблачения, что дискредитирующие этот институт. Религия очень быстро превращается в инструмент политической, этнической и культурной мобилизации, важный, а порой – определяющий идентификационный маркер. Носители власти и претенденты на властные позиции уже в начале 1990-х гг. поняли важность этого фактора в электоральных кампаниях и с разной степенью интенсивности и бесстыдства использовали его на всех выборах.

Украина становится едва ли не наиболее религиозно разнообразным пространством во всей Восточной Европе, но это разнообразие очень медленно превращается в религиозный плюрализм – главные субъекты религиозной сцены страны долго не признают «другого» и нацеливаются на вытеснение конкурентов. Православные далеко не сразу признали реальность выхода из подполья Украинской греко-католической церкви, право греко-католиков на достойное утверждение в Украине. Греко-католики, в свою очередь, какое-то время не могут признать, что в крае, который до Второй мировой войны был сплошь католическим, существует многочисленная православная община. Еще более непримиримым оказался конфликт между православными, объявившими себя независимыми от Москвы и теми, кто остался в юрисдикции Московского патриархата.

II

Но, несмотря на все это, в начале первого десятилетия XXI в. Украина, которой прочили едва ли не войны на религиозной почве, сумела пройти, как казалось, наиболее острые фазы межправославного и православно-греко-католического конфликтов. В стране установилось хрупкое равновесие между центрами религиозной силы, получившими сравнимую поддержку в обществе и политическом истеблишменте. Эти центры силы научились компенсировать нехватку тех или иных ресурсов другими: материальными – общественным мнением, взаимопонимания с центральной властью – гармонией с местными властями и т.д., – и это также способствовало укреплению баланса между ними. Заявления о необходимости сломать равновесие воспринимались как риторические формулы, не более чем очередное тестирование общественных умонастроений – ведь для этого стороны не имели достаточных сил, а государство осознавало необходимость поддерживать статус-кво как важный залог сохранения гражданского мира. Установление равновесия и относительного спокойствия в сфере, которая считается и реально является взрывоопасной, имело свое значение и для глобального политического выбора Украины.

При этом в конце 1990-х – начале 2000-х гг. религиозная свобода выступала едва ли не как единственная из гражданских свобод, реально, а не декларативно доступная украинцам. Эта очевидность приобретала особую выразительность по сравнению с состоянием дел в сфере сво-

боды слова, собраний, с правом на справедливую судебную защиту и т.д., а также – по сравнению с состоянием религиозных свобод в других посткоммунистических, особенно постсоветских странах. Факторы, обусловившие эту реальность, можно описать следующим образом.

Во-первых, ни одна из Церквей в Украине не объединяет, пусть даже номинально, более трети населения. На религиозном поле страны конкурируют три православных и Греко-католическая церковь; традиционно существенную поддержку в некоторых регионах имеет Римско-католическая церковь; все более мощным и разнообразным становится протестантское и евангельско-протестантское присутствие; заметным фактором религиозной жизни являются мусульманские и иудейские общины.

Во-вторых, в украинском национализме отсутствует ультимативная конфессиональная коннотация – «настоящий украинец» не обязан непременно быть православным или католиком. Это связано с особенностями формирования современной украинской нации, в процессе которого (формирования) отцы украинского национализма рассматривали религиозный фактор скорее как камень преткновения, чем консолидирующий стержень конфессионально разделенного украинства.

В-третьих, религиозная свобода не угрожала позициям власти и та не стремилась ее подавлять, в отличие от той же свободы слова, ограничение которой в Украине 2000–2004 гг. постоянно подвергалось критике в самой Украине и за ее пределами.

Словом, в середине «нулевых» наблюдатели вполне обоснованно говорили о достаточно приличном состоянии религиозной свободы в Украине и относительно демократической модели государственно-религиозных отношений.

III

Во время президентской кампании 2004 г. эта модель подверглась испытанию «дестабилизирующим сценарием». Страну пытались разорвать и не в последнюю очередь – по линиям религиозного деления. Команда «единого кандидата власти» рассматривала религию как ресурс мобилизации «своих» против «чужих», и как эффективный пропагандистский и организационный механизм. В центре той кампании были ценности и идентичности, а борьба вокруг них гораздо менее прогнозируема, чем та, которая ведется вокруг нефти или налоговых

ставок. Коллективные движения миллионов человеческих душ трудно поддаются операционализации и поэтому часто оказываются неожиданными. («Не может быть повторно избранной американским президентом persona, за время пребывания которого в Белом доме количество рабочих мест сократилось», – утверждал на старте президентских выборов 2004 г. в США известный вашингтонский эксперт. – «Не бывает таких ситуаций, когда имеет место колоссальный экономический подъем, когда идет сумасшедшее, радикальное и ударное, шоковое повышение жизненного уровня самой бедной части населения, которая честно ходит на выборы, и при этом действующая власть выборы проигрывает», – объяснял в октябре 2004 года эксперт украинский.) Но Дж. Буш те выборы выиграл, а В. Янукович – проиграл.

Два дискурса столкнулись в кампании-2004. В первом – человеческое достоинство «маленького украинца», обращение к фундаментальным ценностям, совести и мироощущению каждого и христианство без конфессиональной акцентации.

Второй – безграничная стилизация под «каноническое православие», причудливый микст образов постсоветского хозяина жизни и византийского императора, безжалостного к врагам («козлам, мешающим нам жить») и ласково-смиренного перед храмовой иконой.

Во время революции религия как сетевой организации с эшелонированной структурой, институализированной иерархией, профессиональным корпусом служителей и отработанным механизмом идеологии, противостояла религия как символическое пространство, где происходит выход за пределы обыденности и приобщения к миру высоких значений, религия как идентификационный маркер, более или менее устоявшаяся система ценностей. И эта религия оказалась способной предоставлять людям мощный символический язык и подкрепляемость. В какой-то момент стало ясно, что Церковь (как институт, а не определенная религиозная организация) способна быть серьезной консолидирующей и не в последнюю очередь, нацпеобразующей силой не через проведение демаркационных линий с «другими» и мобилизации коллективного «мы» против «они», а предоставляя политике надежное нравственное основание, обогащая ее фундаментальными ценностями свободы, ответственности и справедливости.

IV

Однако страна тогда была разделена более, чем за все предыдущие годы украинской независимости. По данным Института социологии НАН Украины, более 6% украинских граждан признали, что они пережили очень острые конфликты с родными, близкими или друзьями из-за позиции на выборах – и не всегда эти конфликты были улажены. Значимо выросло количество ситуативных конфликтов на улицах, в транспорте, магазинах и учреждениях, оказывающих бытовые услуги, с людьми других политических убеждений. Снизился удельный вес людей, которые ни разу в течение месяца не попадали в конфликтные ситуации. Возрос уровень ксенофобских установок, а также протестных настроений. Гораздо больше стало тех, кто был готов выходить на улицы и отстаивать свои права нелегитимным образом. Неотложной задачей руководства государства в этих условиях стало «сшивание» страны. Но, как позже оказалось, это руководство не имело ни стратегии «сшивания», ни воли к ее осуществлению.

Это в огромной степени и обусловило то, что произошло впоследствии в Украине, в том числе и в религиозно-общественной сфере, где после президентских выборов 2010 г. религиозная свобода и равновесие между центрами религиозной силы опять оказались под угрозой. На президентских выборах 2010 г. вновь использовались технологии раскола страны, продолжались попытки «накрутить», по циничному выражению одного литератора, «электорат Януковича» вопросам НАТО, русского языка и «вечной дружбы» с Россией. Патриарх Кирилл присутствовал на украинских президентских выборах и своими акциями, заявлениями и посланиями, и своей доктриной «Русского мира», которая также приняла участие в выборах.

Выигравший выборы В.Янукович буквально с первого же дня на посту главы государства продемонстрировал намерение изменить действующую в Украине модель государственно-религиозных отношений. Изменения касались подчеркнутого возвышения лишь одной Церкви – Украинской православной в единстве с Московским патриархатом, установления особых отношений с предстоятелем патриархом Московским и всея Руси Кириллом и демонстративного игнорирования иерархов независимых православных церквей Украины, а также греко-католиков; пересмотра государственного протокола, где традиционно подчеркивалась уважение ко всем религиозным организациям, по

крайней мере – к членам Всеукраинского Совета Церквей и религиозных организаций; пренебрежения к этому органу, отказ, несмотря на многочисленные просьбы, от встречи с его членами.

В общественном мнении, ранее достаточно высоко оценивавшем уровень религиозных свобод в стране, происходят изменения. В конце 2010 г. уже менее 30% респондентов во всех регионах Украины, опрошенных Киевским аналитическим Центром им. А. Разумкова, считали, что «власть относится одинаково ко всем религиозным организациям». Зато почти четверть отметили, что «есть Церкви, к которым власть относится лучше, чем к другим», а еще 11,3% – что «власть возвышает одну Церковь в противовес другим». В течение 2010 г. учащаются случаи, свидетельствующие о сужении религиозных свобод верующих, ограничении на выражение ими религиозных чувств (особенно в том, что касалось собраний), а также – попытки давления на православные общины, прежде всего – Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и побуждения их к переходу к Украинской православной церкви, находящейся в единстве с Московским патриархатом (УПЦ). Это не «перегибы на местах», поскольку президент В. Янукович получил всю полноту власти в стране и без мнущься сверху явление не стало бы тенденцией.

V

«Новая религиозная политика» власти встречает жесткое сопротивление со стороны верующих и, одновременно, не находит всемерной поддержки даже в УПЦ в единстве с Московским патриархатом. Острая политическая конкуренция заставляет власть постоянно вести борьбу за нерархия, духовенство и верующих с украинской оппозицией.

К середине 2011 г. становится очевидным, что «блицкриг», направленный на уничтожение достижений страны в сфере религиозной свободы, захлебнулся. В апреле 2011 г. президент В. Янукович встречается с членами Всеукраинского Совета Церквей и религиозных организаций. Он также уделяет значительное внимание государственно-религиозным отношениям и перспективе их развития в ежегодном послании к Верховной Раде 2011 г. В Послании президент отступает позиции политики в религиозной сфере, прямо противоположные той реальной политике, которая осуществлялась на протяжении более года его президентства. В частности, здесь содержатся заявления о необходимости

равноправных отношений Украинского государства со всеми церквями и вероисповеданиями, призыв к диалогу с представителями конфессий, дается высокая оценка роли Всеукраинского Совета Церквей и религиозных организаций, озвучиваются обвинения в адрес тех, кто навязывает «образ Украины как цивилизационно разнородной и разорванной страны», звучит предостережение о «недопущении использования межконфессиональных разногласий как повода для вмешательства во внутренние дела Украины» и т.д. По сути, президентское Послание стало и признанием ошибочности проводимой до сих пор политики, и свидетельством провала этой политики.

Признание это, однако, не означает ни восстановления принципов свободы совести в том виде, в котором они существовали до 2010 г., ни отказа от манипулирования религиозными организациями, ни давления на них, ни прекращения натравливания их друг на друга. В течение 2010–2012 гг. нынешняя украинская власть обнаружила, что может – несмотря на всю показную «православность» президента – быть предельно циничной в своих играх с церквями и окончательно не затрагивается только тогда, когда встречает жесткое и организованное сопротивление. Поэтому борьба за религиозную свободу в Украине – это борьба против нынешней судебной системы, «прославившейся» судилищами над лидерами оппозиции, против безотказно работающего механизма коррупции, против узурпации власти и сворачивания других гражданских свобод.

НОВЫЙ ЗАКОН О РЕЛИГИЯХ В КАЗАХСТАНЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Недавно Институт политических решений презентовал свое исследование «Индекс религиозной напряженности в Казахстане», в котором ситуацию определил как предкризисную. При этом индекс напряженности в разных регионах страны варьируется в диапазоне от 27 до 62 пунктов (средний показатель – 46 пунктов), а наиболее проблемными оказались западные регионы. И вызвано все это, в первую очередь, неоднозначностью оценки Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и Постановления Правительства РК «Об утверждении Правил проведения религиозной экспертизы» от 7 марта 2012 года. Более того 42% казахстанцев заявили о том, что готовы лично участвовать в религиозных конфликтах. И это уже серьезно!¹

В чем же причина?

Ведь Казахстан, по словам его лидера, создав «собственную модель межэтнического согласия», на государственном уровне поддерживает «высокие ценности, исповедуемые каждой религией – исламом, православием, католицизмом, протестантскими верованиями, буддизмом и другими»².

Но если объективно посмотреть на ситуацию, то становится совершенно ясно, что поддерживаются, к сожалению, далеко не все **официально действующие** в стране конфессии и деноминации.

Поддержкой пользуются лишь мировые и так называемые «традиционные» религии, а протестантские общины второй волны, а также неопротестантские и новые религиозные формирования находятся на положении изгоев, несмотря на то, что подавляющее большинство из них действует в полном соответствии с законодательством страны и не выходит за рамки правового поля.

К примеру, те же съезды лидеров мировых и традиционных религий. Ведь их состав строго ограничен. Кроме руководителей лютеран, туда не могут попасть ни баптисты, ни адвентисты, ни пятидесятники,

¹ См.: Новая газета. 2012. №18(359). С.7.

² Назарбаев Н. Враждуют не религии, а люди и государства // Время. 2012. 2 июля. С.8.

не говоря уже о других протестантских и неопротестантских деноминациях и новых религиозных формированиях.

Естественно, что это вызывает обиду и непонимание у тех, кто лишён права участвовать в диалоге по животрепещущим вопросам религиозной жизни.

И все это направлено на решение совершенно четкой политической задачи: оставить на религиозном поле 5-6 конфессий и деноминаций, которые власть считает «традиционными», а всех остальных вытеснить за пределы страны. При этом забывается, что у истории, как и у человеческого сердца, «своя логика, которую логически не понять» (Б. Паскаль). Ее генезис всегда сопровождался и сопровождается объединением различных народов, национальной самозолотой, с одной стороны, и стремлением к единению с тем, чтобы выжить в условиях жесточайшей политической борьбы, с другой. Не обошел этот процесс и религии. Постоянные дробления, расколы и слияния, образование новых конфессий и деноминаций стало исторической реальностью. Достаточно вспомнить историю всех мировых и национальных религий. Это образование религиозных течений, школ, ответвлений от ортодоксальных направлений. Вначале образовывались секты, затем они перерастали в самостоятельные движения и деноминации, а уже позже – в конфессии. Человечество всегда отличало разномыслие, или, как писал еще в 1881 году известный исследователь раскола в Русской православной церкви А.С. Нугавин, «в вечных поисках за “правой верой”, за духовной, умственной пищей, народная мысль мечется из стороны в сторону...»³. И вся история показала, что ни гонения, ни костры инквизиции, ни плахи, ни беспощадные пытки, кроме вреда и кровавых противостояний, ни к чему другому не приводили.

Вспомним советское время. Ведь в результате политики «воинствующего атеизма» в Советском Союзе было создано беспрецедентное по своим масштабам религиозное подполье, которое до сих пор так и не удалось полностью ликвидировать.

С другой стороны, на религиозную ситуацию в Казахстане крайне негативное влияние оказывает процесс клерикализации в России, совершенно не оправданное и недонустное вмешательство Русской православной церкви в дела светского государства.

³ Нугавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С.23.

В Казахстан зачастили такие однозлые православные деятели, как В. Чаплин, А. Кураев, А. Дворкин. Все это вызывает фанатизм у одних и, соответственно, протест у других.

При этом надо учитывать, что у нас, в силу исторических обстоятельств, наиболее массовыми являются суннитский ислам, общины которого объединяет Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), и Русская православная церковь. Поэтому вполне естественно, что во властных структурах на местах многие идентифицируют себя именно с этими конфессиями, но противоестественно другое, когда госслужащие начинают выполнять функции неофитов, активно лоббруя те религии, приверженность к которым они не только не скрывают, но и всячески подчеркивают. Это же, кстати, происходит и в России. А как результат – открытое лоббирование интересов этих двух, пусть и самых многочисленных, конфессий на государственном уровне. Такое положение дел в перспективе может привести к серьезнейшим обострениям, но, к сожалению, именно те, кто призван обеспечивать гармоничные отношения между государством и религиозными объединениями, или не понимают всей опасности и непредсказуемости столь недальновидной политики, или действуют по принципу: «После нас – хоть потоп».

Именно они настояли на принятии нового закона о религиях.

Проекты этого закона дважды были отклонены Президентом. По официальной версии, это было сделано в связи с тем, что Конституционный совет признал их не соответствующими Конституции страны.

Но, думается, гораздо большую роль сыграли политические мотивы: в это время решался вопрос о председательстве Казахстана в ОБСЕ. Поэтому тогда принятие закона отложили «до лучших времен». И этого никто не скрывал. А как только председательство было завершено, Закон был принят буквально в авральном порядке, при этом практически без серьезных поправок к предыдущему проекту, который был ранее признан неконституционным.

Возьму на себя смелость хотя бы кратко высказать свое видение Закона Ресублики Казахстан от 11 октября 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и Постановления Правительства РК «Об утверждении Правил проведения религиозной экспертизы» от 7 марта 2012 года:

1) В Законе отсутствуют такие основополагающие положения Конституции, как «свобода совести», «веротерпимость», «обеспечение прав граждан на религиозный плюрализм»;

2) Согласно Конституции, Казахстан является светским государством, обеспечивающим равные права всем гражданам в сфере вероисповедания и свободы совести, а в Законе особое место отводится суннитскому исламу и русскому православию;

3) Закон должен четко прописывать обоюдную ответственность: с одной стороны – религиозных организаций и каждого верующего перед государством и обществом в целом, с другой – государства перед верующими в борьбе с веротерпимостью и антиконституционным вмешательством в чисто религиозную деятельность конфессий и деноминаций, строго пресекать оскорбительную риторику по отношению к верующим.

Всего этого в Законе нет. Поэтому его правомернее было бы назвать Инструкцией по ограничению свободы совести в нашей стране и борьбе с протестантскими, неопротестантскими и новыми религиозными формированиями;

4) Государственно-конфессиональные отношения не должны строиться только на основе ужесточения и запрета, ибо это увеличивает риск перехода в оппозицию (подполье) конфессий и деноминаций, ныне действующих на законных основаниях;

5) Сторонники этого Закона во властных структурах доказывали обществу, что его принятие необходимо для борьбы с религиозным фанатизмом и экстремизмом, но в принятом варианте нет ни одного слова об этом. К тому же совершенно нелепо предполагать, что Закон о религиях как-то повлияет на искоренение этого страшного зла. С фанатизмом и экстремизмом надо бороться другими методами;

6) Закон принят вразрез со всеми международными стандартами и основополагающими демократическими принципами, а Казахстан с его принятием, к сожалению, первым нарушил Астанинскую юбилейную декларацию, в которой провозглашалось: «...Необходимо гарантировать и повысить уважение прав человека, основных свобод, демократии и верховенства права. Следует наращивать усилия по утверждению свободы религии и убеждений и по борьбе с нетерпимостью и дискриминацией».

Вот и нарастали!

Далее. При подготовке к принятию данного Закона было создано специальное Агентство по делам религий в качестве самостоятельной государственной структуры. Все это можно было бы только приветствовать, если бы:

а) оно изначально выступало в качестве защитника прав верующих, а не «филнала» КНБ и Прокуратуры вместе взятых;

б) обеспечивало равные условия для всех законопослушных религиозных формирований, направляло свою государственную энергию не на то, чтобы изгнать с религиозного поля и загнать в подполье общины и группы верующих, которые по сугубо личным мотивам не нравятся тем или иным чиновникам из властных структур. Ведь так можно дойти до того, что изгонять начнут по цвету кожи, разрезу глаз и т.д. Сегодня уже немало статей и выступлений в казахоязычных СМИ, направленных против русских, и, хотя в Уголовном кодексе РК есть специальная статья за разжигание межнациональной розни, ни к одному из авторов таких материалов она никогда не применялась.

Вызывает удивление и кадровый состав агентства и его структур на местах. Большую часть составляют бывшие муллы и те, кто прошел подготовку в исламских духовных учебных заведениях, в том числе в Саудовской Аравии, Пакистане, Турции и других государствах Востока.

Сам председатель Агентства Кайрат Лама Шариф – ученик Атамсаира Кайратовича Дербисали, Верховного муфтия. Он работал в посольстве Казахстана в Саудовской Аравии и, будучи арабистом, постоянно выступает в качестве мусульманского теолога. Уже в первом своем публичном выступлении в качестве председателя агентства он заявил: «Одна нация – одна религия».

Старший сотрудник Национального центра культуры и религий при Агентстве по делам религий Аманбек Мукашев, бывший заместитель председателя Комитета, на базе которого создано Агентство, заявил, что в ближайшее время отсеются примерно 20 % религиозных общин⁴. Думается, что он несколько занизил эту цифру, ибо Лама Шариф настроен, судя по его выступлениям, гораздо решительнее.

Кайрат Лама Шариф стал инициатором так называемого «Форума религиоведов» (ноябрь 2011 г.). Но на нем из всех известных в республике религиоведов присутствовал лишь Я. Трофимов, да и тот буквально напросился на участие. А участвовали лишь исламоведы,

⁴ См.: Время. 2011. 8 ноября.

представители мусульманского духовенства и сотрудники структур Агентства и его местных подразделений, парламентарии и госчиновники смежных с Агентством структур.

На форуме была создана так называемая «Ассоциация религиоведов-экспертов», возглавил ее сенатор Г. Еснм – человек, который убежден, что в Казахстане должно присутствовать не более 5 религиозных направлений, из свыше 40 сегодня действующих. Он является руководителем авторского коллектива скандально известного учебника для школьников 9 класса «Основы религиоведения», в котором пропагандировалась откровенная воинствующая веронетерпимость, граничащая с религиозным нацизмом, а в основу была положена книга всем известного А. Дворкина «Сектоведение». Этот учебник вызвал крайне негативное отношение не только у казахстанской общественности, но и религиозных деятелей. И вот этот человек теперь возглавляет религиоведческую экспертизу!

Много вопросов возникает и в связи с утверждением Правил ее проведения.

Во-первых, кто ее будет проводить? Ведь в стране светских религиоведов буквально единицы, но и их Агентство демонстративно игнорирует, делая в основном ставку на исламоведов, получивших духовное образование. Естественно, они не смогут дать объективную оценку представляемым на экспертизу религиозным материалам других конфессий и деноминаций.

Во-вторых, Казахстан уже имеет печальный «опыт», когда по крайне невежественному заключению Е. Буровой была осуждена Елизавета Дреннчева – российская гражданка, миссионерка Церкви Объединения. Только полная религиоведческая некомпетентность эксперта и непонимание сути учения основателя данной Церкви, особенно доктрины о не индивидуальном спасении, а спасении в семье, подвели суд к решению «о пропаганде неполноценности граждан по признаку их сословной принадлежности». Дреннчева была обвинена ни много ни мало в совершенном преступлении против мира и человечности. Позже суд исправил свою ошибку, заменив тюремное заключение на штраф, но сам факт необоснованного привлечения к ответственности поставил в неудобное положение нашу страну в глазах мировой общественности.

Сегодня неологизм «*буровщина*» можно услышать и в сопредельных странах, и в дальнем зарубежье.

К тому же по инициативе КНБ и при непосредственном участии его структур на местах в городах республик созданы так называемые «Центры по реабилитации жертв деструктивных сект», которые, как ни странно, финансируются за счет государства. «Активисты» этих фондов (например, в Алматы – Общественный фонд «Перспектива») ведут разнузданную информационную войну с протестантскими, неопротестантскими и новыми религиозными движениями, соответствующим образом формируя негативное общественное мнение.

Все это свидетельствует о том, что, во-первых, власть никак не может отказаться от методов тоталитарного прошлого, когда она была уверена, что достаточно что-либо запретить и человек начнет мыслить и действовать уже так, как хотят того чиновники от власти; а, во-вторых, наша бюрократия считает себя государством, поэтому от его имени несет в массы «культуру веротерпимости».

Представив свое видение религиозной ситуации в Казахстане в связи с принятием Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», я преследовал лишь одну цель: в противовес тем, кто сегодня пытается представить все в «розовом свете», открыто сказать, что имеются и другие точки зрения на происходящие события, а также высказать свою серьезную озабоченность по поводу всего происходящего.

СПИСОК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ МИНЮСТА РФ: ЗАМЫСЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Иемнио истории

Знакомство с содержанием «Списка экстремистских материалов», размещенных на сайте Минюста РФ, пробуждает в памяти один почти забытый документ – «Index Librorum Prohibitorum» («Список запрещенных книг»). Первое римское издание списка, датированное 1559 г., было опубликовано папой Павлом IV. Список постоянно пополнялся и многократно перенздавался. Последнее издание Списка опубликованное в 1948 г. содержало 4000 наименований.

Последним пополнением ватиканского Списка запрещенных книг стал «Слллабус», обнародованный папой Пием IX 8 декабря 1864 г. «Слллабус» осуждал главнейшие заблуждения в религиозном, политическом и общественном отношении. Напомним, латинское слово «Слллабус» переводится на русский язык как «Список». Он содержал 80 самых различных философских и политических концепций, религиозных учений и взглядов, начиная от республиканской формы правления и кончая предоставлением женщинам права участвовать в выборах. «Слллабус» отражал желание папства сохранить средневековые привилегии Римско-католической церкви.

В 1966 году сам Ватикан отменил свой список,

Спустя 40 лет пережиток средневекового мракобесия воскрес в России в обличье «Федерального списка экстремистских материалов».

К началу июня 2012 г. в «Список» Минюста включены 1271 единицы материалов «экстремистской направленности». Содержательно «Список» представляет собой сумбурно собранные и тематически разнородные материалы. Например, трудов авторитетного исламского богослова Санда Нурси и в то же время множество листовок, содержание которых или не раскрывается, или формулируется так, что невозможно понять, о чем идет речь. Так, за номером 938 значится «изображение трех бритоголовых мужчин, одетых в массовые черные ботинки, светлые брюки, расположенные по кругу, спиной друг к другу и надписью:

«Вместе мы сила!»... Да здравствует наш Народ» (решение Красноармейского районного суда города Волгограда от 02.11.2010). Книга Владимира Истархова «Удар русских богов» фигурирует в «Списке» трижды. Дважды эта книга объявлялась экстремистской решением Верх-Исетского районного суда Свердловской области, в третий раз – решением Касимовского райсуда Рязанской области (12. 03. 2010).

Некоторые материалы, ранее содержащиеся в «Списке», без всяких пояснений внезапно из него исчезают. «Древнерусская церковь Инглин православных староверов» была представлена в «Списке» многочисленными материалами. Теперь некоторых из них в списке нет, в том числе пропагандирующих расизм и отнимающих право на изображение свастикки в качестве одного из символов «Церкви Инглин православных староверов». Хотя и сегодня материалы Церкви Инглин можно свободно найти в Интернете. Заметим, что это объединение, значится и в перечне Минюста организаций, ликвидированных в связи с экстремистской направленностью их деятельности.

И правовые основания и замысел «Списка»

Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет «Федерального списка экстремистских материалов».

Таким образом, функции Минюста РФ заключается лишь в обнаружении материалов, признанных судами экстремистскими. Неосведомленностью о процедуре попадания материалов в «Список» во многом объясняется бытующее представление о причастности Минюста РФ к процедуре отнесения материалов к экстремистским. На самом деле Министерство юстиции всего лишь доводит до широкой общественности результаты работы следователей, прокуроров, судей и экспертов, хотя, судя по публикациям в Интернете, все претензии по поводу «Списка» в основном адресуются Минюсту.

В статье 13 упомянутого Закона «О противодействии экстремистской деятельности» ничего не говорится о целях и задачах составления, пополнения и обнаружения «Списка». Однако дух и буква Закона позволяют составить представление о замысле составления и публикации «Списка». Правда, заглавие самой статьи 13 менялось. В первой редакции Закона (2002 г.) она называлась «Борьба с распространением экс-

тренинговых материалов». Следовательно, основной целью «Списка» провозглашалась борьба с распространением материалов, имеющих экстремистское содержание. В последующих редакциях Закона статья 13 уже называется по-другому: «Ответственность за распространение экстремистских материалов». Таким образом, жесткое, заточенное на борьбу заглавие статьи 13 меняется на более «спокойное», не сводящее противодействие экстремизму исключительно к борьбе. Применительно к экстремистским материалам термин «ответственность» может быть истолкован и как предназначение «Списка» для профилактики экстремистских взглядов и деятельности.

Сам факт появления таких материалов «на доске позора» призван оказывать упреждающее воздействие. Авторы, распространители и хранители экстремистских материалов предупреждаются об ответственности за свои деяния. Это, по нашему мнению, – основная цель, которую преследовали изобретатели учреждения «Списка» и придания ему статуса законодательной нормы.

Структура и содержание «Списка»

В «Списке» преобладают материалы политического и националистического содержания. Но нередко они включают в себя и сюжеты религиозной направленности. Независимо от содержания, экстремистские материалы оформлены в жанре книг, статей, музыкальных произведений, лозунгов и листовок. Как уже отмечалось, содержание ряда материалов не поддается идентификации: так, за № 305 значится текстовый документ «88 ст.280», папка «Указы 1. CD-R диск № 1» (решение Ахтубинского городского суда Астраханской области от 07.05.2009), за № 402 // Интернет-ресурс <http://reinform.livejournal.com> (решение Кировского районного суда г. Уфы от 01.06.2009).

Если классифицировать материалы, непосредственно относящиеся к религиозной тематике, то вырисовывается следующая картина.

С большим отрывом идут материалы исламского содержания – 309 единиц.

Новые религиозные движения (вместе с изданиями Свидетелей Иеговы) – 76 единиц.

Язычество представлено 73 материалами.

Итого: 458 экстремистских материалов религиозного содержания.

При изучении материалов экстремистского содержания рассматриваемой категории обращает на себя внимание такая особенность. Начиная с 2010 года, в «Список» попадают публикации журналов Свидетелей Иеговы (в экспертных заключениях они почему-то иногда называются «брошюрами»), изданными в 1998 году. Но надо знать утвердившуюся традицию изучения на собраниях Свидетелей Иеговы публикаций журнала «Сторожевая Башня». Изучаются лишь материалы последнего номера журнала, обозначенные как «статья для изучения на неделе». Именно эти журналы и распространяются миссионерами Свидетелей Иеговы на улицах, в транспорте, разносятся по квартирам. Ранее изданные журналы не изучаются на молитвенных собраниях и не задействуются в активном миссионерстве, они хранятся в личных или общественных архивах. И если следовать строго букве «Закона о противодействии экстремистской деятельности», то обладателям таких архивов можно вменить в вину лишь хранение изданий Свидетелей Иеговы. Но даже в этом случае не устраняется коллизия диспозиции Закона и практики его применения. Статья 13 Закона предусматривает ответственность за хранение экстремистских материалов только в целях их распространения. Если же они хранятся в коробках, на антресолях или где-то еще и никому не передаются, то такие материалы не подпадают под действие статьи 13 Закона. Тем не менее в жилищах Свидетелей Иеговы при обысках обнаруживаются и изымаются стопки журналов «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!», изданных более десятилетия назад, и на основании экспертных заключений и решений судов некоторые содержащиеся в них публикации объявляются экстремистскими, подлежащими изъятию и запрету.

Это замечание в полной мере относится и к личным библиотекам. Некоторые книги религиозного содержания, признанные сегодня экстремистскими, свободно продавались в отечественных магазинах и многие из них приобретались исключительно с научными целями. Это относится, например, к публикациям турецкого богослова Санда Нурси, книге В.А. Истархова. «Удар русских богов» и многим другим изданиям. Теперь, с нелюбимой реагируя на практику привлечения к ответственности только за хранение литературы экстремистского содержания, религиоведам, историкам религии, просто интересующимся религией, следует, во избежание неприятностей, регулярно и основательно шерстить свои библиотеки в поисках в них следов экстремизма.

Правда, в статье 13 Закона не разъясняется, каким образом гражданам надлежит поступать в случае обнаружения ими в своих домашних библиотеках экстремистских материалов: уничтожать самим или сдавать в правоохранительные органы. И здесь встает вопрос об осведомленности россиян о существовании и доступности «Списка экстремистских материалов», размещенного только на сайте Минюста. Бесспорно, что незнание закона не освобождает от ответственности, но каким образом не имеющие компьютеров, но имеющие личные библиотеки смогут постоянно сверять содержание находящихся у них книг с экстремистскими материалами, размещенными только на сайте Минюста. К тому же «Список» непрерывно пополняется, и обладатели личных библиотек, во избежание неприятностей, должны стать постоянными посетителями сайта Минюста. С подобными проблемами уже сталкиваются и государственные библиотеки, особенно районные и сельские, у которых или отсутствуют компьютеры, или они не подключены к Интернету. Правда, в статье 13 Закона говорится об опубликовании Списка экстремистских материалов не только на сайте Минюста, но и в средствах массовой информации, однако пока, кроме как на сайте министерства, содержание «Списка» нигде не размещается.

Экспертиза

По делам об экстремизме обычно назначается и проводится экспертиза. Как правило, экспертиза является комплексной (комплексной). В нее входят психологи, лингвисты, а в случае религиозно мотивированного экстремизма привлекаются религиоведы. По закону «О противодействии экстремистской деятельности», информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов. В реализации этого предписания выявляются любопытные «географические особенности». Обнаруженные распространения таких материалов чаще всего происходит в районных центрах или городах Сибири и Дальнего Востока. И это притом что офисы и издательства религиозных организаций, причастных к их распространению в основном размещаются в Москве и в Санкт-Петербурге. Но даже если литература, признанная судами экстремистской, издается за рубежом, то и она распространяется прежде всего в Москве и в Санкт-Петербурге. Именно здесь сконцентрировано больше

всего издательств, публикация которых чаще других попадают в разряд экстремистских. И как раз в этих же городах насчитывается множество миссионеров, днём и ночью занимающихся распространением материалов, в том числе и признаваемых судебными решениями экстремистскими. Но, по необъяснимым причинам, изъятия экстремистских материалов, содержащихся, например, в изданиях Свидетелей Иеговы и саентологов происходят в Горно-Алтайске и Сургуте (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Здесь же проводятся следствия, заказываются экспертизы, выносятся судебные решения.

Несуразница наблюдается в организации и в качестве экспертных заключений. Изучение составов экспертных комиссий показывает: к проведению ни одного экспертного заключения не были привлечены авторитетные религиоведы. На судебных процессах по делам об экстремизме в качестве экспертов нередко назначаются школьные учителя, инженеры, не обладающие необходимыми познаниями о религии и деятельности религиозных организаций. Нередки случаи привлечения в качестве экспертов православных священников, сотрудников православных центров по борьбе с сектами («сектоведов»). Директор Института религии и права Анатолий Пчелинцев называет уровень профессиональной подготовленности экспертов одной из ключевых проблем религиоведческой экспертизы. Он считает привлечение в качестве экспертов представителей конфессий нарушением не только принципа объективности, но и принципа светскости государства и отделения религиозных организаций от государства¹. Если судить по резонансным судебным процессам, то самые квалифицированные объективные религиоведы трудятся сегодня в Кемеровском государственном университете, хотя здесь нет ни кафедры религиоведения, ни дипломированных религиоведов. Тем не менее это учебное заведение более 10 раз назначалось для проведения экспертных заключений по обвинению в разжигании ненависти и вражды по отношению к религии. Именно «эксперты» этого университета взялись за проведение экспертизы по признанию книги «Бхагават-гита как она есть» экстремистской после того, как в ходе первого судебного процесса в Томске авторы экспертного заключения по этой же книге отказались поддерживать выводы собственной экспертизы и вышли из процесса.

¹ Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 2012. С. 227.

Но даже привлеченные в качестве экспертов профессиональные религиоведы порой демонстрируют удручающе низкий уровень религиоведческой культуры. На основании заключения экспертов по комплексной судебной экспертизе (при участии Сергея Астапова) решением Ростовского суда была ликвидирована местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Таганрог». При чтении пространного экспертного заключения Астапова поражает не только игнорирование принципов свободы совести и положений закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», но и та легкость, с которой, походя, одним-двумя предложениями в публикациях вероучительного содержания, обнаруживается формирование негативного образа других вероучений. Несмотря на кандидатскую степень, эксперт на полном серьезе считает негативным восприятие Римско-католической церкви, используя «при этом исторические факты, компрометирующие католическую церковь (конкордат с фашистской Германией, порочность некоторых римских пап, случаи безнравственного поведения священнослужителей)...» Правда, затем следует оговорка о предостережении «против отождествления Католической церкви с Великой блудницей Апокалипсиса».

В религиоведческом разделе экспертизы перечисляются высказывания, демонстрирующие негативное отношение Свидетелей Иеговы к разным элементам традиционного христианства: «многие священники лживо утверждают, что могут помочь умершим», некоторые религиин учат тому, что после смерти плохие люди вечно мучаются в огне». Отметим, что все приведенные суждения содержатся не в трактате сравнительного религиоведения или полемическом сочинении, а в экспертизе, которая, по определению, должна быть свободна от конфессиональной и идеологической ангажированности.

Но вершиной «религиоведческого творчества» Астапова следует назвать причисление к экстремистским высказываний великого русского писателя Льва Николаевича Толстого о вероучении и обрядовой практике Русской православной церкви.

Несмотря на крайне низкое качество этого экспертного заключения, религиоведческие изыскания Сергея Астапова вновь оказываются востребованными. И в декабре 2009 г., через несколько дней после вынесения решения Ростовским судом, Астапов привлекается Первомайским районным судом Краснодара в качестве эксперта по иску о признании

экстремистскими четырех публикаций Свидетелей Иеговы. Примечательно, что суд отказал в удовлетворении ходатайства о вызове в судебное заседание эксперта для обоснования выводов об экстремистской направленности публикаций в журнале «Сторожевая башня».

В большинстве случаев тексты экспертных заключений переключают в судебные решения, тем самым юридически одобряя позицию экспертов, в том числе нередко имеющих весьма отдаленное отношение к теоретическому и практическому религиоведению. Не обладая необходимыми религиоведческими познаниями, судьи фактически принимают на веру заключения экспертов. Ни в одном судебном процессе судьи, прежде чем заслушать экспертное заключение, не выясняли уровень профессиональной квалификации эксперта, его образование, научную степень, наличие научных трудов, опыт участия в проведении религиоведческой экспертизы. На наш взгляд, игнорирование непрямого установления в ходе судебного заседания способности эксперта объективно и качественно вынести заключение о наличии или отсутствии в предъявленных материалах признаков экстремизма является одной из причин низкого уровня судебных решений по делам об экстремизме. Поэтому подробный опрос эксперта на предмет выяснения соответствия его профессиональных качеств требованиям, предъявляемых к привлекаемым для проведения экспертизы, должно стать незымным условием судебных рассмотрений дел об экстремизме. Соблюдение этого условия позволит существенно повысить качество экспертных заключений, отстраняя от участия в проведении экспертизы случайных людей. Не следует забывать, что «эксперт» – это лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое для проведения экспертизы. Соответственно, современное значение слова «экспертиза» означает исследование вопросов, требующих специальных познаний в конкретных областях.

Но порой в качестве толкователей экспертных заключений выступают прокуроры. В исковом заявлении н. о. прокурора Сахалинской области Д.В. Медведева (октябрь 2011 г.) по признанию девяти публикаций Свидетелей Иеговы экстремистскими приводятся ссылки на лингвистическое заключение, в котором призывы «принимать волю Бога», «изучать Библию», «исполнять наставления Бога» расцениваются как содержащие признаки разжигания религиозной розни, наносящие ущерб правам и свободам неопределенного круга лиц.

Результаты

Размещение на сайте Минюста «Списка экстремистских материалов» призвано было способствовать повышению эффективности противодействия распространению экстремистских идей и экстремистской деятельности. Однако на деле «Список» не способен ощутимо повлиять на снижение экстремизма во всех его проявлениях. Трудно себе представить, каким образом он может быть использован сотрудниками правоохранительных органов в их повседневной работе. Он просто утонут в этой постоянно увеличивающейся лавине перечня экстремистских материалов, непрерывно поступающих из разных уголков нашей необъятной страны. К тому же по содержащимся в «Списке» материалам экстремисткой направленности весьма трудно составить объективное представление о масштабах распространения различных проявлений экстремизма, поскольку, как уже отмечалось, дела об экстремистских материалах зачастую рассматриваются не в местах дислокации религиозных центров, издательств, а по месту их обнаружения.

Мало пользы «Список» может принести и научному сообществу, так как исследователю состояния экстремизма, в том числе и религиозно мотивированного, придется заниматься идентификацией многих материалов, закодированных знаками, цифрами, непонятными аббревиатурами.

И наконец, «Список» не выполняет профилактические функции, его продолжительное существование не оказывает упреждающее воздействие на потенциального изготовителя или распространителя экстремистских материалов. Почти 80% размещенных в списке экстремистских материалов можно найти в Интернете. Поэтому «Список» в его сегодняшнем виде может или вызывать любопытство к содержанию столь необычного документа, однако, куда хуже – может оказаться «наглядным пособием», своего рода «нудеводителем» для потенциального экстремиста. Его может воодушевить как внушительный массив экстремистских материалов, так и возможность беспрепятственного доступа к ним через Интернет. Поэтому составителям «Списка» следует подумать над тем, а нужен ли он вообще в его сегодняшнем виде.

Несмотря на шквал критики, Федеральный список экстремистских материалов продолжает пополняться очередными публикациями, листовками и видеороликами, признанными судами «экстремистскими». Сегодня крайне редко можно встретить обоснование действительности

«Списка» в противодействии проявлений экстремизма. Обычно о полезности «Списка» решаются говорить немногие представители правоохранительных организаций нижнего и среднего уровней. В интервью корреспонденту «Газета. ru» заместитель прокурора одного из районов города Уфы (столицы Башкирии) Амир Ахметов назвал учреждение «Списка» делом полезным, а судебно-прокурорскую практику по нему – эффективной. Главное, поясняет он, «создать прецедент, который в будущем поможет нашим коллегам из оперативных служб заниматься изъятием запрещенной литературы и привлечением к ответственности тех, кто занимается ее распространением по всей стране»².

В сентябре 2012 г. Министерство юстиции признало сбой в механизме борьбы с экстремизмом. Такие признания содержатся в ответе министерства на запрос «Газеты. ru». В запросе приводятся выводы правозащитников и юристов о превращении «Списка» в бессмысленный бюрократический документ. Из-за погоньи прокуроров и следователей за показателями и некомпетентности судей и авторов экспертных решений по экстремистским материалам оказываются притянутыми за уши³.

В качестве недостатка признается и отсутствие у материалов, попадающих в «Список», каких-либо «индивидуализирующих признаков», что «ставит под вопрос эффективность этого механизма»⁴. Таким образом, сами сотрудники Министерства юстиции РФ вынуждены признать, что «Список», выродившийся в нелепое собрание случайных заголовков и интернет-адресов, не может быть полезным следственно-судебной практике противодействия экстремизму.

Красноречивым подтверждением неэффективности «Списка» является и свободный доступ к 90% материалам, признанным экстремистскими, в поисковых системах «Yandex» и «Google».

Отсутствие в российском законодательстве ясного и четкого определения термина «экстремизм» позволяет произвольно трактовать содержание этого понятия, а, стало быть, причислять к «экстремистским» любые взгляды и верования.

² См.: www.peoples-rights.ru. 9. IX, 2011

³ Минюст исправит «черные списки» // Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2011/09/15/3769837.shtml>

⁴ Там же.

ПОИСК ЭКСТРЕМИЗМА В РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

На протяжении, пожалуй, не менее 3 или 4 последних лет Федеральный закон о противодействии экстремизму активно применяется и в отношении религиозных организаций, а если точнее, то в отношении вероучительных текстов этих организаций. Какова же специфика сложившейся правоприменительной практики применения ст. 13 №114-ФЗ, содержащей правовые основания для признания информационного материала (в нашем случае и вероучительных текстов) экстремистским?

Сначала я лишь обозначу некоторые острые вопросы, которые вообще касаются признания любых информационных материалов экстремистскими. Затем подробнее рассмотрим специфику такой практики именно в отношении вероучительных текстов.

В первую очередь свое негативное влияние оказывают следующие системные изъяны.

Отсутствие независимой и сильной судебной системы, которая была бы в состоянии противостоять порочному правоприменению. Но об этом и так много говорят, это стало общероссийской проблемой. К сожалению, в условиях концентрации исполнительной и законодательной власти в одних руках ожидать от судебной системы подлинной независимости пока не приходится.

«Палочная» система в правоохранительных органах, когда становится выгоднее обеспечивать не законность, а статистику об обеспечении законности. Отсюда и ориентированность правоприменителя не на установление истины по делу, а на результат (обеспечение показателей) любой ценой. В данном случае следовательно осуществляет подбор эксперта не по критериям объективности, а по принципам: «что нужно» и «как можно скорее». Тому имеется масса примеров.

Сирок рождает предложения, появляются «карманные эксперты», которые открыто обслуживают заказы на результат.

Перечисленные проблемы негативно влияют на деятельность правоохранительных органов в целом, в том числе и в сфере противодействия экстремизму. Однако, возвращаясь к теме конференции, хочу ука-

зать на специфику последствий признания экстремистским в первую очередь тех религиозных текстов, которые составляют основу какого-либо вероучения.

Существует значительное различие в последствиях признания вероучительных текстов экстремистским, в отличие от остальных информационных материалов.

1. Предусмотренные законом последствия признания вероучительного материала экстремистским, в отличие от иного, нерелигиозного, материала влекут существенное вмешательство в гарантируемые Конституцией РФ личные права граждан, такие, как право свободно выбирать и распространять религиозные убеждения, действовать в соответствии с ними. При этом законодательно не обеспечена правовая база для недопущения произвольного и несоразмерного вмешательства в указанные права.

О каком вмешательстве здесь идет речь? В первую очередь, определяя правовой статус религиозного текста, государство в лице судебной власти вынуждено таким образом давать оценку легитимности (правильности) религиозных убеждений большого количества граждан, разделяющих содержащееся в спорном тексте вероучение, что несовместимо с принципом невмешательства государства в определенное гражданское своего отношения к религии и религиозной принадлежности.

Вообще, правоотношения, связанные со свободой совести и свободой религиозных убеждений, касаются внутреннего мира человека, являются одним из самых сложных объектов правового регулирования. Однозначных ответов на «вечные» вопросы нет даже у ученых, и гораздо меньше предпосылок найти такие ответы в правовом поле. Юристы не должны вторгаться во внутренний мир человека со своим императивами, подкрепленным государственным принуждением.

Далее, юридический факт признания религиозного материала экстремистским формирует правовую основу для последующего преследования всех последователей вероучения, связанного с материалом, попавшим в «черный список» Минюста. При этом никто из граждан, для которых так или иначе наступают неблагоприятные юридические последствия признания материала экстремистским, даже не имел возможности узнать о проходящем судебном процессе.

Например, где-то прошло заседание суда в составе: прокурор, судья и секретарь. Рассмотрев заявление прокурора и экспертизу, суд при-

нял решение о признании материала экстремистским. Никто решение не обжаловал (некому), и оно благополучно вступило в силу. При этом для практически любых лиц, которые к этому тексту имеют какое-либо отношение, независимо от их воли, наступают вполне конкретные юридические последствия: нельзя хранить, нельзя распространять, нельзя на таком тексте основывать свое вероучение, нельзя издавать, нельзя спонсировать издание. Более того, у следственных органов возникает соблазн привлечь кого-либо к уголовной ответственности за распространение (издание) этого текста даже за период, предшествующий признанию его экстремистским по суду.

Иными словами, права неопределенного круга лиц объективно затрагиваются, но никакой эффективной правовой базы для недопущения произвольного и несоразмерного вмешательства в указанные права не имеется. Таким образом, в случае текста религиозного как раз и возникает вмешательство в права очень большого числа граждан. Как, например, это имело место в случае судебного процесса над «Бхагавад-гитой как она есть» (Томск, 2011–2012 гг.), где под сомнение было поставлено вероучение, изложенное в этой книге, на что прямо было указано в заявлении прокурора. Оказались затронуты права коллечества лиц, которое в несколько раз превышает все население Российской Федерации. В Индии прошли массовые акции протеста, люди выходили на улицу и говорили: «Если Россия запретит Бхагавад-гиту, мы запретим Россию». Таков яркий пример специфики поиска экстремизма в религиозном тексте.

2. Отсутствует четкое определение понятия «экстремизм» и какая-либо единая методика экспертирования текстов на признаки экстремизма. Процессуальное законодательство позволяет эксперту использовать методики по его усмотрению, в том числе собственные.

Часто возникает ситуация, когда суду представлено несколько противоположных по выводам заключений специалистов, и суду предстоит выбрать что-то одно. При этом суды склонны оценивать представленные экспертизы заключения не с позиции научности и глубины исследования, а исходя из их процессуальной устойчивости. Поэтому в большинстве случаев суд основывает свое решение на судебной экспертизе (назначенной судом), независимо от научного качества экспертизы. Идет игра в своеобразную рулетку: кого же суд назначит экспертами?

Обратимся в качестве наглядного примера опять к томскому судебному процессу по Бхагавад-гите. Когда встал вопрос о кандидатурах экспертов, прокурор предложил лингвиста-кандидата наук и психолога-ассистента, вообще не имеющего научных степеней и с незначительным стажем. Сторона защиты предложила в качестве экспертов ведущих специалистов в области лингвистики, религиозных текстов индуизма и психологии, обладавших степенями доктора наук, известными научными сотрудниками с многолетним стажем.

Однако суд все равно отклонил все новые кандидатуры, мотивировав тем, что «Москва – это далеко, а наличие степеней для суда не обязательно». На мои доводы о важности привлечения в качестве экспертов докторов наук судья спросила: «А почему Вы считаете, что только доктора должны проводить исследование?» **П действительно, с процессуальной точки зрения наличия только высшего образования и небольшого стажа работы по специальности вполне достаточно для признания такого специалиста экспертом.**

В некоторых случаях до назначения экспертизы даже не доходило, суд вполне устраивало представленное прокурором заключение специалиста.

Таким образом, отсутствие как четкого определения понятия «экстремизм», так и соответственно, методики его выявления, влечет весьма неоднородную правоприменительную практику с уклоном в сторону злоупотребления и избирательного применения закона. И более всего уязвимы в этом случае именно религиозные тексты, со своим метафорическими сравнениями, с совершенно иным культурно-историческим контекстом.

3. Еще один момент, связанный со спецификой исследования религиозного текста, состоит в том, что сам текст, исходя из практики, рассматривается отдельно от деятельности религиозной организации и ее последователей. Законодатель, устанавливая критерии для признания материала экстремистским, не включил такие важные, характеризующие социальное значение информационного материала обстоятельства, как деятельность религиозной организации, чье вероучение основано на спорном религиозном тексте, и поведение ее последователей. Хотя во все времена именно практика являлась критерием истины, при экспертировании религиозного текста для суда ключевым, имеющим юридическое значение обстоятельством является

заключение светского эксперта, а не объяснение самой религиозной организацией значения сакрального текста и его толкования ею.

В итоге сложившаяся на сегодняшний день правоприменительная практика по противодействию экстремизму в части признания материала экстремистским дает результат, обратный ожидаемому, а институт признания материала экстремистским все больше и больше дискредитирует сам себя и не выполняет возложенной на него правоохранительной функции. В создавшихся условиях религиозным организациям оказываются жертвами больше других – назначенные судом светские эксперты (лингвисты, психологи и т.д.) вкладывают в исследуемые религиозные тексты совершенно иной смысл, нежели тот, который вкладывает в него собственно религиозная традиция.

В результате религиозный текст может быть признан экстремистским, например, за критику грешников, которых эксперты посчитали социальной группой, или за критику «лишенных знания глупцов», которых эксперты определили как группу, не разделяющую ценностей обосновываемого вероучения. В этом случае вероучительный текст, а за ним и само вероучение, организация и ее последователи, оказываются вне закона, и именно к ним общество начинает относиться враждебно, хотя сами верующие никаких противоправных действий не совершали. **Так, борьба с абстрактным экстремизмом в религиозных текстах влечет реальное возбуждение враждебного отношения к законопослушным последователям изложенного в таком тексте вероучения.** Повторю, что это не голословные фразы, тому имеется масса реальных примеров из судебной практики.

Что же можно сделать для того, чтобы перенаправить сложившуюся правоприменительную практику в адекватное русло? Конечно, это вопрос, требующий принятия комплекса мер, причем на самых разных уровнях законодательной, исполнительной и судебной властей для вывода российской судебной системы из кризиса и выхода на желаемый уровень компетенции правоприменителя.

Однако начинать нужно, прежде всего, с обеспечения общественного контроля за нормотворчеством и правоприменением. Думаю, такие конференции способны привлечь внимание общественности к проблеме и в будущем оказать позитивное влияние на ситуацию в области правоприменения.

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕНЗУРА РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕНИЙ

«Чем выше будет поннмать человек бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его бла-
гости, милосердию и любви к людям. И потому нусть тот, который виднт весь свет солнца, наполняющий мнр, нусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем ндоле виднт только однн луч того же света, нусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не виднт света».

Л.Н. Толстой. Суратская кофейная

Мы позволнли себе начать статью с цитаты из произведения, которое не разрешали публиковать по цензурным соображениям. Удивительной силы короткое произведение имеющее направленность на веротерпимость и повышение уважения к другим людям, исповедующим другие религии, было долгое время запрещено.

Безусловно, современный читатель, прочитав его, будет в большом затруднении относительно причин такого запрета, поскольку в данной статье нет никаких призывов к насильственным действиям и нет оскорблений ничьих религиозных убеждений и верований. Не будем вас томить – Петербургский цензурный комитет рекомендовал не разрешать его к печати, так как «основная мысль рассказа, что все веры – и магометанская, и еврейская, и христианская – одинаково угодны богу, а наилучший храм – это вселенная. Дурно понятое и истолкованное, это произведение может служить орудием для успешного пропагандирования среди простолудннов различных рационалистических учений, что, конечно, крайне нежелательно»¹.

Итак, причиной для цензуры явилось не само произведение, а страх, что оно будет дурно понято и истолковано. Если быть более точным, это страх цензора, основанный на предположении, что есть люди, которые в отличие от него недостаточно разумны, чтобы понять замысел автора и которые могут понять произведение дурно и неверно истолковать.

¹ Лебедев В.К. «Ошибка» цензуры // Русская литература. 1974. №3.

Однако на самом деле это страх цензора дурно и неверно истолковал произведение, направленное на любовь и уважение, как опасное.

Цензура всегда была инструментом против неакомыслия, карающей за образ мыслей. Причем, как отмечал Бернард Шоу, «убийство – крайняя степень цензуры». Сократ, Иисус Христос, Ян Гус и многие другие были убиты именно из-за цензурных соображений.

А.Н. Радищев в кинге «Путешествие из Петербурга в Москву» посвятил целую главу истории цензуры, убедительно показав несостоятельность ее предназначения. В частности, он писал: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка»².

Книга «не понравилась» императрице и судьба Радищева была заранее решена: он был признан виновным в самом указе о предании его суду... Автору книги «Путешествие из Петербурга в Москву» грозила смертная казнь, к которой он был приговорен в 1790 г., он был признан виновным в преступлении присяги и должности подданного, изданием книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование против начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изращениями против сана и власти царской». Через месяц и 11 дней после вынесения приговора смертная казнь была заменена на 10 летнюю ссылку. Радищев был освобожден в 1796 г. и амнистирован в 1801 г.

Взыскательный читатель, спросит, к чему все это? – ведь цензура в России запрещена Конституцией РФ!

Действительно цензура запрещена в России Конституцией, но введена Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Данный закон позволяет под видом признания «информационных материалов» экстремистскими производить цензуру. Существует целый цензурный список, называемый федеральным списком экстремистских материалов, куда попадает все, что признано экстремистским материалом, от листовок и журналов до религиозной литературы.

² Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1938. Т.1. С. 330.

Современная процедура цензуры значительно отличается от той, которая проводилась ранее. Она проводится под видом рассмотрения судом дела о признании материалов экстремистскими, где суду подвергается текст.

Для того чтобы цензурный процесс был возбужден нужно лишь желание прокурора. Конечно же, цензурный процесс пойдет быстрее, когда прокурор избавит суд от необходимости самому читать цензурируемый текст, представив заключение экспертов о том, что текст является экстремистским. Суд, получивший от прокурора заключение эксперта о том, что тот или иной текст является экстремистским, чувствует себя комфортно, понимая, что если решение обоснует экспертизой, то шансов для его отмены будет мало, поскольку и вышестоящий суд не захочет изучать текст. Однако это означает, что суд, который должен быть справедливым, на самом деле является лишь инструментом прокурора, который при помощи заключения эксперта достигает цензурной цели.

Л. Н. Толстой в романе «Воскресенье» писал:

«— В этом-то и ошибка, что мы привыкли думать, что прокуратура, судейские вообще — это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать.

— Да неужели существуют законы, по которым можно сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие?

— Не только сослать в места не столь отдаленные, но в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено, и потому осуждали церковное толкование»³.

К сожалению, эти слова, написанные в XIX в., для некоторых будут актуальными и сегодня. Так сегодня, мы наблюдаем преследование Свидетелей Иеговы за религиозную деятельность, за распространение религиозной литературы. Их литература, как впрочем, и литература других религиозных конфессий признавалась экстремистской целыми списками при отсутствии насильственных действий или призывов к ним, лишь на основе мнения «экспертов», которому суд доверялся лишь, потому, что на заключении было упомянуто о том,

³ Толстой Л.Н. Воскресенье //Собр. соч.: В 12 т. — М., 1959. Т. 11. С. 252–253.

что «экспертов» знает об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Однако ознакомление с целым рядом «экспертных заключений» оставляет весьма тягостное впечатление ввиду их непрофессионализма и тенденциозности. Порой кажется, что для экспертов это был лишь заработок, основанный на воплощении слов Риншелье: «Дайте мне всего шесть срок, написанных рукой самого честного человека, и я найду, за что его можно повесить».

Рядом этого заработка «эксперты» легко выходят за пределы своей компетенции и с легкостью предрешают дело, отвечая на правовые вопросы. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно запрещал ставить перед экспертами правовые вопросы, однако, почему-то, заключения, содержащие в себе ответы на правовые вопросы, принимаются судами. Порой встречаются даже случаи, когда «эксперты», по всей видимости, с целью побольше заработать, единолично проводят комплексные экспертизы, которые должны, в соответствии с законом, проводиться несколькими специалистами (ч. 2 ст. 82 ГПК РФ). Нам даже известен случай, когда вместо проведения двумя специалистами – психологом и лингвистом – комплексной психолого-лингвистической экспертизы, заключение было «изготовлено» экспертом с неизвестной в России научной специальностью – он именовал психоллингвистом.

Если уж речь зашла об экспертах, то, на наш взгляд, и даже компетентные и беспристрастные эксперты все же не могут быть цензорами и давать цензурное заключение. То или иное толкование религиозных текстов не может быть основанием для ограничения свободы мысли, совести и убеждений. На наш взгляд, только действия могут быть наказуемы, а не мысли и идеи. Не книги, а люди, которые совершили преступления.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) специально напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике, что в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества». Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение,

но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразлично относящихся к религии. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков⁴. Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia*, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообщая с другими, публичным порядком или в кругу соверующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать статью 9 Европейской конвенции в свете статьи 11 Европейской конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмешательства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообщая с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ – неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гарантированной статьей 9 Европейской конвенции. В соответствии с судебной практикой Европейского суда, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений⁵.

С момента данного напоминания ЕСПЧ прошло два года, и никаких уроков не было извлечено. В настоящее время уже несколько жалоб связанных с применением закона об экстремизме направлены Европейским судом для дачи российскими властями объяснений. По всей видимости, нас ожидают еще новые дела в ЕСПЧ.

Тем более что существующая судебная практика дает для этого много оснований. Наиболее распространенным нарушением является рассмотрение дела в особом производстве – процедуре, созданной для

⁴ См.: п. 114 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII.

⁵ См.: п. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]); п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI).

рассмотрения бесспорных дел. Другим распространенным нарушением является рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими без привлечения всех заинтересованных лиц, религиозных объединений, издателей, авторов и владельцев авторских прав.

Хотя, конечно же, самым большим нарушением является само рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими – цензура религий недонустима, наказуемы лишь преступные деяния. В настоящее время мы наблюдаем, что правонарушения рождаются в результате деятельности правоохранительных органов, вначале признается религиозная литература экстремистской, а затем, уже распространение религиозной литературы становится правонарушением. Но искусственная криминализация вероисповеданий не улучшает ситуацию, а, скорее, ухудшает положение с противодействием осуществлению реальных насильственных экстремистских преступлений.

«Общество получает то, к чему приковано его внимание. Если внимание общества будет приковано к духовным ценностям, а не к преступности, то для человечества еще наступит новый день»⁶.

Президент России В.В. Путин, выступая в 2002 в Казани на III всемирном конгрессе татар, отмечал: «Есть один момент, который является чрезвычайно важным – это взаимодействие между государством и конфессиями. Об отношении государства к церквям, вообще к религии. У нас сейчас нет ничего другого, кроме религии, что может до каждого из нас донести общие человеческие ценности. Ничего другого нет. Поэтому если кто-то людей оттаскивает от церквей, от мечетей, от синагог, я думаю, что это ошибка. Это мое частное мнение, а государство и я, как глава государства, не можем вмешиваться в деятельность конфессий».

К сожалению, эти замечательные слова были забыты и вот десять лет спустя ситуация с необоснованным ограничением свободы совести и вероисповеданий под видом борьбы с экстремизмом стала настолько горячей, что в Общественной палате РФ 13 июня 2012 года были проведены слушания на тему: «Об особенностях применения антиэкстремистского законодательства к священным писаниям религиозных организаций». На данном слушании было единодушно высказано мнение, что Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не должен распространяться на вероучительные тексты религиозных организаций, официально зарегистрированных в России. «Ре-

⁶ Хаббард Л.Р. Влияние религии в обществе // Режим доступа: <http://www.iasrus.ru/religi.html>

лигиозным организациям, в отношении которых вынесены подобные решения, необходимо будет обратиться в Конституционный Суд», – считает директор Института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты Елена Лукьянова⁷.

Как гражданам России, нам бы хотелось, чтобы права и свободы человека в России соблюдались, а не были мечтой идеалистов. Граждане России заслужили уважение их прав и свобод и того, чтобы государство их воспринимало в качестве разумных существ, которые могут сами отделять зерна от плевел и не нуждаются в цензурной опеке, в ее замаскированных под борьбу с экстремизмом проявлениях.

Тоталитаризм всегда начинается с попыток уничтожения права свободно получать и распространять идеи, но как справедливо заметил Генрих Гейне – где начинают с уничтожения книги – неизбежно заканчивают убийством людей.

Причем неважно, какими благими намерениями, оправдывается уничтожение книг. Инквизиция тоже провозглашала благие намерения, а осуществлялась через костры и пытки.

...Но сейчас не об этом.

Я так хочу, чтобы жил

Тот, кто бросит лучик света в этот

Брошенный, брошенный, брошенный Богом мир...

(А. Макаревич. Брошенный богом мир)

⁷ Черных А. «Священным книгам готовят амнистию. ОП защитит их от обвинений в экстремизме // Коммерсантъ. 14.06.2012. №106 (4891).

А.Е. Кульчицкий

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Я не согласен с тем, что вы говорите, но
пожертвую своей жизнью, защищая ваше
право высказывать собственное мнение.

Вольтер

Ни страна, ни народ, ни нация, ни отдельно взятый человек в нашем мире не может жить, обратившись исключительно внутрь себя. С одной стороны, мы живем в многообразном мире. С ростом, расширением и укреплением международных связей, население большинства стран представляет собой многообразие обычаев, культур, расовых и этнических групп. Это порождает, в особенности в более богатых западных странах, страхи, конфликты и повторяющиеся вспышки расизма, приведшие многие страны в состояние войны. С другой – каждый человек стремится найти свое место в обществе, идентифицировать себя, и порой такое стремление приводит к самодостаточности, которая вносит дисгармонию в общество. Как считает И.В. Цветкова, «наше мышление характеризует скорее полярность, категоричность, нетерпимость»¹.

Все, что беспокоит нас, преимущественно порождается ложным пониманием того, как идентифицировать себя, свою группу, определяя, в чем сущность наших отличий по сравнению с другими. Мы думаем, что должны строго придерживаться того, что всегда было присуще именно нам, как будто наши отличительные особенности были закреплены раз и навсегда, без каких-либо изменений. Однако история человечества состоит из периодических миграций; каждая культура – результат столкновения этнических групп и народов. Так что именно способ идентификации культурных отличий нуждается в постоянном обогащении и обновлении.

По мнению писательницы Людмилы Улицкой, «если мы не научимся пониманию того, что люди могут по-другому выглядеть и есть

¹ Цветкова И.В. Идея толерантности и русская культура // *Философия культуры*-97 // Тезисы докладов на Российской научной конференции «Человек в культуре и культура в человеке». Самара, 1997. С. 156.

другую еду, по-другому устраивать свои семьи и реагировать на многообразие бытовых вещей, мы все время будем находиться в состоянии самой ужасной войны, которая может быть, – войны у себя дома»².

Общество можно рассматривать как общность индивидумов. Говоря об индивидуальности, надо помнить, что, во-первых, каждый человек в чем-то сходен со всеми остальными. Во-вторых, каждый человек в чем-то одинаков с некоторыми другими индивидами. И наконец, в-третьих, каждый человек в чем-то не похож ни на кого (это мы называем индивидуальностью). В зависимости от того, как сочетаются эти начала, формируется индивидуальность каждого конкретного человека. При этом, как бы ни строилось это сочетание, нужно всегда помнить, что человек всегда одновременно имеет общее с остальными и не похож на остальных. Общность каждого человека с остальными людьми подтверждает Библия: «От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Деян., 17:26).

На личностном уровне столкновение с инакомыслием, с иной культурой неизбежно смущает и тревожит нас. Каждое общество создало свою систему объяснения окружающего мира, что позволяет нам осознать свою особенность и понять смысл своего существования. Но не каждое общество одинаково постигло идеи начала мира или представление о Боге, но и постижение самого Бога у всех происходит по-разному. У каждой культуры свое представление об общественном и личном. Когда мы сталкиваемся с другим обществом и иной системой мысли, мы теряемся и нугаемся, потому что ощущаем опасность потерять свою убежденность и значимость.

Что касается государственного уровня отношения к инакомыслию, то «...усилия властей, направленные на тотальную регламентацию всех сторон жизнедеятельности народа и общества, имеют вид практики упорядочения социальных структур через беспредельное увеличение степени единообразия составляющих их элементов. Политика государства за абсолютным порядком обнаруживает, что последний не менее страшен, чем полный беспорядок, поскольку демонстрирует крайнюю малую степень жизнепорождающих способностей. На алтарь сверхпорядка приносится непомерное количество жертв, в числе которых ока-

² Епископ Пермский и Соликамский призывает запретить введение в школах уроков толерантности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://loinov-alex.livejournal.com/45140.html>

зываются христианские ценности, гражданское общество, естественные права и свободы граждан, нравственность и право, достоинство, культура и цивилизованность личности»³.

Единственным способом избежать самоуничтожения этими противопоставлениями является признание того, что мы не обладаем всей полнотой истины. Это не означает, что мы отказываемся от того, во что верим больше всего, но это значит, что нам необходимо принять во внимание то, что может предложить другой человек, что позволит нам обогатить свои представления о мире и о многих других вещах.

Столкновение с другими культурами, как и все человеческие взаимодействия, не проходит безболезненно и спокойно. Мужчины и женщины становятся счастливой парой благодаря тому, что идут на постоянный компромисс. Можно полагать, что посредством готовности идти на уступки, а также признания того, что мы не всегда способны понять друг друга, наше принятие разнообразных обычаев и культур вместе смогут улучшить этот мир. Все такие усилия, направленные на стабилизацию отношений в обществе, можно назвать «толерантностью», словом, которое на политическом рынке вновь появилось и требует конкретного его определения.

Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется следующим образом: «Ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям»⁴.

Толерантность – это активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между народами, социальными группами, для позитивного взаимодействия с людьми иной культурой, национальной, религиозной или социальной среды.

³ Бачинин В.А. Социология, политология, правоведение. Малая христианская энциклопедия. СПб., 2004. С. 331.

⁴ Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: Словарь-справочник. М., 2005.

Притом, мировое сообщество осознает необходимость терпимости как нормы межличностных, межнациональных и межгосударственных отношений, которые способны противостоять традиции вражды, стереотипам борьбы и инертиности общественного сознания.

Характеризуя современность как эпоху глобального кризиса – экономического, политического, экологического, нравственного, – исследователи проблемы толерантности по-разному интерпретируют это явление. Одни видят в толерантности «идеал и жизненно важный принцип», полагая, что «она одна даст шанс выжить цивилизации». Другие считают, что она «служит лишь для того, чтобы символически скрадывать и лечить реальный раскол и безразличие, которые демонстрирует человечество»⁵. Однако нужно обратить внимание на то, что в этих высказываниях прослеживается позитивная оценка кризиса в большей или меньшей степени. С этой оценкой можно согласиться, так как кризис указывает на проблему, которую надо решать, и одно из решений – это толерантность. Несмотря на столь сильные различия в оценке толерантности, ученых, политиков, государственных деятелей, религиоведов объединяет уверенность в необходимости борьбы с ее антиподом, «интолерантностью», которая встречается в разнообразных формах наших отношений.

Толерантность является одним из основополагающих демократических принципов, неразрывно связанных с концепциями плюрализма, социальной свободы и прав человека. В качестве общезначимого принципа человеческого общения, который до сих пор нарушается, ограничивается или отвергается на межличностном, межгрупповом и государственном уровнях, полностью или в некоторой степени отрицается авторитаризмом и тоталитаризмом. В силу этого мировоззренческого «абсолютизма», убежденность в обладании высшей и окончательной истиной скрывает корыстные интересы правящей элиты.

Двадцать первый век – век великих научных открытий и свершений, и, вместе с тем, век самых разрушительных войн, революций и катастроф. С одной стороны, выживание человечества требует толерантности в отношениях между государствами, народами, людьми, а с другой – реально существующие государственные, национальные, частные интересы приводят к противоречиям и конфликтам. В это сложное время

⁵ Крестьянипова Е.Н. Концепция «Культура — цивилизация» К.Леонтьева // Философия культуры-97. Тезисы докладов на российской научной конференции «Человек в культуре — культура в человеке», посвященной 60-летию В.А. Копева. Самара, 1997. С. 164.

нам необходимо научиться взаимопониманию между людьми, взаимопроизношению в различные культуры, уважению традиций иных народов, осознанию допущения иной точки зрения на одно и то же явление, плюрализму мнений и оценок.

Толерантность как одна из позитивных характеристик, в значительной мере влияет на развитие социального климата, межличностных отношений, на политику. Она ставит перед собой наиболее актуальную задачу – это развитие современного человека и его воспитание. Как отмечал отечественный философ Ю.А. Шрейдер, «самая страшная, из грозящих нам катастроф, это не столько атомная, тепловая и тому подобные варианты физического уничтожения человечества (а может быть, и всего живого) на Земле, сколько антропологическая – уничтожение человеческого в человеке»⁶. Прежде чем выяснять, как защитить природу, как избавиться от конфликтов, войны и бедствий, следует прийти во внимание, как остаться человеком.

В последнее время все чаще возникают разговоры о толерантном мире, то есть мире без насилия и жестокости, мире, в котором самой главной ценностью является неповторимая и неприкосновенная человеческая личность. Поэтому, приступая к изучению принципов толерантности, мы задаем себе вопрос: насколько в сознании людей в нашей стране подготовлена база к восприятию данной проблемы, и какое место в субъективном тезаурусе молодежи занимает понятие толерантность? Ведь толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью. Она служит важной частью структуры творческого взаимодействия и творчества вообще. Принцип толерантности должен творчески применяться, прежде всего, в образовательном процессе – во взаимоотношениях учителя и ученика, а также в общественных, социальных и политических отношениях.

Основными институтами, формирующими личность, являются семья, школа и социальная среда. Результаты становления личности определяются совместным действием всех трех источников воспитания. Поэтому на первый план выдвигаются идеи **компетентного управления**, сотрудничества с родителями, влияния на общественные и государственные институты защиты детства, их общая забота о подрастающем поколении – будущем всей страны.

⁶ Шрейдер Ю.А. Утопия или устроительство // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 8.

Воспитание толерантности требует четкого осознания целесообразности педагогических воздействий на ученика, четкого определения педагогических целей, то есть персонализированную цель – развитие конкретного ребенка. Однако формирование данного качества, основой которого является активная социальная позиция и психологическая готовность, возможно только при наличии мотивации и осознании ребенком того, зачем именно ему необходимо это качество (личная цель) и осознания значимости для общества (социальная цель). Одним из факторов успешности воспитания толерантности является совокупность целей педагога и ребенка. Отсюда необходимость соблюдения учета индивидуальных и половых возрастных особенностей.

Толерантности нужно учиться, это чувство нужно прививать и воспитывать. «Проблема культуры общения, – как говорила педагог О.А. Чепкасова, – одна из самых острых в школе, да и в обществе в целом. Порою складывается ощущение, что искусство общения — это дар, которым обладают немногие, примерно 5–7 % людей. Всех остальных — надо учить. Учить диалогу, учить умению слушать, слышать, понимать, не манипулировать и не применять насилия к партнеру по общению, а пытаться ему открыть себя так, чтобы он тебя понял. Важно быть терпимым по отношению друг к другу, что очень непросто. “Педагогика сотрудничества” и “толерантность” – это передовые понятия, без которых невозможны какие-либо преобразования в современной школе»⁷. Именно поэтому появилась необходимость разработать систему формирования толерантного сознания во всех учебных заведениях и апробировать ее, тем более, что отношения между современными школьниками, студентами, к сожалению, оставляют желать лучшего. Поэтому одним из основных направлений воспитательной системы, в рамках которого осуществляется толерантное воспитание, является патриотизм – **любовь к своей Родине**.

Воспитание толерантных начал носит многоплановый характер и в условиях полиэтничности, многоязычия, поликультурности и полиэтальности населения России не может не приобретать характер поликультурного образования.

Формирование у подростков, студентов толерантного поведения является одной из задач образовательной системы России, когда рост проявлений национализма, экстремизма, шовинизма, ксенофобии,

⁷ Чепкасова О.А. Формирование толерантных отношений у современных школьников // Педагогика. 1999. №4. С. 6.

агрессивности у подростков становится обыденностью, что является своеобразным показателем нравственной патологии мультикультуры России. Одним из важных условий профилактики таких проявлений выступает деятельность всех социальных институтов по формированию толерантного поведения людей.

Среди конкретных задач мультикультурного образования в учебных заведениях, как правило, называются следующие задачи:

- глубокое и всестороннее овладение учащимися культурой своего собственного народа как непеременимое условие интеграции в иные культуры;
- формирование у учащихся представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиям для самореализации личности;
- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;
- формирование и развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур;
- воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения⁸.

Следующий институт в формировании толерантности – это религия, которая на протяжении веков являлась важнейшим фактором, во многом определяющим ход человеческой истории и культуры. Религиозные движения и учения церкви оказывают влияние на формирование духовной и культурной жизни человечества и цивилизации в целом.

Исследуя межконфессиональный диалог сквозь призму взаимодействия государственных и религиозных институтов, следует сказать, что есть необходимость в большей активности самих религиозных организаций в защите своих законных интересов и в разрешении разного рода конфликтных ситуаций с использованием соответствующих правовых механизмов. В современных российских условиях для достижения серьезного результата в консолидации общества и в преодолении экстремизма и ксенофобии, необходима целенаправленная государственная политика, которая должна охватывать все каналы социализации и формировать площадку толерантного сознания и поведения, опираясь

⁸ Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование — актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. №4. С. 6.

и передовые религиозные организации, которые имеют опыт формирования принципов единства и гармонии в обществе. При этом общественные и религиозные институты должны тесно взаимодействовать, особенно в области просвещения и социальной работы.

В общественном мнении показатель эффективности взаимодействия государственных и религиозных институтов в области государственной и общественной жизни скорее низкий и отрицательный. За исключением сферы законодательства, где законодатели считают удачной совместную работу над Законом 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятым с учетом поправок религиозных организаций.

Наиболее важными критериями воспитания толерантности следует, прежде всего, назвать:

- **отказ от насилья** как неприемлемого средства общения человека к какой-либо идее;
- **добровольность выбора**, акцент на искренность убеждений, свобода совести. Подобно тому, как в христианстве «проповедь и пример» являются способами обращения в свою веру, идея толерантности может стать своеобразным ориентиром, своего рода флагом движения, объединяющим единомышленников;
- **умение пригнудить себя, не пригнудая других**. Страх и принуждение извне не способствуют в целом сдержанности и терпимости, хотя в качестве воспитательного фактора в определенный момент дисциплинируют людей, при этом формируя определенные нравы;
- **подчинение законам**, традициям и обычаям, не нарушая их и удовлетворяя общественные потребности. Подчинение законам, а не воли властелина или большинства представляется важным фактором развития и движения в нужном направлении;
- **принятие другого таким, каков он есть**, хотя он может отличаться по разным признакам – национальным, расовым, культурным, религиозным и т. д.⁹.

Приведенные критерии применимы к разным группам, начиная с семьи, школьного класса и заканчивая обществом в целом. К сожалению, они не всегда видны «невооруженным глазом». Некоторые из них доступны лишь подготовленным и заинтересованным наблюдателям.

⁹ Миримопова М.С. Толерантность как проблема воспитания [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://r1 online.ru/articles/2-02/91.html>

Было бы унущением не вспомнить о духовных ценностях, заложенных в сакральных текстах различных религий. Они являются краеугольным камнем духовного воспитания и формирования личности в духе взаимной любви и уважения. Так, Библия предлагает нам некоторые из них. В Нагорной проповеди Иисус Христос говорит, буквально повторяя китайское «золотое правило нравственности», сформулированное Конфуцием: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф., 7:12)¹⁰. Толерантность каждого способствует равновесию и целостности общества, раскрытию всей полноты его частей и достижению «золотой середины» на основе золотого правила нравственности. В прощальной заповеди Иисус оставил для человечества важнейший нравственный принцип: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин., 13:34).

¹⁰ Ср.: «Владеть собой настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с ними так, как мы желаем, чтобы с нами поступали, — вот что можно назвать человеколюбием» (Конфуций).

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ КАК ШКОЛА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ (региональный материал)

Исследования различных аспектов религиозной жизни во Владимирском регионе и систематическое преподавание религиоведческих дисциплин во Владимирском государственном университете началось с 2002 года, когда была получена лицензия на ведение образовательной деятельности по специальности «религиоведение». Вместе с тем такого рода исследования проводились историками, краеведами, социологами, филологами, фольклористами, философами и культурологами с XIX в. Современный образовательный религиоведческий проект стал составной частью общероссийских процессов возвращения религии в публичную жизнь после 70-летнего периода «принудительного атеизма».

В таком контексте современная система российского государственного образования начинает включать в себя дисциплины, относящиеся к области «религиоведения», поскольку, как отмечал еще в 1990-е годы И.Н. Яблочков, их освоение представляется необходимым для «становления каждого человека как личности, для формирования его духовной культуры»¹. М.Г. Писмапик писал, что «знания о религии необходимы... для поддержания взаимопонимания и гражданского сотрудничества между верующими и неверующими согражданами, для внедрения установок корректного, уважительного отношения между приверженцами разных конфессий», причем «взаимопонимание, готовность к гражданскому сотрудничеству с представителями разных мировоззренческих ориентаций – важнейшие, на наш взгляд, критерии воспитанности индивида», без которого «невозможно обрести осознанное мировоззренческое самоопределение»². Г.А. Геранина показала, что студенты, в учебных программах которых есть курсы по религиоведению, проходят своего рода «школу толерантности», в отличие от тех, у которых данная дисциплина исключена³. К сожалению, последних,

¹ Яблочков И.П. Основы теоретического религиоведения. М., 1994. С.5.

² Писмапик М.Г. Сложные аспекты преподавания религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 314.

³ Геранина Г.А. Социально-философский анализ проблем формирования религиозной идентичности в современном религиоведческом образовании // Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. Архангельск, 2011. С.160–169.

в условиях современной реформы системы высшего образования, становится все больше и больше, при этом данные тенденции совпали с известным усилением националистических настроений в молодежной среде, повсеместно провоцирующих воинственную нетерпимость. Система образования сталкивается с могуществом современных масс-медиа, особенно телевидения, транслирующего по всем федеральным каналам в бесконечных криминальных хрониках, детективных сериалах в сочетании с «военно-патриотическими фильмами» советского периода художественные образы, преподносящие насилие и нетерпимость в качестве признаков «крутизны», «смелости» и «цельности» личности, безоговорочно и безапелляционно делящей реальность на миры «добра» и «зла», провоцируя не только оскорбления чувств верующих, но и уголовные преступления со стороны.

Только религиозие способно показать молодежи парадоксальность фундаментальной природы веры и религиозности, которая, в отличие от рационального знания, собственно науки, и состоит в том, что «не только каждый тип веры не доступен никому, кроме его исповедующих, но и сама вера не доступна пониманию как таковая»⁴. Православие, к примеру, не может быть отнесено к категории феноменов, родственных физике, математике или инструкциям по пользованию телевизором, вера вообще не может быть представлена как однозначная, законченная и ясная рациональная система, которой можно «овладеть» и управлять, как это иногда представляется некоторым радикальным приверженцам доктринального ригоризма, ибо она всегда предполагает «тайну», «огоньки Пятидесятницы», по словам С.С.Аверинцева⁵. С другой стороны, интуиция незримого присутствия «Высшей Подлинности», как показывает, к примеру, история христианства, не остается только «потокот индивидуальных озарений» или интуитивно ощущаемых «огоньков», но манифестируется в нескольких устойчивых и самосохраняющихся «институциональных» формах сообществ («церквей», «экклесий», «конгрегаций», «юрисдикций» и т.п.), формулирующих самоопределение и самоопределение в терминах определенной «доктрины», посредством которой каждое из них «поддерживает свою самобытность и регулирует свои отношения с другими подобными сообществами»⁶.

⁴ Bleeker C.J. Epilegomena/Historia religionum. Leiden, 1971. V.2. P.646–647.

⁵ Аверинцев С.С. Некоторые языковые особенности в Евангелиях // Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/01_a/ave/rin95.htm#444

⁶ Маграт А. Богословская мысль Реформации [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.psujournal.narod.ru/lib/mag_teol1.htm

Крупнейший теоретик современной социологии Н. Луман утверждал, что наука и религия являются обособляющимися функциональными «аутопойетическими субсистемами» современного общества, но при этом «людей невозможно распределить по функциональным системам так, чтобы каждый из них принадлежал только к одной системе, т.е. участвовал бы только в праве, но не в экономике, только в политике, но не в воспитательной системе»⁷. При этом «не существует и возможностей какого-то взаимного управления, ведь это до определенной степени подразумевало бы передачу функций», а потому «в отношениях функциональных систем друг к другу может присутствовать деструкция – в той мере, в какой они зависят друг от друга, – но не инструкция»⁸. В таком обществе человек уже не может быть «только верующим» или «только ученым», но вынужден принадлежать к множеству идентификационных ролей, т.е. быть и мужем, и сыном, и гражданином, и профессионалом в физике или религиоведении, и прихожанином и т.п..

Сегодня, однако, социологические исследования показывают, что «причастность к конфессии» становится новым важным идентификационным основанием, проявляясь в повседневности, когда, к примеру, празднование Нового года, сконструированное в 1930-е гг. в СССР для замещения Рождества и ставшее самым любимым праздником года, в 2011 году, однако для украинцев впервые оказалось отнесено Рождеством (68% против 65% за Новый год)⁹. Конфликтность отношения к этому празднику со стороны «конфессий» становится все очевиднее, причем некоторые их представители утверждают, что «Новый год – праздник бесовский, богомерзкий», поскольку он «всегда сопровождается “телебеснованием” и пьянством»¹⁰. Симптомом наступления «новой реальности» стало и то, что 4 января 2012 года СМИ сообщили про «убийство в Душаибе молодого человека, одетого в костюм Деда Мороза», причем «нападавшие на “Деда Мороза”» выкрикивали “Ту ко-

⁷ Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. М., 2006. С. 171.

⁸ Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. М., 2006. С. 179.

⁹ Новый год: история возникновения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.russianetka.ru/winrus/newyear/history.htm>; Новый год перестал быть главным праздником украинцев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://risu.org.ua/ru/index/all_news/culture/religious_holidays/46079

¹⁰ Марюхина Е. Встреча Нового Года по-православному [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://znamensk.info/vypusk-01-28-dekabrya/vstrecha-novogo-goda-po-pravoslavnomu.html>

фири” (“Ты неверный”))¹¹. Перестают казаться умозрительно-фантастическими перспективы нашего общества, о которых еще в 1986 году в яркой художественно-сатирической форме писал Владимир Войнович в знаменитой айнтопии «Москва 2042»¹².

Религиоведческое образование сталкивается с практическими ситуациями в области «свободы совести», когда оказывается, что спорным является само понятие «совести». Согласно В. Далью слово «совесть» обозначает «правственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; природная правда, в различной степени развития»¹³.

Советские словари значительно лаконичнее определяли это понятие как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом»¹⁴. Были введены понятия о «пролетарской» и «рабоче-крестьянской совести», при этом пояснялось, что «с ходом социального и культурного прогресса интеллектуальная честность как одно из требований совести все более настоятельно требует отказа от религиозной веры, как не имеющей логического и фактического обоснования, а также и морального оправдания»¹⁵.

Некоторые авторы, к примеру, Р.Г. Апресян, трактуют совесть как «способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному — неисполненность долга», при этом имея в виду совесть с древности, «в отличие от страха (перед авторитетом, наказанием) и стыда (в котором также отражается осознание, человеком своего несоответствия некоторым принятым нормам)... воспринимается как “стыд перед самим собой”»¹⁶. В.Н. Ярхо отмечает, что в древнегреческой трагедии «пока в сознании поэта существует вера в справедливое божественное управление миром или хотя бы в неизбежность расплаты за объективно преступное деяние, субъектами трагического конфликта

¹¹ МВД Таджикистана отрицает религиозный мотив убийства “Деда Мороза” // Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=43652>

¹² Войнович В. Москва 2042 // Вечер в 2217 году/ Сост., авт. предисл. и коммент. В.П. Шестаков. М., 1990. С. 387–716.

¹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т.IV. С.256–257;

¹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 605.

¹⁵ Совесть // Атеистический словарь / Под. общ. ред. М.П. Новикова. М., 1983. С. 454.

¹⁶ Апресян Р. Г. Совесть // Новая философская энциклопедия / Под об. В.С. Степина. М., 2001. Т. 3. С. 585–587.

остаются люди цельные, до конца последовательные в своих решениях, раз они уже приняты, и в действиях, вытекающих из этих решений», при этом, правда, собственно «совесть... оказывается ненужной – как самим героям древнегреческой трагедии, так и их создателям»¹⁷. Нет термина «совесть» и в Ветхом Завете (где близкими по значению оказываются термины «страх Господен» и «сердце»: «Не укорит меня сердце мое во все дни мои» (Иов, 27:6), хотя он появляется в «Септуагинте» (греческом переводе Ветхого Завета), в книгах Екклесиаст (10:20) и Премудрости Соломона (17:10), выступая как заимствование из эллинистической культуры, где он и возник¹⁸. Христианское понятие совести появляется у новозаветных авторов (апостолов Петра и Павла) со времени начала проповеди Евангелия язычникам и иудеям диаспоры, у которых «συνείδησις» (на языке греков) и «conscientia» (на языке римлян) употреблялись как общепонятные термины¹⁹. В Новом Завете он встречается в основном в текстах Павла, который говорит о совести как порой «нечистой», «оскверненной», «сожженной» и «соблазняющей» (1 Кор., 8:7-12; 1 Тим., 4:1-2), нуждающейся в «очищении» (Евр., 9:13-14): «Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!». Христианское здесь выступает как универсально-этическое и онтологическое основание бытия личности в вечности.

По мере становления христианского сообщества как «кафолической еkkлeсии» (вселенской церкви) данное универсальное содержание отступает перед множеством доктринальных нововведений, дифференцирующих эту новую общность от множества других, тоже считавших себя «последователями Христа», которые, начиная с эпохи Константина Великого, нередко стали преследоваться и подавлялись силой государства, а само понятие о совести стало приобретать «юрисдикционный», доктринальный, ригористический и иерархический характер, т.е. «должная и подлинная совесть» стала трактоваться как верность юрисдикции, данному конкретному объединению, его элите. Вместе с тем, к универсально-изначальному его содержанию периодически возвращались те христианские мыслители, которые испытывали конфликт

¹⁷ Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) // Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/126884/>

¹⁸ Архимандрит Платон (Игумнов) Православное православное богословие // Режим доступа: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/igumnov/igumnov1/39.html>

¹⁹ Совесть // Режим доступа: <http://www.xpa-spb.ru/slov/2-17.html>

с окружающим обществом и собственными единоверцами, как, к примеру, Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст, выступавший с проповедью свободной совести как неподкупного судьи («естественный закон добра и зла», который Бог уже вложил в нас как принцип "во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мф., 7:12), действуя в соответствии с которым ведет к тому, что человек «имеет свободную совесть, и не чувствует внешних цепей»²⁰.

Сегодня Интернет изобилует крайними полюсами интерпретаций «должной и подлинной совести», как, к примеру, скандальные проекты ультрарадикальных фундаменталистских групп типа «Атомного православия» Егора Холмогорова, «православной революции» Народной национальной партии России, «современной священной инквизиции» Союза православных хоругвеносцев, или возрождения румынского фашистского православия времен «Железной гвардии» по версии некоего «Русского Братства»²¹. В таком современном социально-медийном контексте присутствия множества групп, стремящихся навязать личности свои образцы «подлинной совести», в отличие от тех прежних режимов, где индивид принуждался к выбору только одной религии или идеологии (как это было в России до Пасхи 1905 года, когда православие было принудительной государственной религией, или в России до 1993 года, когда была принята новая Конституция РФ, отменившая прежнюю принудительную идеологию «марксизма-ленинизма»), очень важно представлять молодежи собственно религиозно-экспертное понимание «свободы совести» как универсального права каждого гражданина на «независимость внутренней духовной жизни и возможность самому определять свои убеждения», хотя в «узком и более распространённом смысле "свобода совести" означает свободу вероисповедания и организации отправления культа»²².

Данное противостояние отражает базовое противоречие (апорию) отношений религии и общества в России, где Русская православная церковь (Московский патриархат) олицетворяет собой для многих

²⁰ Беседа 5. Беседы о статуях, говоренные к Антиохийскому народу. Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Том второй. Книга первая // Режим доступа: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z02_1/Z02_1_05.htm

²¹ Холмогоров Е. Атомное православие // Режим доступа: <http://www.rus-obr.ru/idea/594>; Идеологи грядущей «русистской православной революции» переиздали «Просветителя» преподобного Иосифа Волоцкого [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.bible.com.ua/news/r/25929>; Русское братство. Православный фашизм // Режим доступа: <http://rusbratstvo.org/propoved/27>

²² Апресян Р.Г. Совесть // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т.3. С.585–587.

гражданин не просто абстрактную и отвлеченную «религию как таковую» (некоторый религиоведческий феномен, объект исследования или неповторимую и неуловимую интимную «личную веру»), но «нашу отечественную религию», что в европейской культуре со времени Платона символизировало причастность отдельных индивидов и целых сообществ «по совести» к высшему порядку бытия, выражающую присутствие этих индивидов и сообществ в священном космосе, спасающим от хаоса и смерти, т.е. собственно единственно уникальную форму бытия в вечности, неповторимо величественную, сильную и яркую форму подлинного благочестия, единства Красоты, Истины и Блага в отношении индивида с бытием (Бытием). Собственно, такое понимание придавало религии и соответствующему институту на протяжении более чем двух тысячелетий статус главной функциональной системы общества и исторически, до XX в. включительно, в большинстве стран мира было «собственно считать действовавшую религию фундаментом стабильности в обществе», при этом «принуждение к религиозному образу» имело «повсеместный характер»²³.

Н. Луман отмечает, что в эпоху Просвещения и господства разума, рациональности, «такие явно иррациональные образования как религия (для низов) и вкус (для высших слоев), превозносились из-за их темпоральных преимуществ», при этом считалось, что «нужно оберегать всякую устойчивую религию, даже если она уже абсурдна, до тех пор, пока нет ничего ей взамен»²⁴. Постепенно имени «индивид выставляет себя в качестве исходной точки для того, что кажется подходящим для его веры, разума и принадлежности к организациям»²⁵. В таких социальных условиях прежний величественный ранг феноменов «религия» и «церковь» приватизируется дифференцирующимися локальными объединениями и уже правоведы XIX в. стали называть «церковью всякое вероисповедальное общество, признанное в государстве», да и в самой России «государственное законодательство усваивает название церквей таким христианским вероисповедальным обществам, которые сами себя называют церквами по их верованиям»²⁶.

²³ Дейвис Д. Декларация Организации Объединенных Наций «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религий или убеждений» как фактор защиты религиозной свободы // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сборник статей. М., 2006. Вып. 3. С. 6.

²⁴ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. СПб., 2007. С. 453.

²⁵ Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. М., 2006. С. 157.

²⁶ Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 219.

Подобные проблемы возникают и в контексте вопросов организационно-религиоведческого образования, которые у нас еще только начинают разрабатываться после семи десятилетий наработки опыта «атеистического образования и воспитания». Необходимо учитывать, что авторы словарей, изданных в советское время, стремились сделать противопоставление религиозного и светского образования большим, чем оно в действительности является, дополнительно усиливая отрицательное идеологическое отношение к религии. Действительно, для читателя советского издания словаря русского языка слово «религия» должно было ассоциироваться с одной из «форм общественного сознания, характеризующейся совокупностью духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа, которые являются предметом поклонения»²⁷. Читатели словарей иностранных слов могли узнать, что «в классовом обществе религия является орудием угнетения трудящихся и господства эксплуататорских классов», что «религия противоположна и враждебна науке, стремится сохранить всевозможные суеверия и предрассудки»²⁸. Свобода совести в таком контексте могла пониматься только как «свобода от всех форм религиозного дурмана».

В этом контексте можно понять и содержание пространной статьи «Религиозное обучение и образование» из Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), где утверждалось, что религиозное обучение и образование могут пониматься и как «система профессиональной подготовки служителей религиозных культов», и как «религиозное обучение населения», при этом отмечалось, что собственно «обучение религии» происходит не только в специальных учебных заведениях (профессионально-духовных, приходских и общеобразовательных), воскресных школах и курсах, но и через СМИ, кино и литературу, с целью распространения религии среди неверующих и наиверующих, вербовки прозелитов и усиления влияния на массы²⁹. В соответствии с таким пониманием, жесткому контролю подвергались религиозные объединения, а строгая цензура призвана была отсеивать те произведения искусства, философии и науки, включая классические работы, в которых религия характеризовалась с достойной и позитивной стороны.

²⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 665.

²⁸ Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М., 1954. С. 601.

²⁹ Фуров В.Г. Религиозное обучение и образование // Большая Советская Энциклопедия. М., 1975. Т.21. С.626.

Религиозное образование осознанно или неосознанно воспринималось как образование верующих определенных конфессий (юрисдикций), то есть людей, в идеале, со сложившимися непоколебимыми убеждениями, безусловно преданных какой-либо традиции, соответствующим ценностям. Слово «светский» вообще отсутствует в БСЭ, оно считалось устарелым и ассоциировалось со значением «отвечающий понятиям и требованиям света (избранного круга, высшего общества)», или «общегражданский»³⁰. До настоящего времени, хотя понятие «религиозное образование» уже вошло в юридические документы и законодательство Российской Федерации, в целом ряде специальных изданий отсутствуют статьи, посвященные религиозному образованию³¹. Нет статьи о религиозном образовании в энциклопедическом словаре «Религиоведение» (2006), включающем, однако, статьи «Религиозная педагогика», «Религия и педагогика» и «Наставничество религиозное»³². Избегают этого термина и конфессиональные издания, предпочитающие более традиционные термины «духовное образование»³³, «духовное руководство»³⁴, «катехизация»³⁵ и другие. Вместе с тем, в Московском патриархате учрежден в 1991 году «Синодальный отдел религиозного образования и катехизации»³⁶. Не меньше проблем и у тех, кто хотел бы понять различие религиоведческого и собственно «религиозного» образования, поскольку, как писал один из классиков современного религиоведения Мпрча Элиаде, «всякий, кто старается дать определенное термину религиозное образование, столкнется с экстраординарными трудностями»³⁷. Как отмечает Ф.Н. Козырев, автор одной из первых монографий, рассматривающих сложную и многоплановую проблематику религиозного образования, к примеру, такая ситуация имеет место в «Педагогическом энциклопедическом словаре», который, тем не

³⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 691.

³¹ Закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ст. 5

³² Безрогов В.Г. Религиозная педагогика // Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2006. С. 865, 895–896; Безрогов В.Г. Наставничество религиозное // Там же. С. 675–676.

³³ Козлов Максим, священник. Духовное образование в России. XVII–XX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 407.

³⁴ Лупандин И. Духовное руководство // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т.1. С. 1723–1726.

³⁵ Катехизис // Христианство: энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1993. Т.1 С. 783, 704.

³⁶ Синодальный отдел религиозного образования и катехизации [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.prokimen.ru/article_136.html.

³⁷ Religious Education // The Encyclopedia of Religion. Mircea Eliade editor in chief. New York – London, 1987. V.12. P.318.

менее, содержит статью о «религиозном воспитании», где данное понятие определяется как «целенаправленное и планомерное возвращение верующих посредством внушения им мировоззрения, мироощущения, норм отношений и поведения, соответствующих догматам и вероучительным принципам определенной конфессии»³⁸.

Образовательные проекты необходимо согласовывать с вопросами правовой защиты свободы совести, являющейся одним из важнейших завоеваний всего человечества и «по общепринятой договоренности, сегодня международное законодательство по правам человека признает в качестве религиозных многочисленные тенетические, нетенетические и атенетические верования»³⁹. В современных условиях именно наличие свободы совести признается весомым фактором сохранения национальной и глобальной безопасности⁴⁰.

Уважение к свободе совести учащихся ведет к выделению особого, «педагогического», направления в мировом религиозно-религиоведческом образовании, получившего, как отмечалось выше, наименование «образование религии» или преподавание религии как «дара», что открыло возможность отхода в образовательной практике от жестких принципов как проповеди конфессиональной исключительности, так и строгой критичности, свойственных научному (собственно «религиоведческому») подходу, способствуя содержательному обогащению образования. Важнейшим недостатком неконфессиональных (религиоведческих) моделей, практиковавшихся в Европе до 1970-х гг., было то, что стремление к объективности преподавания педагогов требовало отказываться от глубокого погружения в предмет из боязни эмоциональных оценок. По мнению Ф.Н. Козырева, именно педагогика составляет приоритетное направление светского образования в общеобразовательной школе, тогда как религиозный и богословский подходы к изучению религии сохраняют свое доминирующее положение в системе соответствующего профессионального образования, взаимодействуя в той или иной степени между собой⁴¹.

³⁸ Козырев, Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: Монография. СПб., 2005. С. 16.

³⁹ Lerner. H. Group Rights and Discretionary Law. Boston-London, 1991. P. 75.

⁴⁰ Бурьянов С.А. Свобода совести как фактор обеспечения национальной и глобальной безопасности // Политика и общество. 2004. № 1. С. 112–124.

⁴¹ Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: Монография. СПб., 2005. С. 58.

**ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О
ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ГАРАТИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

Участники Всероссийской научно-практической конференции «Практика применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности и гарантии свободы совести в современной России», прошедшей 20 декабря 2011 года и организованной Общероссийской общественной организацией содействия защите свободы совести (МАРС), Институтом Европы РАН, Гильдией экспертов по религии и праву при информационной поддержке информационно-аналитического портала «Религия и право» и журнала «Религия и право», обсудив ситуацию с соблюдением конституционных принципов обеспечения свободы совести в России в связи с ведущейся в настоящее время активной борьбой государства с проявлениями в обществе экстремистских настроений, а также практику применения Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в отношении деятельности религиозных объединений, пришли к следующим выводам.

В связи с проблемой религиозного экстремизма необходимо повысить роль религиозных организаций в идейном и духовно-нравственном противодействии экстремизму. Религиозным объединениям необходимо обратить особое внимание на работу с молодежью, воспитание уважения к закону и религиозной культуре. В различных формах эта работа ведется в религиозных общинах адвентистов, лютеран, пятидесятников.

Участники конференции отметили, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон) не отвечает признакам определенности, ясности и однозначности его применения как для правоприменителя, так и для граждан. Например, в Законе экстремизм определяется как возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной

или языковой принадлежности или отношения к религии; массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. Однако это определение дает почву для широкого толкования и нередко приводит к искажению того смысла, который был заложен в Законе. Неопределенность формулировок создает чрезмерно широкие возможности его интерпретации, которые приводят к правовым нарушениям в отношении религиозных организаций и граждан, ведут к конституционно неоправданному ограничению их прав и законных интересов на свободу совести. Существуют факты, когда Закон используется как инструмент подавления инакомыслия, свободы слова, мысли и информации, борьбы с религиозными меньшинствами. В связи с этим необходимо выработать четкие критерии, определяющие понятие экстремистской деятельности.

Другая проблема заключается в том, что часто решения судов о признании материалов экстремистскими не отвечают научно обоснованным критериям наличия в них признаков, направленных на возбуждение ненависти и вражды, по которым они были признаны экстремистскими. Это происходит по причине неточности и расплывчатости формулировок в Законе, отсутствия четкой правовой регламентации проведения экспертиз, на основании которых были приняты соответствующие судебные решения и некомпетентности членов экспертных комиссий. Таким образом, Закон, вместо своего назначения профилактики и борьбы с реальными проявлениями ненависти и вражды, сам нередко становится инструментом ксенофобии и разжигания религиозной розни в отношении тех религиозных организаций, материалы которых были признаны экстремистскими необоснованно.

Особое внимание обращает на себя необходимость определения экстремистской деятельности, как возбуждение вражды и ненависти в сочетании с насилием или призывами к насилию, как и было определено в редакции Закона до изменений 2006 года. Возврат к этой исходной формулировке значительно сократит количество административных и судебных ошибок, избавит законопослушные религиозные организации от необоснованных обвинений в экстремизме.

Целесообразно принятие Верховным Судом РФ соответствующего Постановления Пленума или Обзора практики применения законодательства по противодействию экстремизму в отношении религиозных

организаций и религиозной литературы. Кроме того, в целях повышения качества судебного разбирательства дел о признании материалов экстремистскими было бы целесообразно изменить предусмотренную Законом подсудность и возложить их рассмотрение по первой инстанции на верховные суды субъектов РФ.

Законодателю необходимо четко определить те сферы человеческой жизни, в которых выражение своего мнения, учения, взглядов, идеологий, верований не могут быть признаны экстремистскими, даже если они негативно отзываются об иных взглядах, учениях, мнениях, идеологиях или верованиях или претендуют на единственно верный или особый статус, что характерно для любой религии. Именно это указывает и Венецианская комиссия – консультативный орган при Совете Европы по конституционному праву которая обнародовала критические резолюции по российским законам «О ФСБ» и «О противодействии экстремистской деятельности». Комиссия рекомендует закрепить в Законе позицию Верховного Суда РФ о том, что обсуждения и тексты, не преследующие цели подстрекания ненависти на почве каких-либо различий, не являются уголовными преступлениями.

Подобной позиции придерживается и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукин, который считает, что российские власти должны изменить законодательство таким образом, чтобы священные религиозные книги не подвергались обвинениям в экстремизме.

Священные книги мировых религий, а также комментарии к священным писаниям авторитетных духовных учителей зарегистрированных религиозных организаций в принципе не могут и не должны быть предметом исков и судебных разбирательств по обвинению в экстремизме. Следует законодательно закрепить соответствующие нормы, раз и навсегда избавив верующих от унижительных и оскорбительных для их религиозных чувств следственных и судебных разбирательств по поводу священных писаний их религиозных традиций.

Требуется установить единообразие правовых конструкций, терминов и определений в отношении таких понятий, как: экстремистская деятельность, экстремизм, экстремистские материалы, возбуждение ненависти и вражды, как в гражданском законодательстве, так и в уголовном, поскольку ряду понятий в данных отраслях права дается различное толкование.

Необходима коррективка процессуального законодательства, связанного с неопределенностями при рассмотрении дел о признании материалов экстремистскими, в частности: подсудность; вид судопроизводства; преюдиция судебных актов в гражданском и уголовном судопроизводстве; круг лиц, привлекаемых к участию в деле, и др. вопросы.

Принцип составления и ведения списка экстремистских материалов должен быть пересмотрен и упорядочен по определенной классификации. Необходимо определить в Законе или подзаконном акте четкие процедуры внесения и исключения материалов из списка.

Необходима систематическая работа по повышению уровня религиоведческой культуры, в том числе сотрудников правоохранительных органов и судейского сообщества. Назрела необходимость существенного повышения уровня религиоведческой компетентности, в том числе тех кадров МВД, которые занимаются противодействием экстремизму. Необходимо проработать принципы, условия и порядок проведения психолого-лингвистических, религиоведческих, филологических экспертиз, определить соответствующие критерии допуска лиц и организаций к проведению таких экспертиз. Учесть недонустимость проведения экспертиз лицами, не имеющими соответствующей теоретической и практической подготовки, или имеющих прямую или косвенную заинтересованность в том или ином результате экспертизы.

Необходимо обратить внимание СМИ, институтов гражданского общества и органов государственной власти на неблагоприятную деятельность так называемой «Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС)» и ее дочерней организации «Информационно-консультационный центр св. Ирины Леоновской», систематически выступающих с заявлениями, оскорбляющими религиозные чувства последователей религиозных меньшинств, разжигающими межрелигиозную нетерпимость.

Высшим судебным органам, Министерству юстиции РФ, Комитету по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы РФ, Администрации Президента РФ, Правительству РФ, иным органам, имеющим право законодательной инициативы, важно и необходимо рассмотреть и подготовить соответствующие изменения законодательства о противодействии экстремистской деятельности с тем, чтобы исключить имеющиеся сегодня недостатки и сделать его отвечающим современным требованиям.

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ФАЛУНЫГУН В РОССИИ

Настоящая статья не претендует на глубокий анализ проблем антиэкстремистского законодательства. Но на примере конкретного судебного дела мы увидели, как несовершенство закона позволяет использовать антиэкстремистское законодательство в угоду определенным политическим интересам.

1. История судебного процесса

В 2008 году прокурором Краснодарского края было инициировано судебное дело о признании экстремистскими ряда печатных материалов российских последователей Фалуныгун.

Претензии прокурора были обращены к книге мастера цигун Ли Хунчжи «Чжуань Фалунь», являющейся основным источником духовного учения Фалунь Дафа (Фалуныгун), брошюре канадских правозащитников Дэвида Килгура и Дэвида Мэйтаса «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуныгун в Китае», подтверждающей существование системы концентрационных лагерей в современном Китае, информационного листка «Фалунь Дафа в мире» и буклета «Эстафета факела в защиту прав человека», с информацией о международном движении по бойкоту Олимпийских игр в Пекине 2008 года¹, вызванного многочисленными нарушениями прав человека в Китае.

В обоснование своих требований прокурор представил заключения двух специалистов местной лабораторий судебной экспертизы (государственное учреждение, относящееся к ведению Министерства юстиции РФ). При этом специалист-психолог имела стаж экспертной работы 2 года, а специалист-лингвист являлась стажером по специальности «Исследование продуктов речевой деятельности».

¹ Афины, Греция: Факельная эстафета в защиту прав человека освещает путь, ведущий к прекращению преследований // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/view/1933/57/>

На первом этапе прокуратура попыталась провести процесс без лиц, которые действительно были заинтересованы в исходе дела, т.е. без нас. Думаем, что именно с этой целью, в своем заявлении в суд прокурор указал, что литература распространялась якобы неустановленными лицами, хотя в материалах дела имеются документы подтверждающие, что она была получена в связи с проверкой организации «Фалунь Дафа».

Формально же к делу были привлечены издательства и региональное управление Минюста России, которые в силу понятных причин не были заинтересованы в доказывании несостоятельности прокурорских доводов.

При таких обстоятельствах, 26.08.2008 г., Первомайский суд г. Краснодара вынес решение, признав материалы экстремистскими.

Мы узнали о нем только в начале 2009 года, после размещения информации о печатных изданиях в «федеральном списке экстремистских материалов», размещенном на сайте Министерства юстиции РФ.

Надо отдать должное судье, вынесшему первоначальное решение, так как спустя семь месяцев он восстановил пронушенный процессуальный срок на подачу кассационной жалобы, согласившись, что решением были затронуты права и обязанности российских последователей Фалунь Дафа, не привлеченных к участию в деле. С этим согласилась и кассационная инстанция, отменив 28.04.2009 г. решение и направив дело на новое рассмотрение.

При подготовке дела к новому рассмотрению, суд посчитал, и на наш взгляд вполне справедливо, что рассмотрение такого рода дел в порядке особого производства (на чем настаивал прокурор) не соответствует процессуальному закону и оставил заявление прокурора без рассмотрения.

Однако данная позиция не нашла поддержки суда кассационной инстанции, который по заявлению прокурора отменил определение об оставлении заявления без рассмотрения и вновь вернул дело в суд первой инстанции. Причем кассационным судом не было принято во внимание совместное информационное письмо Краснодарского краевого суда и прокуратуры Краснодарского края от 20.11.2007, в котором давались разъяснения, что дела о признании информационных материалов экстремистскими должны рассматриваться по правилам искового производства.

Мы не будем здесь подробно останавливаться на затронутой проблеме, так как она довольно глубоко исследована в научной литературе².

При новом рассмотрении дела встал вопрос о назначении судебной экспертизы. И уже на этой стадии обнаружился, скажем так, признаки неодинакового отношения суда к участвующим в деле лицам.

Так, к проведению судебной экспертизы были привлечены эксперты предложенные прокурором, и отклонены эксперты, предложенные представителями Фалунь Дафа.

Трудно комментировать соображения, по которым была отклонена кандидатура предложенного нами эксперта-религноведа. В частности, для суда оказалось значимым, что согласно информации, представленной прокурором, эксперт может быть заинтересован в поддержке религиозных объединений, не связанных с Русской православной церковью, а авторские публикации эксперта содержат негативную оценку деятельности Совета по проведению государственной религиозно-ведческой экспертизы при Минюсте РФ. Как ни странно, суд нашел убедительными доводы прокурора, что данные обстоятельства могут свидетельствовать о заинтересованности эксперта в проведении экспертизы в пользу Фалунь Дафа.

Тем не менее психолого-лингвистическая религиозно-ведческая экспертиза, начатая в 2009 году и законченная осенью 2011 года, по нашему мнению, не выявила в исследуемых текстах признаков экстремистских материалов.

Полагаем, что это понимал и суд, и представители прокуратуры. Тогда, по ходатайству прокурора, суд привлек к делу в качестве специалистов экспертов Краснодарской лаборатории судебной экспертизы (тех, которые в 2008 году дали отрицательное заключение по материалам).

Привлечение этих специалистов имело своей целью создать видимость соблюдения прав заинтересованных лиц задавать вопросы, т.е. формально легализовать заключения 2008 года, которые кассационная инстанция сочла недонустимыми доказательствами, так как они получены с нарушением установленного порядка и без соблюдения гарантий заинтересованных лиц.

Здесь надо сказать, что наряду с заключениями специалистов, проведенными по инициативе прокурора, нами в суд был представлен ряд

² Султанов А.Р. Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса // Адвокат. 2012. № 1. С. 12–25.

заклученний ученых и спецнальнстов, которые не обнаружнли в нсследуемых текстах признаков экстремнстских материалов. Так, в матерналы дела были представлены фнлологнческое заклученне профессора Кубанского государственного уннверснтета, экспертное заклученне эксперта по культурным ценностям Мнннстерства культуры РФ, заклученне Геральднческого Совета при Президенте РФ, нсследование профессора Санкт-Петербургского государственного уннверснтета и другие.

Когда по ходу процесса мы понянл, куда клоннт прокуратура, вызывая спецнальнстов, готовнвших первоначальное заклученне, то попыталнсь «уравновеснтъ» доказательства, заяннв ходатайство о прнвлеченнн спецнальнстов, которые далн положительнне заклученнн по нашнм матерналам. При этом попроснл прнвлечь спецнальнстов, проживающих в Краснодаре, т.е. по месту проведения суда, чтобы не затыгннвать процесс.

Однако в нашем ходатайстве было отказано. Более того, это ходатайство было расценено судом как злоупотребленне правом н умышленное затыгннванне процесса (к слову сказать, между первым заседаннем, после возобновленнн дела после проведения экспертнзы н вынесеннем решения прошло 9 дней...).

В нтоге суд критнчески отнесся к представленным намн заклученннм по прнчнне того, что онн были «ннннцнрованы заннтересованным лнцом», н не были соблюдены права прокуратуры, а 27 октября 2011 года вынес решение, вновь прнзнав матерналы экстремнстскнмн, основываясь на заклученннх 2008 года, подготовленнх по ннннцатнве прокурора.

Решенне мы обжалованн в кассационном порядке по второй ннстанцн н в порядке кассационного обжалованнн в презнднум регнонального суда. Отказывая в нашнх жалобах, вышестоящне суды лншь повторнлн мотннвировочную часть решения суда первой ннстанцн, не утруждая себя анализом доводов кассационных жалоб.

К сожаленню, нам пока не удалось обратнтъ вннманне вышестоящих судов на очевиднне нарушеннн процесса н прнннтого решения³. Однако в 2012 году на этн нарушеннн обратнл вннманне Европарламент н Уполномоченный по правам человека в Росснн.

³ Комментарий Центра «Сова» на решение о запрете материалов «Фалунь Дафа» // Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2011/11/d23014/>

Так, 10 февраля 2012 года Кэтрин Эштон, Верховный представитель и вице-президент Европейской комиссии, в своем письме в Европарламент указала, что включение литературы Фалуньгун в список экстремистских материалов поднимает вопрос свободы самовыражения в России, вопрос применения антиэкстремистского закона властями и вопрос соблюдения надлежащей законной процедуры и процессуальных гарантий в российских судах⁴.

14 февраля 2012 года Европейский парламент принял в отношении России резолюцию № RC-B7-0052/2012 (подпункт 14 пункта «К»)⁵, в которой выразил глубокое беспокойство неправомерным использованием антиэкстремистского законодательства, включающим запрещение материалов Фалунь Дафа.

20 июня 2012 года Венецианская комиссия, консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы, опубликовала заключение в отношении Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁶.

Комиссия пришла к выводу, что закон нарушает международные стандарты прав человека и отметила, что определения экстремистских действий, содержащиеся в статье 1 Закона слишком широкие, неясные, и могут произвольно интерпретироваться властями.

Согласно заключению комиссии, в России неправомерное применение закона об экстремизме приводит к запрету религиозной литературы.

20 июня 2012 года Уполномоченный по правам человека в России, направил в Верховный Суд РФ ходатайство об отмене решения как вынесенного с грубыми нарушениями материального и процессуального права.

В настоящее время нами подана кассационная жалоба в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, а также направлена жалоба в Европейский суд по правам человека.

Посмотрим, где мы сможем добиться восстановления справедливости. Хотелось бы, чтобы это была все же отечественная судебная система.

⁴ Письмо Кэтрин Эштон, Верховного представителя Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/view/3092/48/>

⁵ European Parliament resolution on the upcoming presidential election in Russia // Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P7-RC-2012-0052&language=EN>

⁶ См.: [http://www.venice.coe.int/docs/2012/CDL-AD\(2012\)016-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2012/CDL-AD(2012)016-e.pdf)

2. Характеристика и оценка влияния печатных материалов

При рассмотрении дела мы обратили внимание и на такую проблему.

Суд категорически отказывался принимать аргументы о положительной оценке деятельности последователей Фалуньгун со стороны общественных организаций и государственных органов разных стран, утверждая, что «ни личность автора, ни деятельность общества предметом данного судебного разбирательства не являются».

Чтобы пояснить вопрос, дадим небольшую характеристику наших печатных материалов.

Книга «Чжуань Фалунь» («Вращение Колеса Закона») китайского мастера цигун Ли Хунчжун, в которой изложены основы учения Фалунь Дафа (Фалуньгун), впервые была издана в Пекине в 1996 году.

Изданию книги предшествовали немалые колоссальный успех нубличные выступления автора с лекциями о древнем учении, согласно которому, человек может выработать в себе высокие нравственные и духовные качества, придерживаясь в своей повседневной жизни принципов этого учения – правдивости, доброты и терпения.

Проведенные в Китае многочисленные исследования подтвердили высокий оздоровительный эффект практики.

За короткий срок Фалуньгун стал самым популярным видом цигун в Китае. На Пекинской выставке здоровья в 1993 году мастер Ли Хунчжун получил звание «Наиболее почитаемый мастер цигун», а представленная им система получила название «Золотой Фалуньгун».

Доктор философских наук С.И. Иваненко характеризует Фалуньгун так: «...духовно-просветительская, светская школа самосовершенствования человека, путь духовного развития, направленный на улучшение самого себя»⁷.

В настоящее время книга «Чжуань Фалунь» издается на 39 языках, включая основные европейские языки⁸. По нашим оценкам, по ней занимаются около 100 млн человек в 114 странах мира.

За особый вклад в дело укрепления здоровья и повышения нравственности общества мастер Ли Хунчжун и система Фалунь Дафа по-

⁷ Заключение доктора философских наук С. И. Иваненко о российском Центре духовного и физического совершенствования «Фалунь Дафа» // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/view/1466/55/>

⁸ Текст «Чжуань Фалунь» на английском языке // Режим доступа: <http://falundafa.org/eng/books.html>; Текст «Чжуань Фалунь» на французском языке // Режим доступа: <http://www.falundafa.org/book/fr/zfl.htm>;

лучили многочисленные награды и благодарности от правительств ведущих европейских стран, США, Канады и Австралии⁹. Мастер Ли Хунчжи дважды (в 2000 и 2001 гг.) выдвигался на соискание Нобелевской премии мира, а в 2001 году являлся номинантом премии имени академика Сахарова «За свободу мысли», вручаемой Европейским парламентом. В 2009 году Азиатско-Тихоокеанский фонд защиты прав человека присудил Ли Хунчжи награду «Выдающийся духовный лидер»¹⁰.

Брошюра «Отчет о проверке утверждений об извлечении органов у последователей Фалуньгун в Китае» (далее – отчет) представляет собой результаты расследования, в котором приводятся достаточно убедительные доказательства существования в Китае концентрационных лагерей, в которых широко используется практика извлечения внутренних органов у практикующих Фалуньгун, с целью продажи и производства трансплантаций.

Отчет подготовили канадцы – Д. Килгур, занимавший в течение 26 лет высокие правительственные посты: прокурора, министра по внешним связям, государственного секретаря по Азиатско-Тихоокеанскому региону, и Д. Мэйтас – адвокат с сорокалетним стажем, специалист международного уровня по правам человека, официальный представитель Канады в ООН, член представительства комиссии Международного суда при ООН.

В 2007 году им было подготовлено и издано обновленное и дополненное исследование под оригинальным названием «BLOODY HARVEST. Revised Report into Allegations of Organ Harvesting of Falun Gong Practitioners in China»¹¹.

Авторы отчета являются обладателями «Премии за правозащитную деятельность 2009» Международного общества защиты прав человека, а в 2010 году были номинированы на Нобелевскую премию мира¹². Д. Мэйтас награжден высшей гражданской наградой своей страны – Орденом Канады.

Приведенные выше сведения свидетельствуют о положительном влиянии, оказанном печатными материалами Фалуньгун на духовное

⁹ Governmental Awards and Recognition of Falun Dafa from China and the World // Режим доступа: http://en.minghui.org/emh/special_column/recognition.html

¹⁰ Master Li Hongzhi, Founder of Falun Gong, Wins Spiritual Leader Award // Режим доступа: http://en.minghui.org/html/articles/2009/9/27/111137.html#_T8dNIMV0Ncs

¹¹ Revised Report into Allegations of Organ Harvesting of Falun Gong Practitioners in China // Режим доступа: <http://organharvestinvestigation.net/>

¹² Килгур и Мэйтас номинированы на Нобелевскую премию // Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/34146/34/>

развитие личности и формирование мирного правозащитного движения, направленного на прекращение политики геноцида в Китае.

Однако суд посчитал, что эти сведения не относятся к предмету судебного разбирательства.

На наш взгляд, это противоречиво свидетельствует о несовершенстве законодательства, по крайней мере, в той части, которая допускает возможность признания материалов экстремистскими без учета оказываемого ими социального влияния.

3. Кто заинтересован в запрете материалов Фалуньгун в России?

Почему ученые о нравственности, признанные во многих странах, в России оказались под запретом? Почему прокурор, получивший материалы, свидетельствующие о массовом уничтожении людей, вместо, казалось бы, нормальной реакции – принятия мер по прекращению этих преступлений, спешит признать их экстремистскими?

Судебное разбирательство по нашим материалам, это не единственный случай оказываемого на российских последователей Фалуньгун давления.

В последние годы мы сталкивались с отказами в регистрации общественных организаций, газеты, несогласованиями проведения публичных мероприятий, необоснованными проверками документов, задержаниями, запретами на въезд (выезд) в РФ, депортациями, распространением исходящей от посольства КНР порочащей Фалуньгун информации¹³.

В большинстве случаев в обоснование своих действий, власти указывают на Договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», статья 8 которого предусматривает не допускать «создания и деятельности на своей территории групп, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой Договаривающейся Стороны»¹⁴.

Но Фалуньгун не относится к указанным в статье группам. Во всех странах, в том числе и в России, мы поднимаем перед властями и обществом вопрос о принятии мер по прекращению репрессивной практикующих Фалуньгун в Китае. При этом используются только законные и

¹³ Китайку депортировали из Нетербурга, но в приземлившемся самолете ее не нашли // Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2007/03/29/034/>

¹⁴ Препекура ЦАО не разрешила московским последователям «Фалуньгун» провести митинг // Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=64210&type=view>

мирные способы привлечения общественного внимания: направление обращений, проведение публичных, информационных и культурно-массовых мероприятий¹⁵.

Тогда кто и почему боится, что в России узнают о совершаемых в Китае преступлениях?

Вот что мы думаем на этот счет.

В июле 1999 года бывший лидер КПК Цзя Цзэминь, восприняв популярность Фалуньгуи в народе как угрозу идеологической монополии и своей политической власти, объявил его «вне закона».

С этого момента в Китае развернулась широкомасштабная кампания преследования. Была запущена пропаганда лжи и неадекватности через средства массовой информации, чтобы с одной стороны настроить общество против Фалуньгуи, а с другой оправдать действия властей. От практикующих требовали отказаться от своей веры, в противном случае их направляли в психиатрические клиники, бросали в тюрьмы и трудовые лагеря, подвергали избиениям и пыткам¹⁶.

Сведения о беспрецедентных по своей жестокости репрессиях нашли отражение в отчетах рабочих групп ООН, международных неправительственных организаций, резолюциях парламентов разных стран¹⁷.

Международное сообщество отреагировало на это созданием «Коалиции по расследованию преследований Фалуньгуи в Китае» – международной исправительственной организации, объединившей в своих рядах более 300 государственных и общественных деятелей, с отделениями в Европе, Америке, Австралии и Азии¹⁸. Коалиция проводит активную работу по прекращению репрессий и привлечению виновных к ответственности.

В настоящее время на Цзя Цзэминя, а также на 23 других партийных функционеров, наиболее активно участвующих в репрессиях, по-

¹⁵ Последователи Фалунь Дафа приняли участие в VIII военно-спортивном форуме «Готов к труду и обороне» в Москве // Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/62940/3/?photos=10#start>

¹⁶ «Международная Амнистия»: Годовой отчет – 2002 (выдержки) // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/view/2938/84/>

¹⁷ Пикция налета Конгресса США приняла резолюцию, осуждающую репрессии Фалуньгун в Китае // Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/35062/2/>; ООН: последователи Фалуньгун гибнут в заключении в Китае // Режим доступа: <http://www.epochtimes.com.ua/ru/articles/view/2/17262.html>

¹⁸ Великобритания: Создано Европейское отделение Коалиции по расследованию преследований в отношении Фалуньгун // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/view/1777/48/>

даю порядка 60 судебных исков в 29 странах мира¹⁹. В Комиссию ООН по правам человека переданы документы объемом 4 тысячи страниц, содержащие сведения об 11 000 представителей властных структур КНР, принимавших непосредственное участие в преступлениях.

21 ноября 2008 года Комитет ООН против пыток сделал заявление № CAT/C/CHN/CO/4²⁰, согласно которому «Китай немедленно должен провести независимое расследование утверждений о том, что некоторые последователи Фалунгуи подвергались пыткам и использовались в качестве источника органов, и принять необходимые меры для того, чтобы ответственные за это были осуждены и наказаны».

В середине ноября 2009 года Национальный испанский суд признал законными обвинения в отношении пяти высокопоставленных партийных деятелей КПК в геноциде и пытках последователей духовной практики Фалунгуи. Среди обвиняемых – бывший генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь и бывший глава службы безопасности КНР Ло Гань.

По аналогичному делу в Аргентине 17 декабря 2009 г. судом был выписан ордер на арест Цзян Цзэминя и Ло Ганя через Интерпол²¹.

Кольцо вокруг этих лиц все больше сжимается. Единственная надежда избежать ответственности – привлечь в этом противостоянии на свою сторону другие страны, политическими или экономическими рычагами добиваясь от них молчания.

Не сомневаемся, что нарушения наших прав, включая занесение в список экстремистской литературы книги «Чжуань Фалунь» и других материалов, являются результатом манипулирования российско-китайскими отношениями со стороны лиц, причастных к развязыванию политики геноцида в отношении Фалунгуи в Китае.

И нам очень жаль, что кто-то в России поддается их влиянию, направляя действия судов, правоохранительных и административных органов.

Конечно, вопрос противостояния добра и зла существовал во все времена и в любом обществе и проявлялся в разных формах.

¹⁹ В 29 странах мира зарегистрированы судебные иски в отношении бывшего китайского лидера Цзян Цзэминя... // Режим доступа: <http://www.faluninfo.ru/content/category/3/98/83/>

²⁰ См.: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cat/docs/CAT.C.CHN.CO.4.pdf>

²¹ Суд Аргентины выдал ордер на арест экс-лидера Китая Цзян Цзэминя // Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=332609>

Мы считаем, что сейчас в Китае происходит апогей этой битвы.

С одной стороны, наша общественная деятельность направлена, чтобы остановить злодеяния, защитить права и свободы своих единомышленников.

Но с другой стороны, мы глубоко убеждены в том, что отношение к репрессиям против общечеловеческих принципов – истины, доброты, терпения – это выбор каждого человека и государства перед лицом Неба.

И с этой точки зрения, мы хотим, чтобы наша страна и российский народ сделали правильный выбор и имели хорошее будущее.

НАУЧНОСТЬ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Admonere volumus, non mordere;
prodesse non laedere;
consulere moribus hominum, non offendere.

Erasmus

Мы намеревались предупредить, но не обидеть,
принести пользу, но не ранить,
улучшить нравы людей, но не оскорбить человека.

Эразм Роттердамский

Теоретическая «подоплека»

Независимая религиоведческая экспертиза должна носить строго научный характер и следовать определенным методическим стандартам. Религиоведение является наукой о религии, возникшей около 150 лет назад в Западной Европе. Оно формировалось вокруг предмета (различные стороны проявления религии в жизни общества и отдельного человека) и объекта (религия как социокультурный феномен) своего изучения, используя при этом методы других наук – социологии, психологии, истории, этиологии, антропологии и др.

В чем же заключается суть «научности»?

Классическая наука, в основе которой лежит механистическая картина мира, в качестве нормы провозглашает объективность, то есть соответствие наших представлений об объекте внешнего мира или о каком-то внешнем явлении самим этим объекту или явлению. Это, в свою очередь, предполагает элиминацию (устраивание) субъекта, то есть отстраненность от его личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей. Возникшая на рубеже XIX–XX вв., как следствие кризиса в физике в результате открытий на уровне микромира, в частности, квантовой механики, неклассическая наука опирается на познавательные способности субъекта. Следствием этого становится «допущение» субъекта в мир объектов, а идеи тождества восприя-

тий и вещей, языка и реальности – являются весьма популярными во многих философских концепциях XX в. Эмансипация субъекта познавательной деятельности вызвала интерес к проблеме субъективности в целом, а взаимодействие индивидов в социальном процессе нашло отражение в актуализации проблемы «Я» и «Другой», в соответствии с решением которой выстраиваются не только модели межличностного взаимодействия, но и координации взаимодействия социальных групп и систем, в том числе и религиозных.

Постклассический этап в развитии современной науки, начавшийся в 1970-х гг., предполагает определенную интеграцию различных научных направлений, междисциплинарность научных исследований. Этому способствовали компьютеризация науки, предполагающая новые подходы к получению и хранению информации, невозможность решить ряд научных задач без комплексного использования знаний различных научных дисциплин, без учета места и роли человека в исследуемых системах. Поэтому постклассическая наука, в определенном смысле, способствует конвергенции естествознания и социально-гуманитарных наук.

Метод «объективного» или «внешнего» описания объектов и/или явлений, в первую очередь, социальных, был, в этой связи, дополнен методом их изучения «изнутри», с точки зрения людей, образовавших социальные, в том числе религиозные структуры, и действующих в них. Здесь приоритетное значение остается за постижением (экспликацией) смысла, когда в качестве основной методологической процедуры используется не столько объяснение (как в естественных науках), сколько понимание. Недостаточным в данном случае является и описание исследуемых процессов, которое имеет большое значение в естествознании. Оно дополняется интерпретацией текста в широком значении этого понятия. Еще греки говорили о важности интерпретации, исходя из того, что все мы видим одно и то же, но воспринимаем по-разному. Текст – это любая знаково-символическая система, созданная человеком, это памятки, отделенные от исследователя временем, историческими, культурными, языковыми традициями. Отсюда существуют «барьеры», препятствующие проникновению в смысл текста. Цель герменевтики (науки об истолковании текстов) – устранение этих барьеров, а потому необходимо уметь и переводить, и интерпретировать, и комментировать, и владеть искусством диалога (текст – «застывшая

речь», а потому методом его истолкования может быть диалог между интерпретатором и текстом), и др. Застывшая речь имеет две стороны – *объективную*, предметом которой является грамматическая интерпретация, где выясняется отношение к языку, как к объективно существующему феномену, и *субъективную*, психологическую, когда отношение к речи рассматривается, как к некоторой производной ее инициатора. Понимание в данном случае обеспечивается взаимодополнением этих двух моментов. Грамматическая и психологическая интерпретации взаимодополняют друг друга, что не мешает доминированию любой из них, в зависимости от того, что является предметом исследования: художественный текст, священные книги или научный трактат. Таким образом, традиционные представления о рациональности, о противоположности субъекта и объекта познания, об объективности познания и проблемах относительности истинности знания и т.д. претерпевают существенные изменения.

Религиоведение как отдельная отрасль научного знания возникает в парадигме классической науки, объективность и беспристрастность для которой являются важнейшими критериями научности. Ибо наука изучает только то, что существует само по себе и независимо от субъекта. Ее не интересует, почему это есть, что могло бы быть, что должно быть и насколько это хорошо или плохо. То есть, строго говоря, при научном подходе сослагательных и аксиологических суждений необходимо избегать.

В целом, наука базируется на доказательстве, поэтому для нее имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. На сегодняшний день научным сообществом признается ряд критериев научности, среди которых можно выделить следующие основополагающие принципы:

1. *Принцип верификации* (от лат. *verus* – «истинный» и *facere* – «делать»), в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить. Этот принцип был предложен Бертрамом Расселом.

2. *Принцип фальсификации* (от лат. *false* – «ложь» и *facere* – «делать»), в силу которого только то знание является научным, которое изменить: опровергнуть или дополнить. Этот принцип предложен Карлом Поппером.

3. *Принцип объективности* – постулирования того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта, то есть тех явлений или про-

цессы, которые не зависят от воли или желания познающего субъекта (отдельного ученого или научного сообщества).

4. *Принцип рациональности* (от лат. *ratio* – «разум»). **Рациональность** – относящееся к разуму, обоснованность разумом, доступное разумному пониманию, в противоположность иррациональности как чему-то иррациональному, недоступному разумному пониманию. В методологии научного познания рациональность понимается двояко. Чаще всего она истолковывается как соответствие законам разума – законам логики, методологическим нормам и правилам. Иногда под рациональностью понимают целесообразность, некое целеполагание, предполагающее определенные логически выверенные шаги по достижению, поставленной цели. Рационально то, что способствует достижению цели, а то, что этому препятствует, – иррационально. Рождение феномена рациональности связывается с коренным реформированием европейской философии в Новое время, выразившимся в ее сциентизации и методологизации. Основоположником этой реформы принято считать Р. Декарта, призывавшего разум человека освободиться и от «оков мистики и откровения», и от рассудочной ограниченности схоластики.

5. *Принцип методичности* – последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели.

6. *Принцип истинности*, под которым подразумевают соответствие знания (шире – информации) познаваемому предмету (шире – объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак предметности знания, а именно: всякое знание должно быть знанием предметным, то есть характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.

7. *Принцип системности*: только та информация является научной, которая должным образом структурирована. Структуризация позволит легко определять ее роль и место в общей системе знаний, т.е., обеспечивает возможность поиска нужной информации.

8. *Принцип изменяемости частей*: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, т.е., опровергнуть или дополнить.

9. *Принцип интерсубъективности* выражает свойство общезначимости, общезначимости, всеобщности знания (шире – информа-

ции) в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуальностью.

10. *Принцип аксиологической нейтральности*, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте.

Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов

В ряду различных типов экспертиз – лингвистической, психологической, искусствоведческой и др. важное место занимает религиоведческая экспертиза. Религиоведение является академической наукой. Ключевым принципом научной религиоведческой экспертизы является объективность, реальное достижение которой возможно лишь на позиции интерсубъективности и аксиологической нейтральности. Как отмечал западный исследователь религии М. Томпсон, «между наукой и религией есть знаменательное различие, которое заключается в том, что наука старается игнорировать личную реакцию ученого на изучаемый объект, тогда как неотъемлемой чертой религии является именно личная реакция»¹.

Рассматривая общенаучные принципы применительно к религиоведческой экспертизе, необходимо обратить внимание на следующий факт: только в случае применения общенаучных принципов при подготовке экспертных заключений, можно говорить о действительно религиоведческой экспертизе. Поскольку религиоведение – наука, отвечающая всем критериям научности, постольку религиоведческая экспертиза не может быть ни вненаучной, ни, тем более, антинаучной. При ее осуществлении эксперт обязан руководствоваться принципами верифицируемости, фальсифицируемости, объективности, рациональности, методичности, истинности, системности, изменяемости частей, интерсубъективности и аксиологической нейтральности.

Рассмотрим «работу» этих принципов на конкретном примере. Например, необходимо сделать экспертное заключение на тему, является ли некая община, провозглашающая себя религией, религиозной организацией. Помимо анализа ее правоустанавливающих документов, мы, применяя принципы научности, осуществляем религиоведческую экспертизу в соответствии с принятым в современном религиоведении пониманием: а) структуры религии; б) типологии религиозных организаций; в) классификации религий.

¹ Томпсон М. *Философия религии*. М., 2001. С.325.

С позиций современного религиоведения, всем развитым религиям свойственна единая в принципе структура. Она включает в себя четыре основных элемента:

- Религиозное сознание;
- Религиозная деятельность;
- Религиозные отношения;
- Религиозные организации.

Остановимся на этих элементах подробнее, поскольку именно эта структура, принятая в религиоведении, должна лежать в основе религиозведческой экспертизы, независимо от конкретной задачи, поставленной в том или ином случае перед экспертом.

Религиозное сознание, главной чертой которого является вера в реальное существование сверхъестественного, имеет два уровня бытийный (религиозное сознание верующих людей) и концептуальный (теологические и религиозно-философские изыскания).

Религиозные отношения – это отношения между верующими людьми, складывающиеся как в процессе отправления культа – богослужений, религиозных праздников, обрядов и др. (культовые отношения), так и в других сферах деятельности – миссионерской, хозяйственно-экономической, издательской, просветительской и др. (внекультовые отношения). Помимо этого в рамках религиозных отношений можно выделить два пласта: объективный – отношения между членами религиозной общины, и субъективный – отношение верующего человека к сверхъестественной силе.

Религиозная деятельность также бывает культовой и внекультовой. К культовой деятельности относится участие в различных сторонах отправления религиозного культа (религиозные праздники, ритуалы, церемонии, обряды, таинства). К внекультовой деятельности относится активность верующих и религиозной общины в целом в таких сферах как миссионерство, милосердно-благотворительная, издательская, преподавательская и др. виды религиозной деятельности.

Религиозные организации включают три основных типа (хотя некоторыми исследователями их выделяется вплоть до пятинадцати видов и подвидов): церковь, деноминацию и секту. Исследователями выделяются определенные признаки, которые свойственны тому или иному типу религиозной организации. Так, например, церковь – это тип религиозной организации, объединяющий последователей на основе

общности вероучения и культа. Она обладает сложной, строго централизованной и иерархизованной системой разделения на священнослужителей, которые проходят специальное обучение, и мирян. Их взаимодействия осуществляют функции выработки, сохранения и передачи религиозной информации; организации и координации религиозной деятельности; контроля за поведением людей. Принадлежность к церкви определяется, как правило, не свободным выбором человека, а традицией (семейной или государственной). Ее последователи в основном анонимны, т.е. отсутствует постоянное и строго контролируемое членство. Обычно церковь сотрудничает с государством или, по крайней мере, не противостоит ему.

Секта возникает в результате отделения от церкви части верующих, провозглашающих оппозицию традиции и господствующей церкви, а нередко и общественному порядку, государству. В современной социологии религии существуют следующие характеристики секты:

- неприемлемость учения господствующей Церкви;
- претензия на исключительность своей роли в религиозном мире, своей доктрины и идейных принципов. С этим связаны мессианские настроения иудаизма и тенденция к изоляционизму;
- своеобразная трактовка или интерпретация священных книг и религиозных догматов;
- харизматический характер лидерства организации;
- готовность к отречению и разрыву с семьей, обществом и установленным бытом и связанная с этим установка на жертвенность и страдание;
- религиозная мечтательность и идеализация будущего;
- активная миссионерская деятельность и прозелитизм новых adeптов своего учения;
- сравнительно небольшое количество последователей и постоянно контролируемое членство;
- отсутствие деления на священнослужителей и мирян, а в ряде случаев всеобщее священство; провозглашение равенства всех членов организации;
- фанатизм в отстаивании своей веры, нетерпимость и резкое неприятие других учений и т.п.

Одной из разновидностей секты можно считать харизматический культ, имеющий те же основные черты, что и секта. Его специфика связана с

тем, что ключевую роль здесь играет некая конкретная личность, признаваемая харизматичной (наделенной божественной благодатью) и зачастую воспринимаемая либо в качестве приближенного к божеству, либо даже самим божеством. Харизматический культ обычно малочислен, и часто после смерти харизматического лидера прекращает свое существование. В нем наиболее отчетливо прослеживаются представления об исключительности, изоляционизме и мистицизме его последователей.

Деноминация – это промежуточный тип религиозной организации, соединяющей в себе черты церкви и секты. От церкви она заимствует относительно высокую систему централизации и иерархический принцип управления, отказ от политики изоляционизма. Проповедь избрности членов сочетается с возможностью спасения и духовного возрождения для всех. С сектой ее сближает принцип добровольности, постоянства и строгой контролируемости членства, претензия на исключительность установок и ценностей, идея богоизбранности. От секты деноминацию отличает активное участие в светской жизни, эффективная экономическая деятельность, стремление перерасти в церковь или, по крайней мере, ею назваться.

Важно отметить, что данная типология, предложенная более ста лет назад протестантскими теологами Э. Трёльчем и Р. Нибуром, эффективна исключительно в сфере академического религиоведения с присущей ему аксиологической нейтральностью, то есть при полном отсутствии негативных коннотаций в адрес того или иного типа религиозных организаций, существующих на протяжении всей истории существования развитых религий. Когда же речь о типе той или иной религиозной организации переходит в чисто юридическую плоскость, в сферу правоприменения, то данная типология перестает работать, ибо содержащееся в ней разделение на определенные типы никак не обозначено в сфере права. В соответствии с Законом № 15-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997), в юриспруденции существует иное деление религиозных организаций на централизованные и местные (ст. 8), на религиозные объединения и религиозные группы (ст. 7).

Рассматривая классификацию религий, мы также выделяем ряд признаков тех или иных классов религий и строго в соответствии с их наличием, независимо от личных симпатий и антипатий, относим ту или иную религию к ранним религиозным верованиям, к этно-локаль-

ным (иародиостио-иациоиальным), мировым религиям или к иновым религиозным движениям. Так известно, иапример, что этио-локальным религиям свойственны политеизм, сложная обрядность с присущими ей жертвоприношениями, иаличие профессионального жречества и т.д. В отличие от этого класса религий, мировым религиям свойственны уиниверсализм, эгалитаризм, отмена сложных обрядов и жертвоприношений и т.д.

Аиалогичным образом при типологии религиозных организаций, используя знания в сфере социологии религии, мы, аиализируя те или ииные черты религиозной организации, отиосим ее к церкви, деиоминации или секте. Как и в случае религиоведческой экспертизы, мы применяем здесь иаучные принципы:

Верифицируемость – проверяем религиозную организацию на иаличие в ней всех элементов религиозного комплекса – религиозного сознания, религиозных отиошений, религиозной деятельности и религиозной организации как таковой.

Фальсифицируемость – мы подразумеваем, что полученное нами знание, может видоизменяться и дополняться с учетом развития данной религиозной организации.

Объективность – иаши представления о коикретной религиозной организации совпадают с ее осиювными свойствами и характеристиками. Мы иичего не придумываем, не приписываем ей и не умалчиваем ии о каких ее свойствах.

Рациональность – перед нами стоит определенная задача, которую мы решаем путем процедур, в основе которых лежат принципы формальной логики.

Методичность – мы логично и последовательно достигаем поставленной перед экспертизой исследования цели.

Истинность – в экспертизном заключении мы представляем иаши знания о данной религиозной организации соответствующими состояию ии функциям этой религиозной организации.

Системность – в экспертизном заключении ииформация должна быть четко структурирована, что позволит сразу же определить то или ииное свойство ии характеристику религиозной организации.

Изменяемость частей предполагает возможности дополнения ииформации, содержащейся в экспертизном заключении или замены каких-то его отдельных частей при сохранении целого, то есть общих выводов.

Интерсубъективность экспертного заключения указывает на то, что содержащаяся в нем информация о религиозной организации является общезначимой и свободной от личного мнения

Аксиологическая нейтральность, тесно связанная с интерсубъективностью, предполагает устранение субъективных пристрастий эксперта, а также констатацию и анализ конкретных фактов, свойств, отношений, характеристик религиозной организации. То есть предполагает некую элиминацию (устранение) субъекта (эксперта).

Ученый-религиовед будет следовать данным принципам при составлении экспертного заключения имплицитно, даже если они им не прорефлексированы специально. То же относится ко всем аспектам религиозведческой экспертизы, о которых говорится в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозведческой экспертизе». Так, в данном документе указывается, что «объектами экспертизы являются:

- а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов;
- б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики;
- в) формы и методы деятельности религиозной организации;
- г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии;
- д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру;
- е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией»².

Довольно странным в названном документе выглядит, например, разделение пунктов «в» и «г», ибо и то и другое, с позиций религиоведения, относится к формам деятельности религиозной организации – культовой и некультовой. В пункте «б» идет смешение вероучительных текстов с культовой практикой, что, напротив, пуждается в разъединении и вынесении в отдельные пункты – основы вероучения необходимо объединить с пунктом «е» – религиозная литература, где, собственно, они излагаются, а практику присоединить к пункту «г». Также, как можно объединить, в принципе, пункты «д» и «а», как «мирские» документы

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.minjust.ru/>

организации. Только в таком случае, с позиций научного религиоведения, объекты исследования будут четко структурированы, то есть будут использованы принципы системности и рациональности.

Далее в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» читаем:

«4. Задачами экспертизы являются:

а) определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики».

Думается, что определение религиозного характера организации должно проводиться по другому основанию – насколько данная религиозная организация соответствует структуре религиозного комплекса и обладает всеми его элементами.

«б) проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения».

Тут совсем непонятно, каким образом религиовед должен проверять «достоверность» сведений об основах вероучения религиозной организации, содержащихся в документах. То есть эксперт должен усомниться в том, что данная религиозная организация достоверно излагает основы своего вероучения, опираясь на сакральные тексты? Тогда как, на самом деле, она может иметь совсем иное вероучение, которое тщательно скрывает, не помещает ни в какие письменные источники и тайно передается «из уст в уста»?... Таким образом, и вторая задача сформулирована некорректно.

«в) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности».

Для исполнения этой задачи, видимо, необходимо «включение и наблюдение», которым пользовались антропологи и этнологи второй половины XIX в., приезжая к дикарям Океании и Полинезии и десятилетиями изучая их магические приемы. В условиях современной цивилизации такое не только вряд ли возможно, но откровенно неуместно.

«При проведении экспертизы могут быть разъяснены иные возникающие при осуществлении государственной регистрации и контроля

за деятельностью религиозных организаций вопросы, требующие экспертной оценки»³.

Последняя фраза слишком неконкретна и может быть истолкована по-разному, вплоть до диаметрально противоположных и взаимоисключающих мнений, что, видимо, может быть удобно для свободного манипулирования таким основанием в тех или иных целях.

Таким образом, и объекты, и задачи, сформулированные в приведенном документе Министерства юстиции РФ, не выдерживают критики с позиций научного религиоведения. Субъектом религиоведческой экспертизы, согласно тому же документу, является Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, председатель и подавляющее большинство членов которого не являются религиоведами. Это своего рода «попутчики священного», которые, судя по всему, исходят из того, что раз они соприкоснулись в какой-то жизненной ситуации с религией, значит, уже прекрасно знают, что это такое и могут давать экспертные заключения, от которых зачастую зависит судьба не только религиозной организации как административной единицы, но и десятков и сотен тысяч верующих граждан.

Экспертный совет по религиоведческой экспертизе должен:

1. Быть независимым, а не государственным. Только в этом случае он может быть действительно неагитирован и объективен

2. Состоять из религиоведов и юристов, специализирующихся в области государственно-религиозных отношений, стоящих на позициях объективности, толерантности, гармоничного единства в соблюдении общечеловеческих нравственных норм, тактичного отношения к верующим различных религиозных направлений, их ценностям, а также букве и духу закона. Только в таком случае экспертные заключения, рассматриваемые и утверждаемые таким составом Совета, будут иметь вес в религиозном, юридическом и научно-религиоведческом сообществах. А, следовательно, и в просвещенном обществе в целом, где мнения экспертов будут вызывать уважение и восприниматься основанием для формирования беспристрастного отношения к объектам экспертных исследований.

³ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.minjust.ru/>

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Международной научно-практической конференции «НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

(Москва, Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 года)

Центром религиоведческих исследований «РелигноПолис» и кафедрой социологии и управления социальными процессами Академии трубад и социальных отношений (АТнСО, г. Москва) была организована представительная Международная научно-практическая конференция, в которой приняли участие религиоведы, представители религиозных и общественных объединений.

Участники конференции обсудили наиболее актуальные проблемы современного состояния отношений государства с религиозными объединениями и реализации конституционных принципов свободы совести в современной России: влияние антикультизма на состояние свободы совести; воздействие антиэкстремистского законодательства на деятельность религиозных организаций; состояние религиоведческой экспертизы.

Как отметили участники конференции, антикультизм (формирование отрицательного отношения к ряду религий, в т.ч. новым религиозным движениям) оказывает значительное негативное воздействие на вероисповедную политику российского государства, в том числе на осуществление государственной религиоведческой экспертизы.

Рост влияния антикультизма на государство, в том числе правоохранительные органы, отвечающие за противодействие экстремизму, превратился в один из новых вызовов свободе совести и формированию правовых отношений в России.

Участники конференции поддерживают предложения научного сообщества о необходимости создания Независимого экспертного совета по религиоведческой экспертизе.

Оргкомитету рекомендуется:

Проработать вопрос о функциях, основных направлениях работы и

персональном составе Независимого экспертного совета по религиозно-ведческой экспертизе.

Установить рабочее взаимодействие формирующегося экспертного совета по религиозно-ведческой экспертизе с научными и общественными организациями, деятельность которых направлена на укрепление принципов свободы совести в соответствии с положениями Конституции РФ.

Развивать контакты с религиоведами СНГ и стран ближнего и дальнего зарубежья в проведении совместных мероприятий, консультирования и обмена информационными материалами.

ЗАЯВЛЕНИЕ

участников Международной научно-практической конференции «НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Участники конференции считают необходимым заявить следующее:

1. Мы считаем религиозоведение важной отраслью научного знания, необходимой для конструктивного развития взаимоотношений государства с религиозными объединениями, укрепления принципов свободы совести, предотвращения межрелигиозных конфликтов.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не дает конкретного определения понятию «экстремизм», предоставляя широкие возможности для его произвольных толкований. В большинстве развитых государств под запрещенным законом экстремизмом понимается возбуждение вражды и ненависти в сочетании с насилием либо призывами к насилию.

По мнению участников конференции, в первоначальной, ныне уже не действующей редакции Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» содержалось более точное определение экстремизма: к экстремистской деятельности относилось «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию».

По оценке квалифицированных юристов, которую мы разделяем, возврат к формулировке, увязывающей экстремистскую деятельность с насилием или призывами к насилию, избавит законопослушные религиозные организации от необоснованных обвинений в экстремизме.

3. Участники конференции поддерживают усилия государства, направленные на реальное противодействие рискам, которые связаны с экстремизмом. Вместе с тем мы выражаем серьезную обеспокоенность по поводу практикуемых попыток ограничить под предлогом борьбы с экстремизмом законные права как верующих, так и религиозных организаций, что влечет ущемление законных прав всех людей на свободу совести и вероисповедания.

При этом для подготовки экспертных заключений, затрагивающих священные писания авторитетных религий, вероучение и деятельность

религиозных организаций зачастую привлекаются люди, не имеющие необходимой профессиональной квалификации, в связи с чем считаем необходимым установление четких требований к квалификации экспертов-религиоведов, особенно по делам, связанным с признанием литературы религиозного содержания экстремистской.

Экспертам-религиоведам могут признаваться только специалисты, имеющие ученые степени по специальности «религиоведение».

4. Выражаем твердое убеждение, что вероучительные тексты иная религиозная литература являются важнейшей составной частью их внутренних установлений, по сути дела, их фундаментом. На них в полной мере должна распространяться норма Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которой государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству Российской Федерации (статья 15 часть 2).

Участники конференции считают справедливым и отвечающим духу Закона принцип, в соответствии с которым священные книги мировых религий, а также комментарии к вероучительным текстам иная религиозная литература зарегистрированных религиозных организаций в принципе не могут и не должны быть предметом исков и судебных разбирательств по обвинению в экстремизме. Следует законодательно закрепить соответствующие нормы, раз и навсегда избавив верующих от унижительных и оскорбительных для их религиозных чувств следственных и судебных разбирательств по поводу священных писаний и религиозной литературы их религиозных традиций.

Москва, Центральный Дом журналиста, 26 июня 2012 года

АННОТАЦИИ / ABSTRACTS

В статье А.Е. Себенцова «Государственно-церковные отношения в современной России и антикультулизм» рассматривается модель государственно-церковных отношений, сложившаяся в современной России. Автор акцентирует внимание на недостатках вероисповедной политики государства, клерикализации различных сторон общества в государстве, отделенном, согласно Конституции, от религии и показывает, что антикультулизм является составной частью непродуманности данной политики, на практике оказывающей давление на религиозные меньшинства, что не может способствовать укреплению государственной власти в стране и уважению к ней со стороны граждан.

The article «State-Church Relations in Modern Russia and Anticultism» by A.E. Sebentsov describes the model of state-church relations established in modern Russia. The author emphasizes disadvantages of the state faith policy, clericalization of the society in the state which is separated from religion per the Constitution and shows that anticultism is a part of this poorly thought-out policy. In practice it suppresses religious minorities and it undermines the state power in the country and affects citizens' respect to it.

В статье М.А. Жеребятьева «Доктрина и практика антикультулизма в свете задач формирования российской гражданской нации» рассматривается соотношение индивидуальных и групповых прав (свободы совести и равноправного развития этнических групп) в свете постсоветской российской ситуации, когда этническая и религиозная идентичности опередили становление общегосударственной (общенациональной). Интеграция и натурализация мигрантов (в первую очередь мусульман) на территориях, где этнические русские составляют большинство, — указывает автор, — одновременно и желаемы властями, и воспринимаются ими в качестве угрозы существующим элитам, как и всем проживающим в этих местах. Однако в намечавшемся в России интеграционном подходе, адресной группой которого оказываются в первую очередь, мусульмане, без внимания остаются последователи так называемых «нетрадиционных религий». В них видят скрытую, а зачастую и явную угрозу, причем, различий в оценке феномена религиозной «нетрадиционности» между властью и выразителями настроений оппозиции практически не существует. Отечественный антикультулизм

формирует представление о единственно правильной конфессиональной картине, сводящейся к набору так называемых «традиционных религий» России, что создает дополнительное напряжение в обществе. Перед внеконфессиональными экспертами-религиоведами и гражданскими организациями России сегодня стоит задача совместить оба измерения: «параллельное» и «перпендикулярное», – этничность с принципом свободы совести в рамках выработки подходов к проблеме формирования единой российской гражданской нации с включением в этот процесс представителей общества. Если речь идет об адаптации мигрантов, в таком случае недопустимо не выйти на механизм социализации для меньшинственных религиозных групп, созданных российскими гражданами, которые кто-то во власти находит лишь потенциально (!) общественно-опасными.

In this paper M.A.I Zherebiatiev «The doctrine and practice antikultizma in light of the formation of the Russian civil nation» considered the relationship of individual and group rights (freedom of conscience and equal development of ethnic groups) in the light of post-Soviet Russian situation where ethnic and religious identity ahead of the formation of civic (nationwide). The integration and naturalization of immigrants (especially Muslims) in areas where the majority ethnic Russian, - the author says, - while the authorities and desirable, and are perceived as a threat to the existing elites, like all living in these places. However, in the beginnings of an integration approach to Russia, whose target group are, first of all, Muslims are followers ignored the so-called «non-traditional religions». They see the hidden and often a clear threat, moreover, differences in the assessment of the phenomenon of religious «nontraditional» between the government and opposition spokesmen sentiment hardly exists. Domestic antikultizm form an idea of the only correct religious painting, which reduces to a set of so-called. «Traditional religions» of Russia, which creates additional tension in the society. Before unaffiliated experts in religious and civic organizations in Russia today is the task of combining the two dimensions: a «parallel» and «perpendicular» - ethnicity with the principle of freedom of conscience within the framework of developing approaches to the problem of the formation of a unified Russian civil nation c inclusion in the process of society. When it comes to the adaptation of migrants, in this case is unacceptable not to enter the mechanism of socialization for minority

religious groups that were created by Russian citizens, that someone in power is only a potential (!) socially dangerous.

В статье **В.М. Хруля «Маргинализация религиозных меньшинств в российских СМИ»** исследуется освещение деятельности религиозных меньшинств российскими СМИ (главным образом – информационными агентствами) с точки зрения семантической и функциональной адекватности. В результате содержательного анализа текстов автор приходит к выводу о том, что СМИ являются существенным фактором маргинализации религиозных меньшинств (в частности – католиков и протестантов) в сознании своей аудитории и, как следствие, в публичной сфере и социальной практике.

The paper by **V.M. Khroul «Marginalization of religious minorities in Russian media»** examines the coverage of religious minorities in Russian media in semantic and functional perspectives. Author suggests that the media are a significant factor in the marginalization of religious minorities (in particular - Catholics and Protestants) in the audience consciousness and, consequently, in the public sphere and social practice.

Автор статьи **«Положение юрисдикций альтернативного православия в церковном и светском государствах» А.И. Лещинский** формулирует теоретико-методологические и конфликтологические основы исследования. В публикации определяется понятийный аппарат, в который входит ключевая дефиниция «альтернативное православие». В него автор включает церковные структуры, отколовшиеся от той или иной поместной церкви Вселенского православия (согласно богословской терминологии – расколы), и юрисдикции, возникшие в православной традиции самостоятельно и называемые свободными. В понятие альтернативное православие включаются и религиозные меньшинства. В статье обозначается проблема – отношение к объединениям альтернативного православия со стороны поместных церквей и государств. Дается сравнительная характеристика этих отношений в церковном и светском государстве на материалах из истории России и ее современного состояния. Автор приходит к выводу, что объединения альтернативного православия испытывают притеснения и дискриминацию со стороны гражданских властей и в современном светском государстве. Положение объединений альтернативного православия является одним из индикаторов неблагополучия в состоянии свободы совести в современной России.

An author of the article **«The status of jurisdictions of an Alternative Orthodoxy in cleric and secular states»** Leshchinsky A.N. couches theoretic-methodological and conflictological bases of the research. In his publication he determines the conceptual device that comprises the key definition «an Alternative Orthodoxy». This definition includes the church structures that seceded from one or that church of the Oecumenical Orthodoxy (named «plits» in theology) and jurisdictions that singly appeared in Orthodox tradition and called «not connected». Also the term «an Alternative Orthodoxy» includes religious minorities. The attitude of Local churches and states to consolidations of Alternative Orthodoxy is the main problem that denotes in the article. The author compares those attitudes in cleric and secular states based on data about Russian history and its contemporary status. The author concludes that civil authority oppresses and discriminates consolidations of Alternative Orthodoxy in the modern secular state too. The status of consolidations of Alternative Orthodoxy is one of indicators of disadvantage in condition of freedom of worship nowadays in Russia.

В статье **С.В. Иванеева «Актуальные проблемы реализации свободы совести в Вооруженных Силах Российской Федерации»** раскрывается нелепость ситуации, при которой антиконституционная клерикализация Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется в условиях дефицита обеспечения воинских частей специалистами в области права. На основании общезвестных для военнослужащих фактов, автор указывает на истоки бюрократической тенденции, которая деструктивно отражается на состоянии личного состава армии и флота России.

In the article **S.V. Ivaneev «Actual problems of freedom of conscience in the Armed Forces of the Russian Federation»** reveals the absurdity of the situation in which unconstitutional clericalization Armed Forces of the Russian Federation is the shortage of support units by specialists in the field of law. Based on the well-known for the military facts, the author points to the origins of the bureaucratic tendencies that destructive effect on the state of the army and navy of Russia.

В статье **Б. Иерссона «История и идейные истоки антикультового движения»** поднимаются вопросы истории возникновения и идейных основ антикультового движения в Европе. Выделяя в религии две стороны жизнеутверждающую и жизнеразрушающую, автор убе-

дительно показывает, что антикультизм апеллирует именно к жизнеурушающей стороне, поэтому у него нет будущего.

The article **«History and Ideological Backgrounds of Anti-Cult Movement»** by Bertil Persson discusses the origin and ideological basics of anti-cult movement in Europe. By recognizing two sides of a religion – the life-asserting and the life-destructing ones – the author convincingly shows that anticultism appeals to the life-destructing side and thus it doesn't have a future.

Статья А.К. Иогансена **«Антикультизм: генетическая патология или духовная нищета?»** представляет собой попытку объяснить феномен антикультизма с точки зрения биологии и богословия. Антикультизм есть порождение ксенофобии, которая, в свою очередь, по мнению ряда ученых, имеет биологическую детерминированность. С точки зрения биосоциологии, ксенофобия на религиозной почве является общественной проекцией инстинкта самосохранения определенной религиозно-культурной общности.

The article of A.C. Pogasyi **«The anti-religious movement: genetic pathology or spiritual poverty?»** is an attempt to explain the phenomenon of the anti-religious movement from biological and theological point of view. Antikultism is the creation of xenophobia, which, in turn, in the opinion of some scholars, have biological determinism. From the point of view biosociologii, xenophobia, religious instinct of self-preservation is the public projection of a religious-cultural community.

Автор статьи **«Антикультульное и контркультульное движения с религиозноведческой точки зрения»** С.И. Иваненко анализирует причины появления антикультизма и контркультизма, влияние антикультизма на взаимоотношение государства и религиозных объединений. Автор приходит к выводу, что религиозноведческое изучение соотношения антикультизма и контркультизма в теологии и миссионерской деятельности российских религиозных объединений, в том числе Русской православной церкви, представляет значительный теоретический интерес и практическую значимость.

In his article **«Anti-Cult and Counter-Cult Movements from the Religious Scholarship Viewpoint»** S.I. Ivanenko analyses the causes of anticultism and countercultism, the influence of anticultism on relations between the State and religious organizations. The author concludes that scientific study of correlation between anticultism and countercultism

in theology and missionary activities of Russian religious organizations including Russian Orthodox Church is of significant theoretical interest and practical value.

Основной предмет статьи **М.Ю. Смирнова «"Антикультизм" – понятие и практика»** составляют отличительные черты так называемого антикультового движения в современной России. Автор выделяет в качестве типологических форм этого движения конфессионально ориентированные организации и некоторые институты государственной службы. Рассматривается также влияние мифотворческих установок общественного сознания на практику «антикультизма».

The main subjects of the article by **Smirnov M.Yu. «"Anti-cultism" – the concept and practice»** consist of distinctive features of the so-called anti-cult movement in modern Russia. The author offers to distinguish their typological forms, such as church-inspired organizations and some government officials, and analyses each of them. He considers some aspects of the influence of the mythological consciousness to the «anti-cultism».

В статье **В.Е. Еленского «Религиозная свобода в посткоммунистическом обществе: случай Украины»** анализируются факторы, обусловившие достижение постсоветской Украиной сравнительно приличных стандартов в сфере религиозной свободы. К этим факторам автор относит религиозное разнообразие; конкуренцию различных центров религиозной силы, не позволяющую ни одному из них доминировать и подавлять свободы религиозных меньшинств; особенности украинской идентичности, не имеющей жестких конфессиональных коннотаций; исторически достаточно высокий уровень религиозной толерантности. Рассматривая политику государства в сфере свободы совести, автор указывает на предпринимаемые в течение 2010–2012 гг. попытки властей пересмотреть сложившуюся систему государственно-церковных отношений и сузить права и свободы граждан и созданных ими объединений, которые (попытки), тем не менее, встречают общественное сопротивление.

In the article by **V.E. Elensky «Religious Freedom in Post-Communist Society: the Case of Ukraine»**, author argues that Ukraine has relatively decent standards in the sphere of religious freedom and one of the most liberal Church-State legislation all over the post-Soviet space due to three principal reasons, namely, religious diversity (but still not a religious pluralism though); lack of strict denominational identity and absence of

the indissoluble linkage between nation and religion; historically high level of tolerance toward other believers. Discussing Ukrainian government's politics in the sphere of religion author points out that current Presidential administration is trying to re-consider established Church-State system and to restrict fundamental civil rights and freedoms in Ukraine. However, these attempts run across persistent societal resistance.

В статье **А.И. Артемьева «Новый закон о религиях в Казахстане: “за” и “против”»** дается краткий религиоведческий анализ нового Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11.10.2011 г., откровенно направленного против протестантских, неопротестантских и новых религиозных формирований. Также в статье рассматривается религиозная ситуация в Казахстане в связи с принятием этого закона.

In the article **«The new law on religion in Kazakhstan, “for” and “against”» A.I. Artemyev** gives brief specialized analysis of new Law of the Republic of Kazakhstan “On religious activity and religious associations” from 11.10.2011, openly directed against the protestant, neo-protestant and new religious groups. Also religious situation in Kazakhstan that occurred in the result of this law adoption is considered.

В статье **И.Я. Кантерова «Список экстремистских материалов Минюста РФ: замысли и результаты»** детально анализируется список экстремистской литературы, рассматриваются конкретные судебные процессы, результатом которых стало отнесение вероучительных документов или священных текстов того или иного религиозного направления к экстремистским и, следовательно, запрет на их хранение и распространение, указывается на порочность подобной практики, осуществляемой Министерством юстиции РФ в современной России.

The article **«The Russian Ministry of Justice List of Extremist Literature: Purposes and Results»** by I.Ya. Kanterov analyses in detail the list of extremist literature, examines specific court cases which resulted in declaring dogmatic documents or sacred texts of some religions as extremist and thus banning their keeping and dissemination. The article shows fallaciousness of such practice by the Ministry of Justice of Russian Federation in modern Russia.

В статье **М.А. Фролова «Ионск экстремизма в религиозных текстах: цели и результаты»** дается точная профессиональная оценка состояния судебной системы на сегодняшний день, обозначаются кон-

кретные слабые и спорные стороны правоприменения данного закона, исследуются корневые причины порочности судебной практики применения антиэкстремистского законодательства. Автор, опираясь, в частности, на факты громкого судебного процесса в Томске над индуистским священным текстом «Бхагавад-гита», указывает на разрушительные последствия, которые может повлечь за собой непродуманная и порочная судебная практика поиска экстремизма в религиозных текстах, а также привлечения к таким делам неквалифицированных и ангажированных экспертов. Юрист считает, что отсутствие четкого определения понятия «экстремизм», так и соответственно методики его выявления, влечет весьма неоднородную правоприменительную практику с уклоном в сторону злоупотребления и избирательного применения закона. И более всего уязвимы в этом случае именно религиозные тексты, со своими метафорическими сравнениями, с совершенно иным культурно-историческим контекстом. Борьба с абстрактным экстремизмом в религиозных текстах неизбежно приведет к реальному возбуждению враждебного отношения к законопослушным последователям изложенного в таком тексте вероучения. В качестве первого шага на пути к совершенствованию закона правовед предлагает создать специализированный независимый экспертный орган, а также обеспечить четкий и эффективный общественный контроль за нормотворчеством и правоприменением.

In his article «**Searching for extremism in religious texts: aims and results**» M.A. Frolov gives an accurate and professional evaluation of the state that the juridical system in Russia is in today, points out specific weak and arguable aspects of the law's practical application, researches the main reasons for the the juridical system's flaws in applying the anti-extremist law. M. Frolov points to the destructive consequences which such unreasonable and faulty juridical practice of looking for extremism in religious texts, as well as inviting engaged and unqualified specialists to take part in such cases, can lead to. As an example he gives the facts from the famous Tomsk court case of the Hindu sacred text «Bhagavad-Gita». The lawyer believes that the lack of a precise definition of the term «extremist», as well as of a methodology for its establishment, leads to a very diverse enforcement of law with a tendency to misuse or partial application of the law. And it is exactly the religious texts which become the most vulnerable in this case, with their metaphorical comparisons, coming from a completely different

cultural and historical context. Fighting with abstract extremism in religious texts will inevitably result in provoking real enmity towards law-abiding followers of the religious doctrine contained in such text. In the opinion of the lawyer, the first step towards improving the law can be the creation of an independent expert council and ensuring of clear and effective control over creation of regulatory acts and their implement.

В статье **А.Р. Султанова «Современная цензура религиозных учений»** проведен сравнительный анализ института цензуры с существующей в настоящее время процедурой признания информационных материалов экстремистскими и практикой правоприменения. Проведенное исследование показывает порочность существующей системы, в результате функционирования которой религиозная литература ряда религиозных организаций признается экстремистской.

The article of **A.R. Sultanov «Modern censorship of religious teachings»** presents a comparative analysis of the censorship practices of the past and contemporary procedure of declaring information materials extremist as well of practice of law enforcement agencies. The research demonstrates fallaciousness of existing system that results in religious literature of a number of religious organizations being declared extremist.

Статья **А.Е. Кульчицкого «Воспитание толерантности – актуальная проблема современного общества»** представляет собой попытку объяснить феномен толерантности. Толерантность – это проявление терпимости во имя взаимопонимания между людьми иной культуры, религии и социальной среды. Все что выходит за рамки толерантности – это нетерпимость, насилие, вражда и непрекращающиеся войны. Своей статьей я хочу рассказать, что только сообща мы можем решать эту проблему, полагаясь на образовательные и воспитательные учреждения (общеобразовательные и высшие), семью, Церковь и другие социальные институты.

The article **Kulchitskiy A.E. «Tolerance education is an actual problem of a modern society»** by is an attempt to explain the phenomenon tolerance/ Tolerance is patience for the sake of mutual understanding between people of different cultures, religions, and social environment. Everything that goes beyond tolerance – is intolerance, violence, feuds and relentless warriors. In my article I want to tell you that only together we can solve this problem by relying on educational institutions (secondary and higher), family, Church and other social institutions.

В статье **Е.И. Аринина** «Религиоведение как школа толерантности в системе образования» на примере Владимирской области России рассматриваются проблемы преподавания религиоведения, которое может и должно формировать у студентов толерантное отношение ко всем религиям и религиозным направлениям.

The article «**Religious Studies as School of Tolerance in the System of Education**» by **E.I. Arinin** describes problems of religious education in Vladimir region as an example. This education can and should form a tolerant attitude of students toward all religions and religious movements.

В статье **О.Ю. Гончарова** «Итоги Всероссийской научно-практической конференции “Практика применения законодательства о противодействии экстремистской деятельности и гарантии свободы совести в современной России”» излагаются основные позиции участников названной конференции, указывается, что антиэкстремистский закон нарушает права в сфере свободы совести и нуждается в существенном изменении или вообще отмене.

The article «**Resume of All-Russia Scientific-Practical Conference “Practice of Application of the Law on Counteraction to Extremist Activities and Guarantees of Freedom of Consciousness in Modern Russia”**» by **O. Yu. Goncharov** shows the main viewpoints of the participants of that conference, states that the «anti-extremist» law violates rights for freedom of consciousness and needs to be significantly changed or cancelled at all.

В статье **М.В. Синицына** «Специфика применения антиэкстремистского законодательства к последователям Фалуньгун в России» показаны основные этапы и нарушения, допущенные при производстве по судебному делу о признании экстремистской духовной и правозащитной литературы учения Фалунь Дафа (Фалуньгун), а также изложено мнение о необходимости корректировки законодательства, допускающего возможность признания материалов экстремистским без учета их фактического влияния на личность и общество. Также в статье раскрываются политические причины применения антиэкстремистского законодательства в отношении материалов последователей Фалуньгун в России.

In the article by **M.V. Sinitsyn** «**Specifics of application of anti-extremism law against Falun Gong practitioners in Russia**» the main stages and violations are shown, committed during the court proceedings in

regards to the case to qualify as extremist the spiritual and human rights texts of Falun Dafa (Falun Gong), also included is an opinion about how to correct the law, which allows the possibility of qualifying materials as extremist without regard for their actual influence on the individual and society. Also in the article political reasons for applying anti-extremism law are tackled – in regards to the materials of the Falun Gong practitioners in Russia.

В статье **Е.С. Элбакян «Научность религиозноведческой экспертизы; возможности и необходимость»** рассматриваются основные принципы и критерии научности. Исходя из того, что религиозноведение является академической наукой, сформировавшейся в рамках классической научной парадигмы, автор применяет принципы научности к религиозноведческой экспертизе, выделяя в качестве ключевых принципы объективизма и аксиологической нейтральности. Рассматривая приложение № 1 к Приказу Министерства юстиции РФ № 53 «О государственной религиозноведческой экспертизе», Е.С. Элбакян указывает на ряд ошибок и неточностей, допущенных в формулировках данного документа, и сама формулирует основные положения, которым необходимо следовать экспертам в сфере религиозноведения.

In the paper **«The scientific expertise, capabilities and necessity» E.S. Elbakyan** is considering the basic principles and criteria of science. Based on the fact that religion is an academic science that emerged in the framework of the classical scientific paradigm, the author applies the principles of scientific expertise to the theological knowledge, high lighting as key principles of neutrality and axiological objectivism. In considering the application number 1 to the Order of the Ministry of Justice №53 dated February 18, 2009 “On the state religious expertise” E.S. Elbakyan indicates the number of errors and inaccuracies in the wording of the document itself articulates the basic provisions that must be followed by experts in the field of religious studies.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

АРИИИИ Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета (Владимир, Россия).

АРТЕМЬЕВ Артур Игоревич – доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

ГОИЧАРОВ Олег Юрьевич – Генеральный секретарь Общероссийской общественной организации содействия защите свободы совести (МАРС), директор отдела по связям с общественностью Церкви Адвентистов Седьмого дня, пастор (Москва, Россия).

ЕЛЕИСКИЙ Виктор Евгеньевич – доктор философских наук, профессор Украинского Католического университета, председатель Украинской ассоциации религиозной свободы (Киев, Украина).

ЖЕРЕБЯТЬЕВ Михаил Алексеевич – кандидат философских наук, доцент Воронежского филиала Современной гуманитарной академии (Воронеж, Россия).

ИВАИЕЕВ Сергей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации», профессор Академии военных наук (Москва, Россия).

ИВАИЕИКО СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ – доктор философских наук, религиовед (Москва, Россия).

КАИТЕРОВ Игорь Яковлевич – доктор философских наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

КУЛЬЧИЦКИЙ Анатолий Ефимович – пастор Церкви Адвентистов Седьмого дня (Казань, Россия).

ЛЕЩИНСКИЙ Анатолий Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии Российского государственного социального университета, советник Российской Федерации 2-го класса (Москва, Россия).

ИЕРССОИ Бертил – доктор теологии, профессор сравнительного религиоведения в отставке, посол мира ЮНЕСКО и Федерации за всеобщий мир (ECOSOC), консультант Шведского межрелигиозного совета за мир, священник Англиканского сообщества, эксперт шведского

правительства, шведских и международных организаций (Стокгольм, Швеция).

ИОГАСИЙ Анатолий Кириллович – кандидат исторических наук, доктор философии, профессор Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, старший научный сотрудник Института религии и права (Казань, Россия).

СЕБЕИЦОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, заместитель директора Московского центра образовательного права (Москва, Россия).

СИИИЦИИ Михаил Владимирович – председатель «Центра духовного и физического совершенствования “Фалуиь Дафа”» (Краснодар, Россия).

СМИРИОВ Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, доцент философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

СУЛТАНОВ Айдар Рустемович – начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскиефтехим», судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по улучшению жизни и образования (Нижнекамск, Россия).

ФРОЛОВ Михаил Александрович – юрист Централизованной религиозной организации «Центр обществ сознания Кришны в России», участник стороны защиты на судебном процессе в Томске о признании Бхагавад-гиты экстремистским материалом (Москва, Россия).

ХРУЛЬ Виктор Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт Папского совета по социальным коммуникациям (Москва, Россия).

ЭЛБАКИ Екатерина Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и управления социальными процессами Академии труда и социальных отношений, ответственный секретарь редколлегии журнала «Религиоведение», координатор и научный руководитель проектов «Религиоведение. Энциклопедический словарь», «Энциклопедия религий», руководитель Центра религиоведческих исследований «РелигиоПолис» (Москва, Россия).

**ЦЕНТР РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ «РЕЛИГИОПОЛНС»**

**КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ
АКАДЕМИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ СВОБОДЕ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Материалы Международной
научно-практической конференции
Москва, Центральный Дом журналиста,
26 июня 2012 г.

ISBN 978-5-91470-036-9

Издательство «Древо жизни»

Верстка оригинал-макета Е.А. Долганова
Корректор Е.А. Гайдель

Подписано в печать 23.07.2012. Формат 60х88 1/16.
Усл. печ. л. 10.5. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство ХЦ «Древо жизни»
Юр. адрес: 193312, г. Санкт-Петербург, ул. Коллонтай, д. 43 лит. А
Тел.: (812) 924-05-11 (Санкт-Петербург); +7 (915) 486-49-25 (Москва)
E-mail: print@drevolife.ru
Издательские, дизайнерские и полиграфические услуги
Сайт: print.drevolife.ru